

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей во Владимирском соборе (май 1991 г.)

Проповедь

4 мая. Сщмч.Ианнуария. **СЛОВО ПОСЛЕ УТРЕНИ** ДОРОГИЕ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!
Празднование, которое было начато в прошлое воскресенье, воспоминание о расслабленном, завершается. И сейчас, отдавая этот праздник, завершая его, мы снова должны подумать о той вере, которая может воздвигнуть и расслабленного. В наше время очень много расслабленных людей — расслабленных духовно, расслабленных душевно, расслабленных физически. К сожалению, наше время этим отличается. И конечно, нам надо знать, что же с этим делать? Господь посылает верным Своим чадам благодать и силу Святого Духа для того, чтобы эту расслабленность преодолеть. И это происходит по вере нашей. Нам нужно всегда стремиться к тому, чтобы не расслабляться. В древности святые отцы писали, что для последующих Богу нет отдыха, т.е. нет расслабления. Вы знаете, что современные люди — всегда уставшие: и утром, и когда ложатся спать, и после отдыха приезжают уставшими. И поэтому, конечно, им все время хочется отдохнуть. Это одна из целей жизни современных людей. Но когда святые отцы пишут, что отдых для человека, совершающего свое спасение, не нужен, они говорят полную правду. По-настоящему, не нужен. Это не означает, что у человека что-то насильно отнимают, что он чего-то хочет, а ему этого не дают. Нет, дорогие братья и сестры, просто человек имеет благодать, которая всегда «немогущее врачует и оскудевающее восполняет», как говорит апостол Павел. Мы должны стремиться к явлению духа и силы не просто ради самого этого явления и, конечно, не для того, чтобы в этом показать себя. А для чего, дорогие братья и сестры? Я думаю, что многое в нашей христианской жизни было бы успешнее, если бы мы знали, для чего надо делать то-то и то-то, что рекомендуется нам в церкви. Сегодня мы почитаем еще память святого мученика Ианнуария. Два слова скажу об этом священномученике. Он жил в начале IV в., был епископом города Путеолы в Кампании на юге Италии. Ианнуарий пострадал вместе со своим дьяконом и чтецом. Сейчас мощи его находятся в Неаполе. Это святой западной Церкви того благословенного времени, когда мы были в полном единстве с нею. И мы чтим память этого мученика. Вы знаете, мученик — по-гречески «мартир», что значит «свидетель», а вот свидетельствует мученик о Боге всегда силой Духа. Если человек расслаблен, он свидетелем быть не может. Он не может быть мучеником. Он может признать веру умом, он может следовать традициям, исполнять обычаи христианские. Конечно, это может любой человек. Но быть свидетелем, мучеником, прославленным Богом и Церковью, он не может. Расслабленный человек, повторяю, я имею в виду всякое расслабление — и физическое, и душевное, и духовное, в любом случае расслабленный человек — не свидетель. И поэтому он подвергает себя опасности отречься в случае наступления силы зла. Мы сейчас молились о властях и воинстве и о чистой и безмятежной жизни во всяком благочестии и чистоте. Что такое безмятежная жизнь? По-славянски даже — безмолвная. Безмолвная от слова «молва», без молвы, без мятежа, без агрессии зла. Вот о чем здесь молится Церковь. Когда мы просим тихую, безмятежную жизнь, это совсем не значит, что мы должны лежать, расслабиться и ничего не делать. Ни в коем случае, дорогие братья и сестры! Имеется в виду только то, чтобы нам и всей Церкви не впасть в искушение сверх сил, имеется в виду, чтобы на Церковь не было такой агрессии. Мы чтим сегодня память мученика Ианнуария и других мучеников, и потому должны обязательно еще и еще раз оглянувшись на нашу жизнь, вспомнить об их свидетельстве, о том, что такое мученичество. Для нас ведь это актуальные, а не абстрактные вещи. От того, насколько мы сейчас с вами способны к свидетельству, готовы к

нему, зависит будущее всей страны и церкви нашей. Нам нужна евангелизация всего народа, независимо от национальностей, способностей, возрастов. Сейчас в этом нуждается и стар, и млад. Мы с вами должны свидетельствовать всей своей жизнью, каждую минуту мы должны быть свидетелями. Что будет убедительно для людей? Евангелие Духа и Силы! Только это! Никакие логические, абстрактные рассуждения и доказательства на людей уже не действуют. Слишком навязывали их как средства в руках науки. Люди от этого устали. Они даже взяли их под подозрение. Поэтому сейчас — только одно: если есть благодать, если есть сила, если есть свет, исходящий от свидетеля, будет и плод, плод достойный, чего бы это не стоило самому свидетелю. Совсем не исключено, что тут придется чем-то жертвовать и нам с вами, начиная с простого, — нашими физическими силами, нашим временем, которого у всех хронически не хватает. Иногда — нашими интересами, нашими способностями к культурному творчеству, к научному творчеству или еще к какой-то деятельности полезной, очень полезной и очень нужной. Но приходится жертвовать ради высшего. Сейчас мы живем именно в такую эпоху. Не сделаем мы этого — будет поздно, потому что народ уйдет, уйдет или к кришнаитам, или еще куда-то, или так расслабитса само тело Церкви в нашей стране, что распадется. Расслабленный человек — тот, который не может ходить, не может встать, идти и совершать волю Божию. Церковь теперь может встать и идти, и совершать волю Божию. Но не так давно, еще у нас на глазах, Церковь не могла встать и пойти. Ведь такое было! Церковь была жива, она никогда не умирала, но встать, пойти и совершать волю Божию для всего нашего народа, для нашей страны она не могла. Времена меняются, слава Богу! Слава Богу, что и мы теперь можем совершать свое служение! Да, есть еще множество препятствий, множество трудностей, но они теперь в принципе могут быть преодолены. Конечно, чем больше человек делает, тем больше у него проблем — и внешних, и внутренних, и церковных, и всяких, в том числе общественных. Но они будут преодолеваются силой Духа. Мы знаем, что это происходит. В конце концов, несмотря на то, что мы здесь вокруг себя видим, в каких бы тяжелых условиях мы бы с вами не существовали, мы смогли сюда прийти, а еще три-четыре года тому назад об этом и думать было нельзя. Вот, дорогие братья и сестры, мы должны быть свидетелями всегда и везде. Я об этом хочу вам в первую очередь сказать. Ведь расслабленность дает свои плоды. Кажется, я отдохнул, я расслабился — так завтра я с новыми силами... А завтра я не с новыми силами, а с отсутствием сил, потому что я расслабился, разбазарил тот дар, который дал Бог. Будем же стараться быть готовыми всегда дать отчет в своем уповании, в своей надежде, с кротостью, смиренномудрием, и разумом, бесспорно. Но дать отчет надо всем, всякому требующему, независимо от того, начинает ли он свою духовную жизнь или уже не один год, не одно десятилетие ходит в церковь. Очень многие сейчас, к сожалению, стараются как-то переложить с себя это служение свидетельства на других, оправдываясь всякого рода обстоятельствами — я больной, у меня семья, я неопытен, я боюсь, боюсь не вообще чего-то, а боюсь, что скажу что-то не так, не отвечу на вопрос, который мне зададут, и т.д. А надо помнить о том, что Господь в Евангелии нам сказал не заботиться о том, что нам говорить, когда придется свидетельствовать. Именно в этих случаях не заботьтесь. Вообще-то в жизни очень заботьтесь о том, что говорить и что делать, но когда вы будете свидетелями и, может быть, мучениками при этом, вольно или невольно, перед родными или друзьями, перед врагами или властями, тогда не заботьтесь. Дух Святой будет говорить за вас. И мы знаем, что достаточно человеку только стать верующим, иногда он еще только оглашаемый — все равно, если ему надо свидетельствовать, он сможет свидетельствовать в такой силе Духа, которая покроет все его немощи, все его недостатки, сделает его в один миг великим святым. Я уже вам говорил, что такие люди, если они умирали даже не будучи крещены Церковью, не просто считались крещеными, но вписывались в святцы как святые. И такие люди в святцах наших есть. Вот, дорогие братья и сестры, мы с вами должны об этом всегда думать и не пропускать ни одного дня, укрепляя Церковь, укрепляя веру и свидетельствуя! Для нас должно быть великой радостью, если Господь нам послал в какой-то день нашей жизни человека или группу людей для свидетельства. Где бы мы ни были, иногда даже на каких-то чисто деловых встречах можно

увидеть, что и здесь открывается дверь для свидетельства. Приходишь в какой-нибудь совершенно официальный орган, например в Моссовет или еще куда-нибудь, и вдруг три четверти вопросов оказываются связанными с верой. Людей светских это, как выясняется, волнует подчас больше, чем их непосредственные обязанности. Вот, дорогие братья и сестры, нужно не бояться, не бежать от свидетельства, а быть открытыми и благодарить Бога за каждую возможность свидетельства. Если нам предложат сейчас выступить перед аудиторией в 200 тысяч человек, что мы с вами сделаем? Согласимся? Я очень рад! Вот поэтому будет и плод. Тогда плод будет. Если нам предложат выступить по радио, по телевидению, неужели мы убоимся, испугаемся каких-то своих несовершенств, каких-то своих немощей физических или духовных? Надеюсь, что не испугаемся. Сегодня у нас самый простой день — суббота. Субботний день, не праздничная служба, но Господь посылает нам иногда большие радости и в простые дни. Сегодня у нас много гостей из нашего прежнего прихода в Электроуглях. И особенно хотелось бы вам напомнить о том благословенном единстве христианского мира, когда было возможно такое великое свидетельство, как свидетельство-мученичество великомученика Ианнуария. Сегодня же мы рады приветствовать здесь и наших гостей из Франции. Отец Даниил (пусть он не обидится, что я назвал его не по-французски — Даниэль-Анжем) вместе с братьями и сестрами приехал в нашу страну не расслабляться, не отдыхать, а свидетельствовать, свидетельствовать о Христе, свидетельствовать о духе единства, в духе мира, в духе любви, в духе веры! Сейчас, к большому нашему сожалению, нет той полноты единства церкви, которая была в начале IV в. Тогда не нужно было говорить: я православный, я католик, я протестант, я баптист, я лютеранин и т.д. Если спрашивали: «Ты кто?», человек мог просто сказать: «Я христианин!» Этого было достаточно. А сейчас, если вы скажете: «Я христианин», это еще не совсем ясно. Приходится уточнять ответ именно в силу того, что нет, к сожалению, такой полноты единства между нами в церкви. Но это не значит, что единства совсем нет. Некоторые говорят, что мы разделены и чужды друг другу. Но это неправда, дорогие братья и сестры. Несмотря на то, что есть вещи, которые нас разделяют, есть множество вещей, и их больше, которые нас объединяют. Таким объединяющим моментом является и наша совместная проповедь о Христе, наше свидетельство. И Бог не лицеприятен, братья и сестры. Мы можем смотреть на внешние обстоятельства, а Бог смотрит на сердце человека. Поэтому кому-то Он дал жатву и великий плод, кто-то имеет большую силу Духа, кто-то несет более яркий свет, кто-то несет более чистый смысл. Вот к этому мы и должны стремиться, это наша задача. Апостол Павел говорит: «Многие бегут для получения венца... Так бегите». Бегите, докажите, что у вас есть сила Духа, есть явное свидетельство, есть подлинная вера и соответствующий плод. Кто прибежит первый, говоря словами апостола Павла, тот и выиграет. Будем стараться не забывать об этом, о том, что нам нужно не как-то отдельно друг от друга верить. Мы все делаем одно дело, мы все служим Христу, мы все стараемся укрепить Христову Церковь, укрепить хотя бы то единство, которое есть. Его еще нет полностью, но оно может быть как чудо, если Бог пошлет Свою благодать, если мы будем Ему до конца верны. Это главное. Тогда мы посмотрим в глаза друг другу, узнаем друг в друге братьев и сестер и произнесем друг другу приветствия наши, потому что узнаем друг в друге членов Церкви. Сейчас мы должны это делать очень внимательно, потому что с одними мы более едины, с другими менее. Но настанет время, когда не нужно будет проверять ничего, когда нужно будет только одно — вот это единое свидетельство, единое сердце. И оно само будет гарантом того, что Церковь залечила свои исторические раны, преодолела свой исторический недуг, недуг разделения, вражды, непонимания, подозрения друг к другу, недуг политических и национальных амбиций и претензий. Дорогие братья и сестры, будем всегда с огромной радостью принимать таких гостей, каких Господь сегодня послал нам. С большой благодарностью мы здесь их сегодня приветствуем. Мы рады, что они молились вместе с нами, мы рады этой молитве. И мы рады, что братья и сестры из Франции не чувствовали себя здесь чужими. Мы надеемся, что они почувствовали не только внимание, но и любовь нашей церкви, нашей общины. Мы надеемся, что их свидетельство в нашей стране с целью поддержать нас,

будет распространяться, укрепляться и даст свой плод. И тогда мы снова и снова, встретившись друг с другом, скажем: «Христос Воскрес!» «Воистину Воскрес!»

11 мая. СЛОВО ПЕРЕД УТРЕНЕЙ Дорогие братья и сестры! Я хочу вам напомнить главный смысл того отрывка из Евангелия, который вы слышали в неделю о самарянке, в прошлое воскресенье. В первую очередь, это важнейшее для нас откровение о том, что Господь дал нам возможность поклоняться Богу в Духе и Истине. Что это значит? Мы сегодня вместе с вами подумаем об этом и поговорим. Для нас также важно, что Господь в беседе именно с самарянкой открыл Свое мессианство. Открыл в значительно большей степени, чем Своим ученикам, которым Он о многом говорил в притчах, а если и изъяснял их смысл, то не сразу. Для нас очень важно помнить, что мы — поклонники Божии, что мы поклоняемся только Богу, что мы служим только Богу. Если мы поклон предназначаем человеку, то только веря, что этот человек есть живая икона Бога. Если мы кладем поклон перед иконой, то тоже только зная, что это образ божественного мира, божественного Света. Вот, братья и сестры, будем в этом отношении строги, потому что евангельское учение, евангельское откровение призывает нас к высшей Истине. И если мы снижаем ее или теряем, хотя бы отчасти, то несем огромный ущерб сами. Те, кто рядом с нами, не могут получить через нас тот Дух, ту Истину, которую они ждут, потому что полнота Духа открыта именно Христовой Церкви. Вот, братья и сестры, поэтому-то мы должны быть столь внимательны к тому, что открывает нам Господь. И вот я бы очень желал, чтобы мы чаще вспоминали о том, что мы — поклонники Божии, слуги Божии, что мы поклоняемся Богу в Духе и Истине, ибо таких поклонников ищет Себе Господь Бог! Аминь.

СЛОВО НА УТРЕНЕ Братья и сестры, христиане! Для нас с вами очень важно понять, что означает поклонение Богу в Духе и Истине. Очень знаменательно то, что разговор Господа с самарянкой произошел у колодца. Колодец, особенно в местах жарких, пустынных и гористых, это место живительное, это место, куда люди стремятся, испытывая жажду. А жажда — дело великое. Всякий человек испытывает жажду, но жажда эта бывает разнородная, как бы разной природы. Зависит это от того, что более всего требуется сейчас тому человеку, который жаждет. Люди внутри себя всегда чувствуют, какую потребность удовлетворить им совершенно необходимо. Люди всегда идут, подобно оленям, к источникам вод. Но какая бывает жажда? Какие воды утоляют эту жажду? Сейчас, как никогда, люди жаждут, и страдают, и алчут очень часто, чувствуя внутреннее беспокойство, внутреннее неудовлетворение. Они жаждут не Бога. Они думают, что им нужно какое-то утешение. И очень часто приходят к ложным источникам, и припадают к этим источникам, и напиваются. И дальше происходит трагедия. Мы знаем, что именно сейчас так много людей, страдающих алкоголизмом, так много наркоманов, так много сексуально неудовлетворенных, потому что люди чувствуют жажду и требуют ее удовлетворения, но не могут найти тот колодец, около которого мог бы присесть и отдохнуть Христос. Они не находят Христа. Их удовлетворение ложно. И таких людей страшно жалко, ибо они очень часто оказываются в сетях этой жажды и уже ничего другого не просят и ничего другого не хотят. Это ложные сети, в которые попадает человек. И таких сетей сейчас значительно больше, чем прежде. Вы хорошо знаете, что эти сети могут быть разбросаны и на пути не только телесных потребностей, но и душевных, и духовных. Вы хорошо знаете, что всякого рода социально-политические взрывы очень часто являются обольщением, и люди прибегают к кладезю, который должен бы удовлетворить их потребности, но этот кладезь их обманывает: он дает суррогат, он дает воду, но воду черную, воду отравленную, тяжелую. И тогда люди пожинаяют плоды своего заблуждения. А иногда они настолько проникаются жаждой самосовершенствования или вообще всего того, что человек может делать сам и один, что это тоже становится обольщением. Тогда человек рвет все свои связи, уходит в себя и доходит до сумасшествия. Совершенно не случайно в наше время так много душевно неуравновешенных людей, людей, психика которых в крайне нездоровом состоянии. Дорогие братья и сестры, есть и духовная жажда, которая может удовлетворяться тоже ложным

источником, которая может удовлетворяться не той водой, что течет в Жизнь вечную. Мы хорошо знаем, что в наше время много такого беснования, много самообольщения. И крайне печально видеть людей, находящихся в прелести. Это по-настоящему не весело, это по-настоящему страшно, потому что духов-то много, и человек, начинающий жить духовной жизнью, но не различающий духов, попадает как раз в сети, далекие от Бога. И самое страшное здесь то, что часто такие люди думают, что это как раз и есть сеть Божия, что это и есть призвание Христа. Это самое страшное. Поговорите, дорогие братья и сестры, с любым обольщенным — с пьяницей, с психически больным человеком или с духовно прельщенным, — эти люди вызывают особо тяжелое чувство от того, что они не способны видеть себя трезвыми. Вода, к которой они прибегли, является пьянящей водой, водой нетрезвенности и нетрезвости. Начинаются страшные фантазии и самооправдания. Покаяния от таких людей не жди. В древности был известен дар духовный, дар экзорцизма, когда злые духи подчинялись имевшим такой дар и уходили из человека по молитве его и церкви. Но дар этот был всегда личным. Он не был дан всем, так же как и дар различения духов. Духовно опытным может быть каждый человек, дорогие братья и сестры, но различать духов, увы, может не каждый. Дорогие братья и сестры, когда Господь открыл нам великое Свое Слово о поклонении Богу в Духе и Истине, Он тоже имел в виду жажду, ту жажду, о которой говорили еще пророки Ветхого Завета. Они говорили о том, что Сам Бог пошлет жажду на землю, и люди будут жаждать не хлеба, не внешнего, плотского, но Слова Божьего. Есть и другие места в Священном писании, где тоже говорится о жажде и тоже с оттенком горечи и пессимизма, о том, что люди будут испытывать жажду, даже умирать от нее, но не найдут источника жизни. Древние пророки, к сожалению, заключили именно так. Нам кажется, вот если есть жажда Слова Божьего, то неужели не найдет человек это Слово? Увы, далеко не всегда находит человек источник воды, текущей в Жизнь вечную. И нам нужно помогать друг другу в этом. В Церкви Божией есть такой источник. Но от Церкви легко отпасть, даже посещая храм. Даже ежедневно причащаясь, можно быть не членом Церкви. Дорогие братья и сестры, даже зная наизусть писания отцов, даже исполняя все, что предписано христианину по уставу и преданию, можно быть не членом Церкви. Будучи облеченным любым саном, до самого высокого, можно оказаться вне Церкви. Ничто внешнее в жизни, ничто прошлое в жизни не гарантирует нам, что мы всегда будем иметь доступ к Источнику Христову. Христианство труднее всего потому, что оно не дает никаких гарантий, в отличие от всех других учений мира. Христианином быть труднее всего, потому что христианин проповедует Любовь и Свободу. Свободу же так легко подменить произволом, а любовь — блудом. Так легко это подменяется, что люди иногда и не замечают этого. Христианство проповедует Дух и Истину, но Дух тоже иногда снижается, охлаждается и превращается в нечто ложное. И Истина иногда прекращает свою жизнь в нас и превращается в идеологию, в идеи, в идеалы, что совсем не то же самое, что Истина. Братья и сестры, сейчас, когда эти опасения прямо перед нами, мы должны, с одной стороны, быть особенно трезвыми, милостивыми друг к другу, а с другой стороны, — строги. Господь открыл нам кладезь Премудрости, в котором вода жизни, ибо это источник воды, текущей в Жизнь вечную. Господь открыл нам, что каждый из нас должен стать таким источником, если хочет быть христианином. Как часто это не случается! Люди крестятся, люди молятся, а источником света, источником живой воды не являются. Им с трудом хватает сил только на себя, они привыкли все мерить только по принципу а что мне это дает, не ставя перед собой вопроса: а что я даю Церкви, миру, своим ближним и дальним? Если люди не ставят такого вопроса, то они не пребывают в духе трезвения. Господь открылся самарянке. Господь удовлетворил ее жажду, несмотря ни на какие ее грехи в прошлом. Он простил ее потому, что она была жаждущей. Также наша церковь теперь, церковь жаждущих! Господь дал самарянке воду жизни, хотя она пыталась даже иронизировать по этому поводу. Вы помните? От этого своего несчастья пыталась она это делать. Она пыталась оградить себя от взора другого человека, не доверяя, боясь. Братья и сестры, как трудно бывает удержаться в этом поклонении Богу в Духе и Истине! Как легко сказать: «Мы поклоняемся Богу в Духе и Истине»! Красиво. Но давайте вспомним о

том, что в нашей жизни иногда случается. Если вы подойдете к кому-то не из православных, особенно к протестантам, особенно к русским, например, к баптистам, то можете часто услышать: «Мы поклоняемся Богу в Духе и Истине, а вот вы — церковь мертвая, потому что в Духе и Истине не поклоняетесь Ему». Тогда начинаешь задумываться: а как же так? Какие же критерии поклонения Богу в Духе и Истине? Что, это зависит от количества обрядов? А у баптистов их намного меньше, а у нас их больше. Что, это зависит от глубины знания буквы Писания? От чего это зависит? Или если человек служит на лужайке — это поклонение Богу в Духе и Истине, а если в храме, то уже нет? Очень жаль, что многие не задумываются над этим и воспринимают великое откровение Христова слишком внешне. Дух Божий есть сила Божия, есть энергия Божия, есть действие Божие, и человек, через которого идет эта энергия Духа, который обретает свою личность, который личностно служит этой силой Божьей, поклоняется Богу в Духе. Истина Божья тоже есть Дух. Это не совокупность учений, догматических формулировок, уставных правил или традиций. Истина есть Дух! Христос сказал: «Я есть Истина!» Поклоняющийся Богу во Христе поклоняется в Истине. Христос — Дух, воплощенный и вочеловечившийся. Это так. И мы, будучи воплощенными, не стремимся под страхом смертного греха к развоплощению. Мы с вами призваны служить Богу во Христе Христовой Истиной, Христовой Любовью, Христовой Свободой. Не произволом. Увы, люди часто слышат одно, а понимают совсем другое. Услышат великое слово «свобода», а за этим следуют действия произвола. И недоумевают: «Вы же говорили нам о свободе, что же вы не даете нам делать то, чего мы хотим? Где же этот дух православной свободы?» Это приходится слышать почти каждый день, потому что люди необыкновенно привязывают к своеволию и, тем самым, к произволу свою жизнь в силу инерции прошлого, в силу той страшной индивидуализации жизни, которая произошла сейчас в нашем народе. Братья и сестры, поклоняться Богу в Духе и Истине — величайшее призвание человека. Нет ничего выше. Человек, который приходит к такому поклонению, может преодолевать все свои страхи, он может по-настоящему обрести себя, и ближнего, и Бога, и мир Божий. Человек, который поклоняется Богу в Духе и Истине, может помочь другим освободиться от грехов, от страстей, от того самого разрушения, которому предаются люди все больше и больше не в одной, так в другой форме. Поэтому такое поклонение, как и все, что относится к Богу, несет великий творческий заряд, восстанавливающий все разрушенное, дающий силу, удовлетворяющий жажду Слова Божьего, которое славят наши сердца. И слава Богу, не только наши. Будем помнить, что в каждом человеке, пока он жив на земле, есть что-то от этой жажды, кем бы он себя ни почитал, как бы он ни жил и как бы себя ни чувствовал. И будем проповедовать, свидетельствовать Духом и Истиной о поклонении Богу в Духе и Истине, как засвидетельствовал это самарянке Сам Господь! Аминь.

СЛОВО ПЕРЕД ВЕЧЕРНЕЙ Дорогие братья и сестры! Начинается неделя о слепом. Большинство из вас знают, о чем завтра будет прочитан отрывок из Евангелия, каково его содержание. Господь отверзает очи слепому, слепорожденному. И каждый из вас представляет себе, что в каком-то смысле, таковыми являются все люди. Древние христиане говорили, что христианами не рождаются, христианами люди становятся. Это значит, что тот Свет, который дает нам Господь, приходит к нам исцеляющим образом. И мы, подобно слепорожденным, получаем исцеление от Господа. Мы начинаем видеть то, чего прежде не видели. Церковь накопила большой духовный опыт такого Боговидения, когда невидимое становится как бы видимым, когда вера открывает нам очи. И сейчас, начиная праздничную воскресную вечерню, мы с вами должны снова вспомнить об этом евангелии и снова подумать о себе: ясно ли наше зрение, ясно ли всегда мы видим то, что обычным, плотским зрением неразлично. Прославляя Христа воскресшего, мы прославляем Христа, дарующего нам это Боговидение. И да будет этот единый дух в нас, тот дух, который соединяет нас с Богом и друг с другом через Христа в Духе Святом. Аминь.

СЛОВО НА ВЕЧЕРНЕ ПОСЛЕ ПАРИМИИ Дорогие братья и сестры! Великий пророк Исайя открывает нам глубочайшие истины Божии. Он раскрывает их нам в образе брака, брачной любви, в образе любви одного человека к другому, когда двое становятся едины. Прекрасные образы брака! Они светлы, радостны и красивы, они неотразимы для каждого из нас. И совершенно не случайно Господь Иисус Христос, когда Он говорит нам о пришествии Небесного Царствия, об откровении этого Царства в Себе и через Себя, тоже использует образы брачного пира. Нам предоткрывается тайна любви, любви, которая позволяет открыть новое имя человеку, как и сказано у пророка Исайи. Конечно, это относится к Самому нашему Господу, но это может быть отнесено и ко всякому, кто приобщен верой и любовью ко Христу и Его Невесте Церкви. Братья и сестры, далее говорится об откровении Правды и Истины и той радости, которая исполняет наши сердца, когда это откровение происходит в них. Мы не устаем прославлять воскресшего Господа. Мы знаем о торжестве жизни над смертью. Мы рождаемся во Христе тогда, когда открываем Ему свое сердце. И тогда в нас побеждается тление и разложение смерти. Мы с вами уже как бы идем на брачный пир с Господом. Мы не просто предчувствуем этот пир, мы начинаем в нем участвовать. Не случайно Евхаристия для нас тоже как пир, пир брачный. Конечно, мы не можем забыть о кресте, думая о воскресении. Крест и воскресение — вот что открывает нам дорогу на этот пир — Крест Христов, Воскресение Христово, но и наш крест, дорогие братья и сестры, и наше воскресение. Пророк Исайя говорит о том, как возрадовалась душа его о Господе. Давайте и мы вспомним в связи с этим и о себе, и друг о друге, и о всей Церкви. Как часто она скорбит, как часто этой радости не хватает нам с вами. Мы еще продолжаем праздновать Пасху, но уже многие скорби входят в нашу жизнь. Мы с вами стараемся преодолеть эти скорби и возрадоваться душою о Господе. И дай нам Бог прославлять воскресшего Господа, являть силу Воскресения в жизни своей и в жизни всей Церкви — Невесты Христовой. Аминь.

СЛОВО ПОСЛЕ ВЕЧЕРНИ Дорогие братья и сестры! Господь не оставляет нас Своей милостью и постоянно нас радует. Эти радости не заслужены нами, но их много, и о них нельзя молчать. Особая радость у нас в сердцах от того, что мы имеем полное общение друг с другом, с Господом и с людьми, которые приходят к нам как гости общины. Сегодня мы рады приветствовать гостей из нашего старого прихода, где прежде я служил, из Электроуглей, — монахиню Нину, Анастасию, Татьяну. Мы всегда рады тем, кто приезжает к нам из этого города, несмотря на свои старческие немощи. Мы приветствуем сегодня в нашем храме и гостей из Франции — знаменитого православного богослова Оливье Клемана и сопровождающих его людей. Мы имели очень большую радость на этой неделе слушать лекции месье Клемана. Одно дело, когда мы читаем его произведения в переводах (конечно, всем нам это доставляет огромную радость на протяжении уже многих лет), и совсем другое дело, когда мы имеем возможность лично общаться с ним. Для нас было большой радостью то, что все, о чем он говорил, нисколько не расходилось с нашей верой. Месье Клеман пришел к вере во Христа из атеизма, из неверия, и был крещен во Франции взрослым человеком. Поэтому он особенно глубоко вошел в христианскую традицию во всей ее полноте. Это великая радость потому, что подобное предстоит многим из нас. И мы должны учиться у месье Клемана тому, как это можно сделать, на какой высоте, с какой глубиной. Месье Клеман — наследник одновременно западной традиции и восточной. В нем соединяется опыт обеих. Он с самого начала православный, но это не мешает ему быть открытым и нести свет проповеди о Христе и свидетельства о Православии не только во Франции, но и во многих других странах, а теперь и у нас, потому что мы в этом очень нуждаемся. Тема лекций Оливье Клемана — личность, учение о человеке. Он раскрывает это учение на тбинственной, сакраментальной глубине, основываясь на Священном писании, Ветхом и Новом заветах, на учении греческих, точнее, византийских святых отцов, на опыте великих русских мыслителей, богословов и философов XIX и XX вв. Нам было очень приятно слышать и видеть, насколько глубоко воспринято христианским сердцем учение о личности, учение о свободе человека, о любви, о возрождении

человеческой личности во Христе и через Христа. Нам было очень приятно слышать столь близкие нам слова Хомякова, Киреевского, Достоевского и Соловьева, Флоренского, Владимира Лосского, Павла Евдокимова и других мыслителей. К сожалению, некоторые труды этих русских людей нам до сих пор недоступны. Они не издавались у нас никогда, некоторые из них даже не существует на русском языке, хотя написаны они русскими людьми. Так сложилась история XX в. И сейчас их великое учение приходит к нам, мы чувствуем связь, преемство от времен апостольских через эпоху святых отцов и Вселенских соборов, через эпоху Григория Паламы. Удивительно, что во Франции сейчас 200–300 тысяч православных. Они члены православной Церкви. Они едины друг с другом и всею Церковью. Братья и сестры, нет большей радости, чем радость единства в вере и любви. И конечно, наша радость исполнилась сегодня, когда месье Клеман и те, кто сопровождает его, молились вместе с нами. Для нас это особая радость. Можно только сожалеть, что время их очень ограничено, они не могут быть с нами на Евхаристии, на литургии, но мы надеемся, что эта возможность будет не закрыта в будущем. Мы надеемся, что евхаристическое общение наше осуществится, несмотря ни на какие трудности, на эти перегородки, которые нас еще ограничивают. Мы надеемся, что эти перегородки рухнут. Мы надеемся, что храм этот будет вмещать всех желающих и никому больше не придется стоять в притворе, не будучи отлученным от Церкви. Братья и сестры, я хотел бы просить месье Клемана сказать нам в назидание то, что ему бы хотелось.

СЛОВО ОЛИВЬЕ КЛЕМАНА Братья и сестры! Я хочу сказать, насколько я и рад, и счастлив быть с вами сегодня вечером, хотя я человек с Запада и многие годы прожил в атеизме. Я встретился с Христом в Православной Церкви. Я встретился с Христом именно в Русской Православной Церкви. Это произошло благодаря свидетелям, которые были русскими эмигрантами. Мне хочется сказать вам, что здесь, с вами, я чувствую, что я у себя дома. И все мелодии, которые я здесь слышал, для меня родные. Они получают в моем сердце глубокий отклик. В течение многих, многих лет я с большим вниманием и тревогой слежу за судьбой Русской церкви, за ее страданиями, за ее мученичеством. И очень часто вспоминаю священников III в., которые говорили, что кровь мучеников — это семя христианства. В последний раз, когда я был в Москве, я встречался с некоторыми диссидентами, в какой-то степени подпольно, для того, чтобы рассказать о них в западной прессе. И теперь, когда я снова вернулся в Москву, я увидел как возрождаются, как открываются церкви. И пусть в вашем храме существуют еще перегородки, но он возрождается. Все начинается сначала, как если бы мы жили в первые века христианства. И хотя сейчас еще в значительной мере наблюдается нерешительность, уже сделаны многообещающие шаги, шаги, которые дают основание для больших надежд. Я думаю, что сейчас самая главная, основная проблема — это утверждение разума, разума веры, разума истины. Церковь углубляет разум, делает его более тонким. И это очевидно опровергает любые доводы атеистов о разрушающем влиянии Церкви. Поэтому я очень, очень тронут той работой, которая ведется о Георгием. Он стремится научить быть христианами, понимать, что такое таинство Церкви, ощутить Церковь во всей ее полноте, во всей ее глубине, и понимать таинство Распятия Христа в Духе Святом. Я вспомнил сейчас великого мистика IV в., который, говоря о таинстве, ссылался на слова св. апостола Павла о том, что жизнь христиан — это движение и существование. Существование и существо, освященные Светом. Это новое существо: мы ощущаем едва уловимое свечение и движение. Мы получаем возможность реализовать это новое свое существо. Мы ощущаем это в Миропомазании в жизнь, в жизнь на самом высоком уровне, которая может быть только в Евхаристии. И часто на лекциях, которые я читал на этой неделе, и в беседах мне задавали вопрос: какая разница между общечеловеческими ценностями и христианскими? Ответ очень простой. Чем дальше мы продвигаемся в жизни, тем больше понимаем, что существуют только две важные реальности, — это смерть и любовь. Слишком упрощенно понимать смерть только как последнее слово — это не всегда последнее слово. О ней часто говорят, как о последнем слове. А для нас, христиан, всегда последнее слово принадлежит Любви, потому что Христос

воскрес. Об этом мы с вами вместе пели сейчас. И в этом исповедании — смысл нашей жизни. Во Христе наше жилище. Мы находим Церковь для себя, мы открываем ее как Тело Христово, как Храм Духа Святого, как Дом нашего Отца Небесного. Мы уже больше не сироты, и в глубине души мы уже не чувствуем безысходности. Есть Любовь в глубине этих вещей, поскольку Христос воскрес. Он действительно воскрес, на самом деле! Я благодарю вас за гостеприимство и желаю вам укрепиться силою Божией! Аминь!

СЛОВО О. ГЕОРГИЯ Братья и сестры, христиане! К сожалению, мы пока не можем похвастаться большим количеством богословов не только в нашей стране, но и в целом мире. Увы, сейчас не так много православных богословов, которые могут творчески подойти к истине Православия. Месье Клеман — один из тех немногих, которые составляют исключение. Дай Бог, чтобы было больше таких людей, потому что богословие есть жизнь, а не мертвые умственные игры. Это жизнь. Не может быть подлинным, тем более творческим православным богословом тот, кто не живет православно. И будем это помнить. Я надеюсь, что вам запомнятся слова Оливье Клемана в этом храме, и думаю, что от имени всех вас мне можно поблагодарить его, поблагодарить его супругу и попросить молитв за всех нас, за нашу общину, за наши школы — и детскую воскресную, и высшую школу для взрослых. Проблем у нас, вы знаете, очень много. Но если будут искренние молитвы к Богу, то, надеюсь, они все разрешатся.

12 мая. СЛОВО ПЕРЕД УТРЕНЕЙ Дорогие братья и сестры! Мы должны постоянно помнить Господа, чтобы никто из нас не оказался слеп, не оказался глух, чтобы доходило до нас слово Господне о том, чтобы имеющие уши — слышали, имеющие глаза — видели. Великое благо иметь физическое зрение, физический слух, но еще большее благо — иметь духовное зрение и слух духовный. Будем сегодня об этом просить Бога, молясь за утреней и за литургией.

СЛОВО НА УТРЕНЕ ПОСЛЕ 8-ГО ВОСКРЕСНОГО ЕВАНГЕЛИЯ (ИН 20:11-18) Братья и сестры, христиане! Мы с вами стараемся постичь великую тайну Божию, великое откровение Божие о Воскресении Сына Божьего Иисуса Христа во плоти. Но в какой плоти, дорогие братья и сестры? Мы уже однажды начинали с вами об этом разговор, о том, что нам очень важно не снижать того откровения, которое нам дано. И сегодняшнее евангельское чтение помогает нам уразуметь эту великую тайну — в какой плоти воскрес Христос. Мы знаем, что есть разность в понятиях воскрешения и воскресения. Знаем, что когда говорили о воскрешении, подразумевали только одно — что силою Божею, с помощью Божией человек умерший возвращается к жизни. Уже начавшее разлагаться тело вдруг собирается и человек живет, но живет так, как жил прежде, хотя и пережив какой-то новый опыт, тот опыт, который в нашей жизни стал более доступен, более известен. Но и будучи воскрешен, человек все же умирает. Умирает так, как умирают все люди, даже святые. Воскресение Христово иное. Воскресший Господь, как сказано в Писании, не умирает. Смерть не имеет над Ним уже никакой власти. Никакой, дорогие братья и сестры! Вот в этом смысле, в этом духе мы и должны воспринимать то, что слышали сегодня из Благовестия. Господь, воскресши, лично встречается с Марией Магдалиной. Происходит узнавание по именам. По тому имени, которое каждый друг другу дал. В этой встрече — духовный акт великого узнавания. Господь зовет Марию, произнося только одно слово: «Мария!». До этого она, думавшая, что перед ней садовник или некто, взявший тело Иисуса, не узнает Его. Она Его почти не видит таким, каков Он есть, хотя она понимает, что перед ней не призрак. И в ответ на зов сердце ее загорается. Загорается верой и любовью. Та единственная личностная связь, которая была между ней и Христом, вдруг снова восстанавливается. Она сразу в ответ обращается к Господу: «Учитель! Раввун!» И тогда Иисус говорит ей удивительные слова, из которых видно, что она ринулась к Нему и была готова если не обнять, то дотронуться до Него, может быть, в поклонении, благоговении и радости. Христос уклоняется от этого, говоря: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к

Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему». В этих словах — единство между Богом и человеком, и этим единством обладает Христос. Он тот мост, тот единственный «Посредник между Богом и человеком», в Котором, как говорит апостол, мы находим Царство Его и Бога своего живым. Действенным, и поэтому — живым. Марии Магдалине было достаточно этого. Ей не нужно было задаваться теми вопросами, которыми задаемся мы. Ей было не до вопроса: в каком теле Христос? Для нас же это важно, чтобы не путать ничего в нашей вере, в нашей жизни. Но та радость, которая переполняла Марию Магдалину, говорила ей обо всем сразу. Ее нисколько не смутили слова Господа. Нисколько. Потому что она откликнулась на них сердцем, сердцем загоревшимся, сердцем пламенным, уже способным возвещать о Божьей Истине. И она это делает. Она бежит к апостолам, сообщает им, что видела Господа, говорит о том, что Он сказал ей Сам о Своем Воскресении. Она становится носителем того пламени, той любви и того откровения, которые начинают зажигать сердца людей. И удивительно то, братья и сестры, что первой это делает женщина, сосуд немощный, сосуд, как нам известно о Марии Магдалине, когда-то очень греховный, но благодарный. А если благодарный, то и благодатный, который не имеет никакого недостатка в себе. И то, что Бог освободил, восстановил и возжег, человек да не остудит. Братья и сестры, великая тайна Христова Богочеловечества открывается нам в этих словах, непонятных многим, даже уже уверовавшим. Многие просто привыкли к выражению «Христос — Бог наш» и забывают, что когда мы говорим это, мы возвещаем великую премудрость, премудрость откровения Богочеловечества, открывшуюся в Богочеловеке Христе. Когда мы говорим, что Христос — Бог, мы верно говорим, потому что проповедуем Сына Божьего. Христос — Сын Божий, Спаситель всех людей. И это великая правда, великая истина, дорогие братья и сестры. Но будем знать, что лица Божественной Троицы не смешиваются. Не смешиваются Отец и Сын и Святой Дух, как и не разделяются. Где Дух Божий, там единство. Какое может быть разделение? Не случайно древние христиане имели дерзновение называть себя Христоносцами и Богоносцами. Чтобы так сказать, надо что-то собою явить. Эти слова нельзя произнести, не имея внутри себя золотого запаса жизненного подтверждения этих слов. Братья и сестры, вот нам с вами и задание — иметь этот золотой запас и всегда его в себе умножать. Для этого мы должны и стяжать Духа Святого, и укрепляться в нашей церковности, в нашей молитве, в нашей христианской жизни. Аминь.

СЛОВО ПОСЛЕ УТРЕНИ Дорогие братья и сестры! Действия в церкви совершают все, все служат, все предстоят — народ Божий царей и священников. Особенно это относится к тем, кто участвует в таинстве, сослужит таинству. Помните об этом, дорогие братья и сестры. Помните о том, какое великое призвание дано нам, и пусть никогда никто не окажется недостойным его. В нашей общине три человека отлучены от церкви, т.е. от причастия. Поэтому я хотел бы, чтобы мы молились о них, чтобы они, будучи неполными членами Церкви (так как причащаться не могут), проходили епитимию, время покаяния, потому что они нарушили заповеди Божии в той степени, которая потребовала их отлучения. Но молиться о них нужно. Я прошу вас не забывать о них молиться. Будем помнить, что грех отлучает человека от Бога. Бог принимает покаяние, это правда, искреннее покаяние тогда, когда люди доказывают жизнью своей, что они действительно раскаялись, т.е. изменили свою жизнь. Если человек не меняет своей жизни, если он живет, как и жил, если он способен снова впасть в те же смертные грехи, и не случайно, а такие вещи, на мой взгляд, случайными не бывают, то это значит, что человек пренебрегает даром Божиим, и это очень опасно. Благоговение и страх Божий нам с вами не нужно терять. В них мы имеем дерзновение, мы имеем дар духовной свободы. Только дерзновение никогда не должно превращаться в дерзость, а духовная свобода — в произвол. Это для всех нас известная истина. Но приложить ее к жизни, к нашей жизни сейчас, в этих условиях, бывает непросто. Братья и сестры, будьте к этому внимательны.

СЛОВО НА ЛИТУРГИИ ПОСЛЕ ЕВАНГЕЛИЯ (ИН 9: 1-38) Братья и сестры, христиане! Мы

слышали отрывок из Евангелия от Иоанна об исцелении слепорожденного. Евангелие от Иоанна сейчас читается совершенно не случайно. Вспомним, что начало этого чтения приходится на пасхальную ночь, а завершается оно на Троицу. И, таким образом, вся святая Пятидесятница освещается светом богопознания и исповедания Христа как Сына Божьего, явленного в Евангелии от Иоанна. Напомню вам также, что совершенно не случайно в древней Церкви Евангелие от Иоанна полагалось читать сразу после Крещения. Ведь на Пасху крестили. И вот поэтому совершенно не случайно это Евангелие читается после того, как люди приобщаются в сердце своем к Свету Христову, после того, как они начинают регулярно участвовать в сакраментальной жизни Церкви в полноте ее. После Крещения положено также читать Деяния святых апостолов. Когда на Пасху мы крестили в нашем соборе несколько десятков человек, они получили наказ читать Евангелие от Иоанна, Деяния святых апостолов и другие необходимые в этот период жизни книги. Это совершенно не случайно: нельзя, не приобщившись к Свету Христову, говорить о Свете. Мы благодарим Бога за то, что взрослые люди способны сделать выбор, единственный в жизни выбор — отдать свое сердце Богу. Поэтому, пусть пока еще отчасти, даже оглашаемые, находящиеся здесь, уже просвещены призывающей благодатью Божией, благодатью Христовой. Господь, как вы сейчас слышали, говорил: «Мне должно делать дела Пославшего Меня, доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать; доколе Я в мире, Я — Свет миру». А мы бы с вами сейчас даже сказали, что не просто доколе Господь наш в мире, а поскольку Он в мире, Он — Свет миру! А от кого и от чего зависит, в мире ли Господь наш или нет Его посреди нас? Конечно же, от нас с вами, дорогие братья и сестры. Неужели Христос не придет, если Его призовут? Неужели Он не явится, не станет посреди нас, если мы приготовим свое сердце ко встрече с Ним, если мы приготовим для нового вина новые мехи? Братья и сестры, великие слова Евангелия — «Доколе Я в мире, Я — Свет миру». В наше время, когда так много думают о просвещении людей, нам всем надо помнить, что подлинное просвещение идет от Света Христова. Оно никогда не может осмысливаться в категориях только полезности, удобства, комфорта или благосостояния человека. Никогда! Человек может ничего не иметь и всем обладать, если Свет Христов просветил его сердце. Братья и сестры, слепорожденный показал удивительную стойкость. Прозрев, он сумел обойти все препятствия и опасности. Даже родители его, конечно, радовавшиеся за него, не посмели исповедовать Христа. А он — что знал, то и сказал. Его спросили: «Кто Тот, Который открыл тебе очи?» Он сказал: «Это пророк.» А кто такой пророк, дорогие братья и сестры? Человек, приобщенный к Истине Божией и несущий с собой эту Истину. И воистину Христос был пророком, но только больше, чем пророком, потому что не только был приобщен к Истине Божией. Он Сам был Истиной Божией в ее полноте. Дорогие братья и сестры, слепорожденный, когда встретился со Христом, уже настолько привык обороняться, что в том же тоне, в каком он говорил с фарисеями, начал было говорить с Господом. Когда Господь спросил его: «Ты веруешь ли в Сына Божия?», он опять сказал то, что думал: «А кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него?» Он хотел веровать, он желал этого, но чтобы уверовать, надо было сперва что-то о вере узнать. Прозрение очей физических подготовило его к прозрению духовному, но требовалось еще свидетельство, свидетельство в Духе, свидетельство в Истине. И Господь дает его сразу так же смело, так же открыто, как и самарянке у колодца, о которой мы читали неделю назад. Иисус говорит ему: «И видел ты Его, Сына Божьего, и Он говорит с тобою». Вот тайна, тайна, которая сразу раскрылась для духовных очей слепорожденного. И он сразу засвидетельствовал об этом с великим дерзновением: «Верую, Господи!» И поклонился Ему. Тут мы снова должны вернуться в наше время. Увы, иногда случается так, что встречаешь человека, пред лицом которого Господь совершил великие чудеса, и этот человек готов уверовать, более того — он говорит: «Я верующий». Но поклониться Христу он не хочет, он не хочет служить Ему потому, что не хочет менять свою жизнь. Он умом это понимает, но жизнь его так включила в свой механизм, что поклонение и служение этот человек не вмещает. Это одна из трагедий нашего времени. Раньше люди жили более целостно. И мы должны стремиться к такой целостности,

целостности в полноте всей нашей жизни. Если вы признали что-нибудь одно, то надо идти дальше. Если вы сделали что-то для Господа, не останавливайтесь, всегда идите дальше. Невозможно думать, что достаточно только переступить порог храма, войти из притвора внутрь церкви, в глубину ее, и все более или менее в порядке. Конечно, мы будем еще что-то делать, читать Писание, причащаться, читать еще какие-то книги, как-то общаться и молиться, у нас ведь все в порядке. Братья и сестры, опыт показывает, что это не так. И одна из печальных сторон нашей жизни, жизни нашей общины, нашего собора, нашего братства как раз заключается в этом. Вчера мне пришлось отлучить двоих — наших брата и сестру, совсем не худших, которые попали на удочку как раз такого обольщения. Им показалось, что все, что они делают, все что они мыслят, что бы это ни было, — все от Бога. И поэтому, когда им кто-то говорил, что это не так, они отвечали: «Вы нас не понимаете, вы нас не слышите, вы не видите, вы не открыты к нам!» и т.д. Что можно сказать об этом? Свидетельство церкви было исключительно единогласно, но люди не смогли этого вместить. Они, как оказалось, сами ничего не видели, не слышали и все объясняли каким-то удивительно искаженным образом. Пришлось пойти на крайнюю меру. Пришлось отлучить их от Церкви, т.е. от причастия. Мы, конечно, будем о них молиться и уже молимся, но не на Евхаристии, покуда они не полные члены Церкви, а только на литургии оглашаемых, на вечерне, на утрени и лично. Для всех нас это должно быть предупреждением. Свобода духа не должна превращаться в произвол. Дерзновение не должно становиться дерзостью. Нельзя противопоставлять себя всем. Человек, находящийся в единстве духа с Церковью, свободен, потому что приобщен ко Христу, как и Церковь приобщена к Нему. Дорогие братья и сестры, будем внимательны, будем осторожны в своей духовной жизни. Иногда нам кажется, что мы уже прозрели настолько, что никакой в нас тьмы нет. А тьма еще в чем-то застилает нам очи. Мы еще бываем подобны тому слепорожденному, который не знает, Кто есть Сын Божий. Дай Бог, чтобы никто из нас не обманулся в своей жизни, чтобы никто никогда не оказался на месте тех, кого приходится отлучать от Церкви, хотя и на короткий срок. Дай Бог, чтобы никакая тьма не поглотила в нас Свет. Доколе Христос в мире и покуда Он в мире, Он — Свет миру. Будем помнить об этом. Не будем думать о себе слишком высоко, не будем себя превозносить, ибо «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». Человек, который слишком уверен во всех своих мнениях, находится на опасном пути. Это известно издревле. Чем больше человек знает, тем больше он понимает, чего он не познал. И он понимает, насколько ему надо быть скромным, насколько не думать о себе. Апостол призывает нас почитать всех остальных выше себя. И это великий завет. Дай Бог нам всем его исполнить. Христос сказал: «Я — Свет миру». Это Свет, который не вмещается в этот мир. Это Свет, который рождает нас в жилище Света. Мы каждый день прославляем Бога как Свет. Прославление Бога как Свет — древнейшие части вечерни и утрени. Мы сегодня возглашали: «Слава Тебе, показавшему нам Свет!» Братья и сестры, пусть каждое слово, которое мы произносим, на которое отвечает наше сердце: «Аминь», пусть каждое это слово соответствует нашей жизни! Аминь.

СЛОВО ПОСЛЕ ЛИТУРГИИ Братья и сестры, христиане! Церковь возвещает возможность просветиться каждому человеку, и у нас есть все, чтобы это произошло. Для того чтобы это произошло, мы участвуем в таинствах, укрепляемся в догматах Церкви, в догматах нашей веры, углубляемся в духовный опыт личной жизни. Мы с вами приобщаемся к этому Свету и к этой радости. И мы всегда рады, когда видим здесь детей и людей всех-всех возрастов. Дорогие братья и сестры, вы, конечно, заметили, что сегодня наша радость особенна: с нашими братьями из Франции — Оливье Клеман. Мы не представляли себе, что это возможно, и вдруг неожиданно увидели его у нас, и этому очень рады. Прошу прощения, если что-то не понравилось нашим гостям, и если что-то можно делать лучше, мы, надеюсь, обратимся к опыту, который накопил православный Запад. Мы обычно говорим лишь о православном Востоке, о его опыте и о том, что нужно этот опыт знать и вмещать в себя. Но сейчас мы можем говорить и об опыте православного Запада. Это совершенно беспрецедентно в истории

Церкви и еще совершенно не осмыслено. Никакие внешние формы жизни церковной, духовной, богословской, общинной пока не выражают до конца этого опыта, их опыта, которым они готовы так щедро делиться с нами. Надеюсь, в будущем это произойдет. Мы будем всегда открыты к нашим братьям, независимо от того, с севера они или с юга, с запада или востока. Всем должно прийти к Господу, все призваны Им, независимо от национальности, культуры, способностей, благосостояния, возможностей. Все призваны ко Христу. К сожалению, не все из вас могли быть на лекциях Оливье Клемана, но мы получили щедрое разрешение обработать эти лекции и напечатать их*. Я надеюсь, что вы получите огромное духовное удовольствие, познакомившись с ними. Еще и еще раз приходится удивляться тому единству духа, тому единомыслию, к которому так часто призывал апостол и которое так редко является в христианской среде. Это единство духа сейчас возникло между нами, когда природный француз, православный человек говорил о том, что для всех нас очень глубоко, очень ценно. Это великое свидетельство. Еще раз подчеркиваю, мы не закрываемся ни от кого, что в этом дух нашей православной веры. Не должно быть сектантской закрытости, потому что если Бог и Божья истина за нас, то кто против нас? Мы не должны бояться быть открытыми свидетелями. Мы никогда не собьемся с пути истины, если благодать Божия с нами и если будем стараться мы. Посмотрите, Господь открыл слепорожденному очи после того, как тот прошел определенный путь. Иногда кажется, что это не обязательно. Если Бог посылает человеку благодать — чего же еще надо человеку? Оказывается надо, надо пройти подобный путь, путь испытания, искушения до того, как человек сможет сказать: «Верую, Господи!» и поклониться Ему. Истинных поклонников ищет Себе Бог, и мы свидетели тому. Будем стараться знать нашу веру, исповедовать нашу веру, жить по-христиански, не будем никого осуждать, будем стремиться к «единству духа в союзе мира». Пусть радость о каждом, кто обрел Бога, будет истинной, независимо от того, что могут быть у нас с разными людьми и расхождения. Есть та мера разногласия, которая вполне допустима внутри Церкви, потому что христианство — это Свобода и Любовь, и было бы неправильно думать, что можно жить в Любви и Свободе и не допускать никаких разногласий. Существует очень большая глубина в вере, это очень немногие, но чрезвычайно важные вещи, которые действительно являются нашим фундаментом. Без них нет христианства. Это очень глубокие вещи, и их немного. Мы должны твердо стоять на фундаменте, который есть Христос, мы должны быть верны Церкви Христовой. И вот сейчас, снова приветствуя наших гостей из Франции, радуясь евхаристическому полному духовному общению, можно только пожелать, чтобы весь христианский мир обрел такое основание, на которое бы он встал и не пошатнулся. Я хотел бы воспользоваться случаем и, если Оливье Клеман не возражает, попросить его еще сказать вам несколько слов, настолько, насколько у него есть желания и сил. Наш приход небольшой, и, надеюсь, понять все, что нам скажут, мы способны. Есть желание, есть надежда.

СЛОВО ОЛИВЬЕ КЛЕМАНА Дорогие братья и сестры! Сегодня нет Востока и Запада, есть только Христос. Евхаристия, отпразднованная здесь, — это великий пример для всех нас, православных христиан. Здесь я почувствовал действительное возрождение России. Я вспомнил слова одного из епископов нашего времени, нашего века: «Вера — это сердце мира. Мир отвергает это сердце, забывает его». То, что происходит здесь, — это зародыш великого Света и Неба для Русской Церкви, для России, для всей Православной Церкви, для всего христианского мира. И через этот зародыш в один момент все может измениться, преобразиться — и культура, и общество. Мы угадываем черты будущего в праздновании, которое было у нас сегодня. Апостол Павел, призывая к подлинной христианской жизни, говорил: «За все надо совершать Благодарение, Евхаристию». Благодарю же вас, братья и сестры, за ту огромную радость, которую я почувствовал и которую возьму с собой. Сегодня требуется огромное мужество, чтобы работать, чтобы служить в Церкви. Аминь.

15 мая. ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ. СЛОВО НА ВЕЧЕРНЕ ПОСЛЕ ПАРИМИЙ Дорогие

братья и сестры! Сегодня рабочий день, и не вся община смогла быть в храме. И это очень жалко. Но мы собрались, и Господь помог нам найти одно единое сердце. Сорок дней мы праздновали Воскресение Христово, сорок дней мы приветствовали Его Воскресение, радостным возгласом возвещая это Воскресение, возвещая его силу, возвещая его радость. И сейчас мы с вами будем вспоминать Возвышение Господа, а на церковнославянском языке — единое Восхождение Его к Отцу Небесному. Это для нас тоже радость, радость духовная. Об этом говорил Господь, о том, что ученики Его должны радоваться тому, что Он отходит к Отцу, потому что если Он не уйдет, то не сможет прийти Дух Святой! Поэтому мы радуемся, но, как бывает здесь, на земле, эта радость немного растворена с грустью. Всякая разлука — грусть, всякая встреча — радость. Нам нужно вникнуть в смысл и дух этого пребывания Христа со Отцом, одесную Его. Об этом мы постоянно говорим, это входит в самую основу нашей веры. Но когда спросишь у людей, что это значит, то в лучшем случае их ответ сводится к объяснению слова «одесную». Но для понимания смысла недостаточно знать только то, что означают те или иные слова. В день Вознесения постараемся вникнуть в ту истину, которая открывается нам Господом, открывается нам Евангелием, открывается нам нашей жизнью. Мы все желаем общаться со Христом, но, чтобы это общение было полным, не вымышленным, нужно нам с вами углубиться в эту истину, истину Христова Вознесения. Не случайно в молитве литургии она всегда поминается. Вот, братья и сестры, сейчас на Великой вечерне Вознесения Господня вы слышали праздничные паримии: две из книги пророка Исайи и одну из книги пророка Захарии. Давайте немного вникнем в их слова. Мы прекрасно понимаем, что девяносто процентов присутствующих первый раз здесь, поэтому не будем проводить глубокий, анализ всего, что вы сейчас слышали, но первоначальное слово сказать необходимо. Паримии — это всегда чтения из Ветхого завета, чтения, связанное с праздником. Вы знаете, что это самая главная часть вечернего богослужения — чтение Священного писания. Эти чтения и проповедь — ради того, что мы совершаем сегодня, мы прославляем Господа, и мы должны уразуметь то, Кого мы прославляем и за что. Более всего этому способствует слово Божие и его толкование, а также те молитвы, которые предлагают сейчас нам все уставы церковные, а значит, и весь духовный церковный опыт. Итак, первая паримия вторая глава книги пророка Исайи: «И будет в последние дни, — говорит Господь, — гора дома Господня будет поставлена во главу гор... И пойдут многие народы, и скажут: придите, и взойдем на гору Господню». Это для нас главное. Господь и после Воскресения напомнил Своим ученикам о том, чтобы они пришли в Галилею на гору Господню, там они увидят Его, ибо Он Сам предварит их встречу. И что же произойдет там, на этой горе? Пророк Исайя пишет: «Придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям». Вот что важно: мы восходим как бы на гору, а гора с древнейших времен — это символ восхождения, вперед и вверх. Это как бы траектория, которая предложена каждому ученику Христову. Каждый должен возвышаться, как бы восходя всю жизнь на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, чтобы учиться и учиться путям Бога. А мы теперь можем сказать даже больше — не путям, а Пути Божьему, ведь этот Путь — Сам Христос. Он ведь сказал, как вы помните: «Я есмь путь и истина и жизнь». Поэтому восхождение на гору и есть обретение пути, и истины, и жизни, если мы подходим ко Христу, как Христос подходит к Отцу. «И будем ходить по стезям Его; ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне — из Иерусалима». Слово Господне — это выражение, которое имеет по меньшей мере два значения. Слово Господне — как Божье слово, или откровенное Божье Слово, и как Слово Господне, воплощенное во Христе, т.е. Сам Господь наш Иисус Христос, воплотившийся, вочеловечившийся Божье Слово — Слово-Бог. Так в свете Нового Завета эти слова древнего пророка начинают звучать еще более глубоко, еще более значительно. Вторая паримия — 62–63 главы Исайи. Пророк призывает от имени Бога: «Поднимите знамя для народов!» Если применим это к себе, то как нам поднять знамя для всех народов? Знамя наше — Крест и наше знамя — Воскресение, и это знамя победит всякую неправду. И далее: «Грядет Спаситель твой; награда Его с Ним и воздаяние Его — пред Ним». Грядет Спаситель — это значит, что на горе Вознесения было не только то самое

расставание, но и встреча. Ведь, конечно, и ученики Христовы пришли на гору Вознесения, чтобы встретить Господа и с Ним на самом деле уже не разлучаться. Эта встреча объединила Христа и Его учеников, но каким образом? Духовно. Вспомните, как это происходило. Завтра мы будем читать об этом. Перед Вознесением была малая Пятидесятница, когда Христос сказал: «Примите Духа Святого». Эта малая Пятидесятница — даяние, дар Святого Духа. Дух Святой объединил Учителя, Сына Божия, Христа, и Его учеников, чтобы они не расставались вовеки. «И назовут их народом святым, искупленным от Господа, а тебя назовут взысканным, городом неоставленным». Так говорится о конце Иерусалима. Нам важно понять: народ Божий — это Церковь Христова, а Горний Новый Иерусалим — это образ и Церкви, и Небесного Царства. Далее идут замечательные слова пророка Исаяи: «Кто это идет от Едома, в червленых ризах от Восора, столь величественный в Своей одежде, выступающий в полноте силы Своей? Я — изрекающий правду, сильный, чтобы спасти.» Вы помните, что пророчества Исаяи — это стихи. Они написаны как стихи. К сожалению, их перевод дает только слабый отблеск того, что есть в подлиннике, но и сейчас существуют такие издания, которые позволяют понять нам, каким образом этот стихотворный стиль присутствует. Видите, какой поэтический слог у пророка. «Отчего же одеяние Твое красно, и ризы у Тебя, как у топтавшего в точиле? — «Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною; и Я топтал их во гневе Моем и попирали их в ярости Моей, ибо день мщенья — в сердце Моем, и год Моих искупленных настал». Здесь надо помнить особенности речи пророка, дорогие братья и сестры, верно понять эти слова, чтобы они не оказались непонятными или даже смущающими кого-нибудь из верующих. Когда Господь говорит, что Он «топтал точило один, и из народов никого не было» с Ним, когда мы слышим, что одеяние Его красно, то мы понимаем, что здесь некое особенное пророческое видение Креста Голгофского, Креста Христова. Но когда далее говорится: «Я топтал их во гневе Моем и попирали их в ярости Моей», то тут уже нам становится непонятным, о каком состоянии, о какой ярости идет речь. Пророки Ветхого Завета объединяли то, что было открыто нам в начале при заключении Нового Завета, и то, что относится к временам апокалиптическим. Вот в этом одном стихе — и образ распятого Господа, и образ апокалипсиса, образ апокалиптического конца. «Воспомяну милости Господни и славу Господню... Он сказал: «Подлинно они — народ Мой, дети, которые не солгут». По любви Своей и благосердию Своему Он искупил их». Снова мы возвращаемся к Церкви Нового Израиля, нового народа Божьего, избранного ради спасения всего мира. И, наконец, последняя паримия из пророка Захарии: «И станут ноги Его в тот день на горе Елеонской». Вот прямое пророчество о Вознесении. Ведь вы знаете, что по церковному преданию Вознесение произошло на Елеонской горе, находящейся возле Иерусалима. И далее говорится: «И будет в тот день, живые воды потекут из Иерусалима. И Господь будет Царем над всею землею; в тот день будет Господь един, и имя Его едино.» Плод того Вознесения, который был предсказан пророком, — в тот день будет Господь един, и имя Его — едино. Но вы можете задаться вопросом: неужели до Христа не было так? Неужели един Бог не был открыт избранному народу? Да, был открыт как единый Бог и Бог живой, но действие Божие открывалось или немногим избранным в этом народе, или через откровение заповедей Божиих. Прямое познание Бога, личное познание пришло позже, пришло вместе с Сыном, пришло во Христе. И поэтому проповедь Иоанна Предтечи, которая заключалась в призыве вернуть сердце отцов детям, она здесь достигает своих целей. Истина обновляется верой, и это не просто возвращение назад, вера обновляется так, что она становится на новое основание, открытое нам Господом. Дорогие братья и сестры, мы с вами снова внимательно вслушались в слова пророка. Я думаю, каждый из вас захочет глубже и полнее познать то, что пророки возвещали. И мы знаем, что бы не происходило с Господом Иисусом Христом — все это исполнение пророчеств, и сам Христос есть исполнение пророчеств. Чтобы эти утверждения не оказались голословными, вы сами должны вдуматься в пророчества, которые открывали путь, которые возвещали о Христе, хотя иногда и не прямо. Завтра мы услышим, что говорит о Вознесении Новый Завет: Евангелия от Марка и Луки и Деяния святых апостолов. Соединившись, Новый и Ветхий заветы дадут нам ту картину,

которая и явится как бы полной иконой Вознесения Господня. Аминь.

СЛОВО ПОСЛЕ ВЕЧЕРНИ ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ Дорогие братья и сестры! Дай Бог, чтобы совесть наша всегда была живой! Никакие законы никогда не смогут отрегулировать и проконтролировать все жизненные ситуации, а вот совесть нас контролирует всегда. Если в нас жива совесть, то голос Божий нам всегда скажет, согрешили мы или не согрешили. Но лучше, конечно, чтобы голос этот мы слышали до всякого своего действия, а не после него. Для этого нужно представить себе: а что бы Господь сделал на нашем месте? Это одна из самых важных наших возможностей не грешить. В случае недоуменном мы можем спросить себя, что бы Господь нам сказал, как бы Он поступил? Вот это то, что нужно делать в нашей ситуации, на нашем месте. Удивительно, но я не знаю еще ни одного случая в жизни, чтобы человек, так помывшись, ошибся, если, конечно, он является членом Церкви, не посторонним, а тем, кто имеет Дух Христов. Некоторые не могут понять, почему так надо делать. Это другой вопрос. Мы с вами не все понимаем в жизни, но совесть наша всегда подскажет нам: бери и действуй, не оправдывай себя ничем, никакими обстоятельствами — ни ни болезнями, ни слабостями, ни опасениями, ни искушениями. Человек же постоянно оправдывает себя обстоятельствами, мол чего ни сделаешь ради других, придется идти на компромисс, и т.д. И это потому, что голос совести своей мы заглушаем. Чтобы голос совести в нас звучал крепко, нужен духовный опыт. А это требует постоянного церковного углубления. Мы должны всматриваться и вслушиваться в голос Господа и людей, окружающих нас, особенно членов Церкви, даже если это немощные, даже если это самые простые люди. Если мы серьезно отнесемся к словам Писания — а я хочу призвать вас именно к этому, — которое говорит: «Каждый почитай другого выше себя в Церкви», и если мы это будем делать всегда, в отношении ко всем членам Церкви, то уверяю вас, наш духовный опыт начнет очень быстро расти и укрепляться. Мы же топчемся на месте а это грех, ибо «дни лукавы». Господь дал нам жизнь не для того, чтобы мы развлекались, хотя развлечения могут быть и не греховными. Если мы грешим — значит, повернули в противоположную сторону от Бога. Тогда мы уподобляемся жене Лотовой. Вы вспомните из Священного писания, как она повернулась и превратилась в соляной столп. И мы иногда остолбеваем, становимся крепкими, как столп, но на самом деле эта крепость безжизненная. Дорогие братья и сестры, мы должны помнить, что Господь нас создал и призвал к великой Любви и великой Свободе. И не будем предаваться греху, не будем поддаваться никаким искушениям — ни плотским, ни душевным, ни духовным. Как недавно сказал один большой богослов, грех удивительно однообразен. Это страшно скучно, потому что это одно и то же. И так оно и есть. А «где Дух Господень, там Свобода». Аминь.

16 мая 1991 г. Слово на утрене после евангелия (Мк 16: 9-20) Дорогие братья и сестры! Апостолы видели и поняли Возвышение Отцом Небесным Сына Его, т.е. Его Вознесение. Есть замечательные повествования евангелиста Марка о явлении Господа, о Вознесении Его, а также о той силе и том обетовании, которые дает Господь Своим ученикам. Господь упрекает Своих учеников, и упрекает не зря, потому что они действительно не верили, сердце их еще было жестким, твердым, они были достойны тех упреков. И Господь, конечно, не останавливается на упреках — это было бы слишком по-человечески. Он дает им силу, силу в обетовании, в обладании. Какую же силу и какое обетование? Силу благодати Духа Святого, силу духовного общения с Ним, общения постоянного, благодатного, даже до Сошествия Духа Святого и до рождения Новозаветной эпохи. Господь говорит: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие», т. е. благую, радостную весть. И проповедовать ее надо всем, всей твари, везде, где действительно можно было бы сказать эти слова, которые призывали бы всех к тому, чтобы открыть свое сердце Господу Иисусу Христу, приобрести радость Спасения и свет Преображения в сердцах своих. Господь дальше говорит о том, что «кто будет веровать, тот будет спасен». Если же кто не поверит этому великому благовестию — с явлением действия, с явлением знания, с явлением силы, тот спасен не будет, а будет осужден. О чем, дорогие

братья и сестры, предупреждает здесь Господь? Он предупреждает нас этими словами о том, что ответ на благовестие есть исполнение воли Божьей: Человек волен избирать Божий путь или ходить своими духовными путями, но он должен знать, что если он выбирает свои пути, то это не есть воля Божия. Воля Божия точно та, что проявляется в благовестии. Мы же иногда увлекшись чем-то или прибавив своей свободы, часто мнимой, забываем о том, что отвергаем Евангелие словом, делом, помышлением. Мы отвергаем не некое помышление в наш адрес, мы отвергаем Бога, мы отвергаем Божью волю и творим неправду. Господь же хотел, чтобы вера была духовная, чтобы мы являли знамение действительной веры в своей жизни, и поэтому Он говорил, что они будут сопровождать не только уверовавших апостолов, а всех уверовавших, просто уверовавших. Таковые «именем Христовым будут изгонять зло» из душ людей. Вы знаете, что такое беснование. Беснование — не просто творение зла, не то или иное согрешение, ибо все мы имеем согрешения, но это то, когда зло действует не извне, а как бы из нас, когда мы являемся генераторами этого зла, проводниками его без всякого сопротивления, когда человек уже не способен сопротивляться ему. Дальше Господь говорит, что не только эти источники зла можно победить под действием веры Христовой. Под действием веры Христовой «люди будут говорить новыми языками». Это значит, люди начнут понимать друг друга. Ведь трагедия людей неверующих в том, что они подозревают себя и других в непонимании. «Ты меня не понимаешь», — слышится каждый день. Или: «Я ничего не понимаю». При этом подразумевается «не хочу понимать» или «не могу» вовсе. Господь дает как бы разные языки, несмотря на различие духовное и душевное разных людей, дает возможность понимать друг друга, понимать духовно, даже если люди молчат. Уверовавшие еще «будут брать змей, и если что смертоносное выпьют, не повредит им». Действительно так. Мы ничего не должны бояться в этом мире. «Все нам позволительно, — потом скажет апостол Павел, — но не все полезно». Все полезно тому, кто действует благодатью Божьей, но кто никогда из этого не делает вывод, что он может что-то творить по своему произволу. Это грех, потому что благодать веры есть благодать любви, а грех есть оскорбление, отчуждение от этой любви. И поэтому ничего никогда не бойтесь, даже никакой подколодной змеи, которая может выпустить яд. Если вы и наступаете на ее голову — не бойтесь, если она будет и в руках у вас — не бойтесь ее. А таких змей, как вы знаете, много. «Возложите руки на больного, и он будет здоров», — говорит Господь. Всякий человек знает, что болезнь есть следствие неправды в этом мире, а вера как бы исправляет не только нас, но и весь мир. Она самом деле целит и лечит. Здесь среди нас есть профессиональные врачи, и я знаю, они согласятся с этим. Судьба медицины трагична, когда люди не знают и не понимают этого, когда они думают, что дают какое-то снадобье или какой-то порошок или скажут какое-то заклинание — и все. Ничего подобного! Если Бог не поможет, то человека можно залечить, применяя один метод лечения, другой, третий, четвертый и т.д. до бесконечности. Бог — единый Целитель. Единое здоровье — это здоровье в духе, и в душе и теле. А дальше говорится в Евангелии, что сразу после беседы с учениками Господь возносится на небо и восседает одесную Бога Отца. Многие скажут: «Как же сразу, ведь сорок дней прошло от Воскресения до Вознесения, сорок дней являлся Господь ученикам Своим и открывал им тайны Царства Небесного?» Это верно. Но мы же знаем, что любое число, записанное в Священном писании, имеет, в первую очередь, символический смысл. Не случайно Господь постился сорок дней. Это же число имеет отношение к величайшим древним пророкам Моисею и Илие. Число 40 — символическое число. Это не счет по календарю, иначе даты праздников было бы трудно установить. А в действительности мы знаем, что Господь пришел и учил, открывая тайны Царства Небесного и после Воскресения Своего. И это было удостоверением ученикам, утверждением их в Духе, в истине Воскресения, в вере. Иисус вознесся и отошел к Отцу Небесному это — сразу два важнейших положения символа веры. Первый — Господь вознесся на небеса, второй — Он сидит одесную Отца. Вчера в церковном песнопении вы слышали: «Сидит одесную Отца», т.е. воссел по правую руку — руку духовного величия, и поэтому — как Бог. Мы имеем полное право называть Христа Богом потому, что сила Его, и Его Дух — те же, что и у Отца. Это мы выражаем словами «одесную Отца», когда

говорим, что Христос сидит одесную, престола Бога Отца. Это нужно знать. Не просто так, как на иконе изображали — справа от Отца на облаках сидит Господь, а между ними голубь — Дух Святой. Это, конечно, образ, но образ символический, образ Святой Троицы. Этот образ, как всякий образ, ограничен. Нужно проникнуться его смыслом, чтобы наполниться и его духом истинным. Нам надо эти простейшие символы текстов Священного писания сразу узнавать и не привыкать к таким внешним его выражениям. Я уверен, что многие из вас, даже кто недавно в Церкви, настолько привыкли, что Господь на сороковой день вознесся и сел одесную Отца, что уже не задумываются над духовным смыслом этого, над тем, что же таким образом Церковь нам открывает и что утверждает. Истина духовная и духовный язык выражается как раз словами-символами, в частности, вот такими, как число 40. С другой стороны, здесь говорится о сидении «одесную». Не будем и этому удивляться. Сами вдумывайтесь и вчитывайтесь, узнавайте слова-символы. Иногда кажется, что легко читать Евангелие, как будто все понятно и вопросов не возникает — все буквально, все понимаем. А если спросить что-то — возникают трудности. Сами себе мы таких вопросов не задаем, и удивительно — почему? Как будто мы равнодушны к своей вере, как будто, однажды получив разъяснение Символа веры, мы считаем, что вопросы уже все сняты и нам не над чем больше размышлять, не нужно вникать духом в его смысл. Братья и сестры, будем помнить, что Священное писание обладает удивительным свойством, свойством открываться и закрываться в зависимости от того, насколько открыто наше сердце, насколько мы служим Богу в Духе и Истине, а не только буквой и уставом. Господь создал и букву, и устав, но оживают они только в лучах Духа и Истины. Есть много тайн, я не хочу их раскрывать — сами сделайте усилия. Да поможет нам воскресший и сидящий одесную Отца Господь наш в этой силе, чтобы вера наша укреплялась, чтобы она явлена была в Духе, чтобы она жива была в Церкви Его. Аминь.

СЛОВО ПОСЛЕ УТРЕНИ Дорогие братья и сестры! Ни красота, ни доброта сами по себе не проявляются, и когда что-то в этом нарушается, даже храм теряет свое важнейшее свойство быть Храмом Христовым. И вот самый простой пример — посмотрите вокруг себя: все разбросано. Кто за этим должен смотреть — разве не мы сами? Разве нам самим не хочется, чтобы было красиво и чтобы все было благоговейно. Нам самим хочется глубоко помолиться, так, чтобы ничто не мешало. Для этого и надо готовиться к службе, и не только тем, кто в алтаре. Всем надо готовиться. И тропарь, и кондак праздника нужно знать, т.е. хотя бы самые простейшие песнопения. В них ведь очень многое раскрывается. Смысл подготовки к празднику — чтобы все пели и кондак, и тропарь, и величание. Если плохо запоминаете, можете смотреть в тексты — никакого греха в этом нет. Приходите в храм не только как зрители или слушатели. Полнее вживайтесь в молитвы, всем вашим сердцем — это может каждый. Как часто я обращал ваше внимание на одежду. В древности в храме все надевали особую одежду. Такие одежды, как на священниках, раньше были одеждами для всех. На литургию прийти в черной одежде было просто нельзя. Если человек пришел почему-то не в брачной одежде, то ему давали светлую, белую одежду, как об этом говорится в евангельской притче. Об одежде должен заботиться не только старший в храме, об этом должны заботиться мы все. А мы приходим в чем попало, как будто безразлично — это место субботника или храм. Вы, может быть, скажете, что это внешнее, но красота, если она не имеет внешнего выражения, как и доброта, — разве это красота и доброта? Если и да, то не вполне. Поэтому, пожалуйста, обращайте внимание на такие внешние вещи, и праздник будет еще лучше, еще более светлым и действительно радостным, тем более, что все это в наших руках. Вы всегда должны приносить красоту в храм и уносить красоту — это для всех нас важно.

СЛОВО НА ЛИТУРГИИ ПОСЛЕ ЕВАНГЕЛИЯ (ЛК 24: 36-53) Братья и сестры, христиане! Вы сейчас слышали из Евангелия, как Господь снова и снова удостоверяет Свое Вознесение, как открываются у учеников глаза, как Господь подтверждает Свое обещание послать Святого Духа на них. А до этого им надлежит оставаться в Иерусалиме, пока силы свидетельства еще

не достает у них. Так и нам иногда приходится, дорогие братья и сестры, делать. Если мы чувствуем недостаток этой духовной силы свидетельства, приходится еще сидеть по своим домам и местам, оставаться на своих работах до тех пор, пока не позовет нас Господь на проповедь, на проповедь свидетельства всей нашей жизнью, словом, делом, действием. На всяком месте владычества Божьего, на всяком месте есть люди, жаждущие слова Божьего. Господь возносится на Небо. Подняв руки Свои, Он благословляет учеников и отдалается от них, отделяется в том духовном теле, в котором им являлся, с обетованием, что Он придет так же, при явлении Ангела, в том же духовном теле, но уже во славе. И ученики обрадовались, и возвратились к себе домой с великой радостью. Дорогие братья и сестры, дай Бог, чтобы и для нас всякое общение с Богом, всякая встреча с Ним были радостью. Трудно обрести такую радость, потому что она — не просто радость как эмоция, когда у нас хорошее настроение. Иногда у нас могут быть и большие трудности, и скорби, и серьезные болезни, и, тем не менее, мы можем испытывать при этом радость, ту радость, о которой сказано, что она и есть Царствие Божие, дар Божий. Ученики, христиане с такой радостью и пребывали всегда в храме. Это значит — пребывали в молитве и общении с Богом, прославляя и благословляя Его. Как, неужели им нечего было более делать? Неужели не надо было думать об устройении общины, о том, чтобы больше людей примкнуло к ним? Нет, для этого они еще не имели достаточно сил, но прославлять, благодарить и благословлять Бога они могли. И они это делали постоянно. Дорогие братья и сестры, а мы благословляем ли Бога всегда? Мне иногда кажется, что разделение труда настолько внедрилось в нашу жизнь, что некоторые думают, будто благословлять Бога и Небесное Царство должен только один священник. Вот он говорит: «Благословен Бог наш», а мирянину это якобы нельзя. Как же он будет благословлять Бога? Нет, дорогие братья и сестры, и вы должны от этой великой радости прославлять и благословлять нашего Бога Духом Святым, пусть и есть еще недостаток сил ваших. Благословение и весь порядок богослужения имеет свой священный смысл. Священник благословляет Бога и Царство Божие, лишь только начиная общественную, т.е. церковную службу. Он — уста Церкви, поэтому церковному предстоятелю эти возгласы и принадлежат. На самом же деле никто никому в Церкви не запрещает благословлять Бога. Более того, если мы Бога не благословляем всею душою своею — как мы поем: «Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя имя святое Его», — значит, мы еще многого не познали. Братья и сестры, будем благословлять Бога, будем прославлять Его, будем радоваться о Господе, потому что со Христом нам нужно быть всегда — и когда мы в силе, и когда мы в немощи. Не будем останавливаться перед трудностями, будем преодолевать их вместе, вместе с Господом. Дорогие братья и сестры, этот прекрасный, радостный праздник Вознесения — для нас праздник таинственный. Образы, которые даются в Евангелии и в Деяниях, и в Посланиях апостолов, которые предображены у пророков, конечно, только указывают нам путь Богопознания, путь, по которому надо идти, чтобы иметь общение с Господом. Но сами по себе эти образы нам еще не раскрывают того, как Господь сидит одесную, как Он был возвышен десницею Господа до Престола Божьего. Мы должны об этом думать, мы должны радоваться этому, мы должны знать эту великую Истину, мы должны жить ею, и да благословит всех вас в этом Господь! Аминь.

СЛОВО ПОСЛЕ ЛИТУРГИИ Дорогие братья и сестры! Надеюсь, что сегодня все вы получили радость общения с Господом в Его Телe и Крови, в Его силе Воскресения и Вознесения. Надеюсь, что эту радость вы сохраните и умножите, и поделитесь ею, не будете жадными. Поделитесь и друг с другом, и с другими людьми, теми, кто сегодня по какой-либо причине эту радость получить не смог. Поэтому, братья и сестры, старайтесь, чтобы умножались дары Духа в Церкви, чтобы собирался Свет Христов в ней. Христос говорит: «Кто не собирает со Мною, тот расточает». Он собирает. С Ним всегда и мы будем собирать, собирать в Духе, собирать в Истине и в Любви. Аминь.

18 МАЯ. ВМЦ. ИРИНЫ. СЛОВО НА УТрене Дорогие братья и сестры! Имена, которыми называли новокрещеных, пришли к нам тогда, когда христианские вера и обычаи на Руси еще не распространились, и поэтому почти все эти имена были не русские, большинство имен. Часто мы не знаем смысла имен, которые носим. Каждое имя не случайно. Имя — символ, и как назвать человека — всегда имело большое значение. Большинство людей, которые имеют детей, знают, как трудно бывает их назвать. Многие не знают значений имен и относятся к ним почти исключительно эстетически. Но когда красота звучания имени соединяется со смыслом его — это большее благо. Имя Ирина означает «мир». Мир это понятие непростое, это не просто образ некоего мира и изобилия. Когда мы хотим сказать, Кто есть Бог наш, мы говорим, что Бог есть Любовь. Мы еще можем сказать, что Бог есть Свобода, но мы можем сказать и то, что Бог есть Мир. В Священном писании говорится: «Ибо Он есть Мир наш». Это очень значимо. Более значительного в жизни быть не может, чем эти несколько слов. Мы не просто говорим: «Мир от Бога», потому что от Бога много: и правда от Бога, и закон от Бога, и заповеди от Бога, и премудрость от Бога, и всякий смысл от Бога, и гармония от Бога, и красота от Бога. Но нельзя сказать, что все, что я сейчас назвал, все это есть Бог. Нет, Бог наш не есть доброта, Бог не есть красота, Бог не есть правда, справедливость, закон, заповеди. Многие этого не понимают, потому что не знают Бога христианского, Бога открывшегося еще Адаму, и потом — дальше, дальше, и познаваемого в полноте во Христе. Именно во Христе мы познаем, что Бог есть Любовь, Бог есть Истина, Бог есть Мир наш. И можно подчеркнуть, что имя Мир есть Имя Божие и Сила Божия. Если в Церкви умалется мир, то прежде всего в ней убывает и любовь, и благодать, и Дух Свободы, и Дух Истины. Человек может легко расстаться с внутренним миром и дома — с женой, с детьми, с родителями. К сожалению, так часто бывает, что многие на это не обращают внимания, часто проявляет гнев, свое желание господствовать, свое честолюбие. Каждый раз, когда это происходит, теряется мир и теряется благодать. Вот, дорогие братья и сестры, мы должны строго помнить, что этот великий дар Божий нужно сохранять и умножать. Мир, благодать, и дар Духа и все, что от Бога, легко теряется, если человек не идет по пути мира, если он не знает этого пути, если он его потерял. Должно вам, братья и сестры, сказать, что и небольшие потери не остаются без последствий. Многие житейские дела, в том числе и на работе, в других местах, где мы постоянно пребываем, часто вызывают какие-то мелкие внешние или внутренние конфликты. И мы забываем о том, что если мы не преодолеваем их изнутри, то теряем самое главное — свое приобщение, причастие Богу во Христе, а значит, и Церкви, потому что где благодать — там и Церковь, где Дух Святой — там и Церковь, а где нет Духа Святого — там Церкви нет, хотя все может идти по уставу — петься, читаться и говориться. Дорогие братья и сестры, будем помнить — добро рождает добро, зло рождает зло, причем прогрессирующее. И чем дальше, тем труднее человек освобождается от этих семян. Появляются сорняки, они соединяются с другими сорняками, и вот все поле души покрылось сорняками, — пойдти их выколи. Всякое примирение и всякое смирение имеют тоже свои плоды, которые как раз подрывают эти сорняки. Вот единственный огонь, который способен уничтожить эту отраву, это безобразие. Нам редко приходится об этом говорить. В кругу же верных христиан нужно чаще рассуждать о главных церковных вещах, а не о периферийных. К главным относятся рассуждения о мире Божием, о мире Христовом. Ведь мы говорим, что Христос примирил нас с Богом, и только Христос. Пророки и святые, которые были до Христа, вели к Богу, обращая людей на путь правды Божией, но Примиритель у нас один и Единственен. Носящих с честью имя мученицы Ирины (Ирина — мир несущая) и я хочу сейчас поздравить. У нас есть надежда иметь мир посреди нас и этот мир умножать и укреплять. Есть надежда самим быть богоносцами и творцами мира, «ибо они сынами Божьими нарекутся», т.е. быть сынами Божьими и мира Божьего. Остальных тоже можно поздравить с тем, что у нас есть надежда иметь внутри себя мир. Те, кто посреди нас — Ирины, пусть источают этот мир, источают этот дух мира! Аминь.

19 МАЯ. СЛОВО НА УТрене ПОСЛЕ 10-ГО ВОСКРЕСНОГО ЕВАНГЕЛИЯ (ИН 21: 1-14)

Братья и сестры, христиане! Апостол призывает нас: «Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением». Точно так же, как мы отдаем отчет каждому в своей вере, мы должны каждому дать отчет и в том, ради чего мы пришли в храм, что мы здесь делаем, почему мы оставляем все свои дела, хлопоты, иногда даже очень важные, для того, чтобы прийти сюда. Не ради духовного отдыха, не ради того, чтобы отвлечься от дел, а ради того, чтобы укрепиться в нашей христианской вере и жизни. Все этому и способствует наше общее собрание, и молитва на этом собрании, и чтения из Писания, и проповедь, и все, что здесь совершается нами вместе. Будем помнить: то, что совершается в Церкви, совершается всеми нами. У каждого из нас могут быть свои немощи, плохое самочувствие, что-то еще, что мешает сразу раскрыть свое сердце, но поддержка друг друга, общение друг с другом помогают раскрыться нашим сердцам. Великая ценность, может быть, одна из величайших ценностей нашей с вами жизни — это возможность полного общения с Богом и с ближними. Эту возможность открыл нам Господь. Люди всегда, на протяжении всей истории, стремились к этому. И это не удивительно, потому что на самом деле, когда речь идет о том, что связано со встречей, когда говорят: «люди встретились», имеется в виду нечто эпохальное, важнейшее для всей жизни человека. И вот, встретившись, люди общаются. Конечно, общение может быть разным. Ведь можно профанировать все на свете, в том числе и такие важные вещи. Мы говорим об общении в полноте, говорим об общении истинном, духовном, об общении в Духе. Братья и сестры, такое общение всегда бывает личным, личностным общением. И это необходимо для того, чтобы общение было истинным. Только тогда, когда оно истинно, личностно, полно, только тогда, когда оно духовно, человек способен за такое общение отдать все на свете, все, все подчинить ему. Господь открывает нам это в Евхаристии, в преломлении хлеба, открывает нам это более всего во всех таинствах. Но не только, дорогие братья и сестры. Всегда, когда мы общаемся друг с другом во Христе, мы общаемся и со Христом. Повторяю, нет ничего на свете, что бы превышало эти великие духовные ценности. Церковь Христова и есть то Собрание, где возможна полнота святого, личностного общения. Господь начал Свое общение с начала Своей проповеди, но ученики еще не вмещали Его, и поэтому не понимали многого из того, что говорил им Иисус, не понимали притчи, не понимали Его дела, поступки, постоянно вопрошали. Поэтому был возможен и тот конфликт с апостолом Петром, когда Господь назвал его даже сатаной. Помните? После Преображения и начала восхода в Иерусалим Петр стал жалеть Господа по-человечески и говорить: «Господи, зачем Ты идешь? Пожалей Ты Себя». И тогда Господь ему ответил: «Отойди от Меня, сатана! Ты мне соблазн, потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое». Это было от недостатка общения. Ученики учились и этому. Они встретили Господа, они знали, что некуда им больше идти, потому что у Него «глаголы Жизни вечной». Но они многого еще не понимали. Так часто бывает и с нами. Мы тоже встретили Господа, мы приняли Его, мы рады общению с Ним, но часто еще многое остается для нас притчей, многое требует пояснений, потому что полноты общения мы достигаем крайне редко. Даже в таинстве, даже на Евхаристии, потому что вместить так, евхаристическое общение — удел святых. А мы не всегда бываем достаточно подготовлены и достаточно дерзновенны. А подготовка к таинствам меряется только нашим дерзновением, нашей решимостью всего себя отдать Господу. Остальное — дело Божье. Мы предлагаем Богу свое сердце и говорим: «Господи, вот это мое сердце, возьми его». И Господь Сам позаботится о том, как взять это сердце, чтобы не было насилия, давления на нас, чтобы мы почувствовали свободу в Боге, Который Сам есть Свобода. Братья и сестры, мы сейчас слышали из Евангелия от Иоанна прекрасное место — как в третий раз Господь явился ученикам по воскресении Своем из мертвых. И что мы видим здесь, в центре этого рассказа? Вот такое общение-откровение Господа в Преломлении хлеба на трапезе, когда Господь пришел на нее. Евангелие нам говорит: «Иисус приходит, берет хлеб и дает им, также и рыбу». Что особенного здесь? Так люди делали каждый день, кажется. Кажется, но не действительно. Вспомните наши домашние трапезы. Похожи ли они на общение с Господом? Кто приходит на эту трапезу? Кто дает нам

хлеб и другую пищу? Часто мы сами каким-то неблагоговейным образом ее хватаем, потому что привыкли с детства думать, что это лишь средство удовлетворения наших физических, телесных потребностей. Мы забываем, что трапеза человеческая — всегда нечто большее. Это всегда некое предображение великой тбинственной трапезы. И в Евангелии ничего ведь не говорится о Евхаристии, но сказано о трапезе так, что мы не сомневаемся в том, что речь идет о Евхаристии. Вот что важно! Несколько слов о том, почему это так. Кто-то ведь может возразить, что этого из текста почти не видно или вообще не видно, а есть только упоминание хлеба и общей трапезы — и все. Это же то, что делают и делали люди, конечно апостолы, ежедневно. Это было еще до Сошествия Святого Духа, и значит, еще Евхаристия учениками Христовыми еще не совершалась. Она стала совершаться лишь после особого вдохновения, открывшего возможность полного личного общения между учениками Христовыми. Правильно, дорогие братья и сестры, так и есть, кроме одного — не забудем, что ту-то трапезу совершил Сам Господь. И не благодарить Бога Отца Он не может. И не благодарить Бога за Сына Его ученики тоже не могли. А это самый центр евхаристического общения — чувство благодарности, рвущееся из сердца верующего человека, за то, что нам дал в Себе, через Себя и Собою наш Господь. Будем же достигать, братья и сестры, такого общения. Никогда не будем бояться встреч с людьми, какими бы они ни были. Иногда люди бывают страшны в своем современном облике, крайне неприглядны, и не только от болезни, а от тех нравственных и духовных язв, которые они несут настолько явственно, что даже внешне скрыть этого невозможно. Человек может быть очень хорошо одет, с золотым перстнем, как говорит апостол Иаков, но если такой изъязвленный, несчастный человек, хотя и шикарно одетый, войдет в храм, сразу будет видно, кто он и что с ним происходит. Одна наша прихожанка сказала такому человеку: «Мы думали, что вы враг». Это, конечно, не очень тактично, можно было бы сказать немного по-другому или ничего не сказать, а просто помолиться. Я вам привел этот пример только потому, что люди, даже ничего не знающие о том, кто пришел, могут чувствовать такого человека. И мы не должны бояться подобных встреч. Мы с вами вообще ничего не должны бояться. Для нас с вами вот и такая встреча должна стать новой возможностью встречи, возрождающей человека, если, конечно, для нас общение с любым человеком есть общение личностное, святое, стремящееся к евхаристической полноте. Братья и сестры, вспомним в связи с этим, как Господь относился к врагам. Неужели у Него не было врагов? У нас-то, можно сказать, врагов нет, какие там враги! Все, что делают нам наши так называемые враги, это пока такие мелочи в сравнении с тем, что испытал Господь. Даже когда мы слышали угрозы и ругань в наш адрес, много чего приходится испытывать, это мелочи, повторяю, просто ерунда. А у Господа были действительно враги, да такие, как книжники и фарисеи и такие, как Иуда. И потом, если мы всегда можем где-то согласиться с претензиями к нам, хотя бы с какой-то частью их, то Господь был таков, что никто «обличить Его в неправде» не мог. Как относился к врагам Господь? Приходит Иуда на Тайную вечерю. Гонит ли его Господь? Нет. Что Он делает? Он на него указывает, Он его как бы обличает. Действительно так. Но делает это так, что Иуда должен уйти, уйти, чтобы делать свое черное дело в одиночестве. Как поступает Господь, когда Иуда приходит в Гефсиманский сад, чтобы предать своего великого Учителя и Господа? Иуда подходит, приветствует Его целованием, и Господь не отвращается, хотя знает, что за этим последует. Он даже еще пытается побудить, разбудить в нем некий здравый смысл и, если хотите, покаяние словами: «Друг, для чего ты пришел?» Называет его другом, хотя и не самым близким. В греческом языке есть несколько слов, означающих «друг». И вот здесь употреблено такое, которое к нашему слову «товарищ» ближе, чем к нашему слову «друг». Братья и сестры, будем учиться у Господа жить. Все, что внутри нас, должно находить возможность выразиться в нашей общецерковной жизни. Как сказал один замечательный проповедник в Патриаршем соборе, если мы, вступая в общение с Господом на Евхаристии, не вступаем в такое же евхаристическое общение друг с другом, со всеми стоящими в церкви, то мы, вероятнее всего, и не причащаемся. Будем помнить об этом. Будем помнить, что сила воскресшего Господа жива, и она живет в Христовом Теле —

Христовой Церкви. А Церковь Христова — это все мы. Аминь.

СЛОВО НА ЛИТУРГИИ ПОСЛЕ ЕВАНГЕЛИЯ (ИН 17: 1-13) Братья и сестры, христиане! Сегодня мы вспоминаем святых отцов первого Вселенского собора. Вот таким прекрасным образом мы чтим их память между Вознесением и Троицей. Это показывает нам, что Господь наш Иисус Христос и тогда заботился о Своих учениках. Мы слышали слова Его первосвященнической молитвы, Господь молится Отцу и говорит о прославлении: о прославлении Сына, о прославлении через Сына Отца и о прославлении Сына через учеников Его, тех, кому Бог благоволил дать Царство, даровать Царство. Все вы хорошо знаете, что именно с познания Бога во Христе начинается христианская жизнь каждого человека. Как только человек познает единство истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа, он становится христианином и членом Церкви, хотя, может быть, еще и не полным. И мы иногда недоумеваем — почему так? Ведь в Церкви так много еще чего есть. И верно, в Церкви много чего есть, но Жизнь вечная начинается с веры в единого истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа. Это начало, но начало живое, а не просто умственное или словесное утверждение. Далее Господь прямо молится о Своих учениках, которые даны Ему от Отца. Он говорит: «Я о них молю: не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои; ...Я прославился в них. Я уже не в мире, но они в мире... Соблуди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы». Братья и сестры, эта великая молитва о том, чтобы ученики Христовы оставались в мире, чтобы они были едины, чтобы они имели в себе радость и прославляли Господа. Они помогли нам познать единого истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа. Они сохранили единство, пусть в многообразии, и конечно в многообразии, потому что Бог есть Свобода, и эту свободу наследуем все мы. И если все будут совершенно одинаковы, как некие куколки или солдатики, то они не будут похожи на учеников Христовых. Но мы должны быть едины и единомысленны в основах нашей веры и жизни, в нашем делании. В древности христиане очень любили собираться вместе. Они шли ради этого даже на большие жертвы. Это относится и к самому древнему периоду христианской жизни, и к более позднему. Монастыри, в конце концов, тоже были попыткой собрать верных учеников Христовых. Собрать вместе, под одной крышей. Правда, часто их уход от греха мира сего сплетался с выходом вовсе из мира. И это было уже не всегда верно. Часто для людей, живущих в монастырях, это означало бегство от своего креста. Они занимались своим спасением, помогали только себе и друг другу. Они подчас презирали мир за стенами их монастыря. Правильно считают те, кто говорит, вслед за ап. Иоанном, что надо не любить не мир Божий, а то, что в мире сем, если под этим миром подразумеваются грех, похоть и гордость житейская. Не случайно христианская история так повернулась, что сейчас монастыри ушли из центра духовной жизни Церкви на периферию, на обочину этой жизни. Они существуют, и слава Богу. Но главные жилы, по которым течет кровь, те, которые являются как бы центром духовной жизни, которые определяют собою жизнь Церкви, как правило, находятся теперь не там, а в других местах. Судьбоносными ныне часто бывают совсем другие центры. Нам с вами это нужно хорошо понять, нам не следует впадать в крайность и не следует ничего отрицать. Надо только знать, где сейчас центр, и стремиться к нему. А центр там, где Бог, где благодать и значит, где борьба с грехом идет горячее и успешнее всего, там, где так же идет борьба за единство, там, где мы ощущаем радость Христову совершенную. В наше время эта борьба происходит в мире, в мире сем, и это для нас важно. Нам с вами может быть очень трудно вести эту борьбу, но мы не должны отказываться от нее. И если мы не всегда можем похвастаться тем, что участвуем в этой великой борьбе, то хотя бы помогать ей должны, если хотим быть наследниками наших святых отцов — и отцов-догматистов, и отцов-аскетов, ибо великие отцы-аскеты Церкви были в центре духовной жизни, церковной жизни так же, как великие отцы-догматисты. Отцы-догматисты первого Вселенского собора утверждали учение о единосущии Отца и Сына. И сейчас в Евангелии мы читаем о том, что Жизнь вечная зависит как раз от познания, от познания этой великой

истины, от познания единого истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа. Нам следует больше интересоваться наследием Церкви для того, чтобы единство наше росло, чтобы никто не мог нас сбить с пути. А таких попыток уже много, и можно предположить, что в ближайшем будущем их будет еще больше. Братья и сестры, велика мудрость отцов, назначивших чтение этого отрывка из Евангелия в день памяти святых отцов первого Вселенского собора между Вознесением и Днем Святой Троицы. Мы тоже как бы ожидаем этого Пришествия, этого Сошествия Святого Духа. Мы получили малую Пятидесятницу — опыт общения со Христом. Но еще мало кто может сказать, что он послан Христом в мир сей свидетельствовать каждым мгновением своей жизни о Христе и о едином истинном Боге. Мы еще много, слишком много оставляем для себя и для своих, и нам с вами, братья и сестры, нужно отрезвиться, нужно собраться, объединиться, в Духе и Истине поклоняясь Богу, чтобы быть верными Церкви Христовой и Богу во Христе. Аминь.

СЛОВО ПОСЛЕ ЛИТУРГИИ Братья и сестры! Всегда очень радостно видеть собравшуюся, собранную Христом Его Церковь. Потому что, когда видишь собрание церковное и видишь, что каждый из вас причастен к благодати Божией, причастен Христу, тогда, дорогие братья и сестры, чувствуешь, что все-таки силен Бог спасать людей и в наше время. Все мы с вами хорошо понимаем, какие трудности нам пришлось пройти, какие приходится проходить, и догадываемся, что нас еще ждет впереди. Никогда христианская жизнь не будет простой и легкой, никогда. «Кто хочет жить благочестиво во Христе, тот будет гоним», так сказано в Писании. Действительно, это так, хотя страдания бывают самых разных видов и мы не должны искать их. Но мы должны быть готовы ко всему — вот это важно. Мы всегда благодарим Бога за то, что сейчас Церковь растет и находится в относительном мире. Во всяком случае, в нашем приходе, в нашей общине, в нашем братстве, это так. Конечно, есть какие-то напряжения, ибо вообще в нашей церкви есть разные направления и есть какие-то непонимания и грехи, которые бы стоило скорее преодолеть. Но этому нужно способствовать, и для этого нам дается благодать, радость и мир. Эти дары Духа Святого даются не просто, чтобы мы ими услаждались, чтобы мы чувствовали счастье и чуть ли не прыгали на одной ножке — и больше ничего. Они даются нам для служения. Каждый служитель Божий дар такой получил, и среди нас нет ни одного бездарного человека, ни одного. Вот что творит Господь. Многие люди часто смотрят на толпу где-нибудь в транспорте или на фотографиях в современных журналах и бывают готовы воскликнуть: «Вот уж толпа рабов, даже если восставших». Но в Церкви это совсем не так. Никто, ни один непредубежденный человек такого не подумает, и не скажет. Это — Божий дар, это — Божья милость, и будем с вами это высоко ценить. Но будем помнить: удержать благодать Божию можно лишь постольку, поскольку будем ею пользоваться, раздавать ее другим щедрой рукою как дар уже наш. Вот, братья и сестры, не будем скупиться на благодать Божию, которая дана нам. Господь простил нам тысячу грехов, будем прощать и мы грехи, которые совершают против нас близкие, будем стараться преображать весь мир, всю жизнь вокруг себя и внутри себя. Все вы знаете, что это требуется делать ежедневно, постоянно и не пропускать никогда тех возможностей, с которыми мы сталкиваемся. Пропущенная возможность есть пропуск, пробел на всю жизнь. Вот это самое главное. Что-то пропустив, мы часто думаем: «А вдруг это мне помешало бы решить глобальные проблемы будущего?» Тогда все, уверяю вас, если вы так подумали, больше вы уже никогда не сможете сделать того, что должны были и могли сейчас сделать. Вот поэтому, братья и сестры, когда вы чувствуете радость, благодать, силу Божию в себе, силу любви, то помните: она возрастает только постольку, поскольку вы будете ею пользоваться в жизни, поскольку вы будете щедро ее давать другим. Храни вас всех Господь!

21 МАЯ. ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ СЯТИТЕЛЯ И ЧУДОТВОРЦА НИКОЛАЯ ИЗ МИР ЛИКИЙСКИХ В БАР. СЛОВО ПОСЛЕ ВЕЧЕРНИ Дорогие братья и сестры! Сегодня у нас особая радость — праздник, который всегда чтился на Руси, особо чтился. Не случайно

некоторые даже считали, что Николай Чудотворец — русский святой, хотя вы знаете, что жил он в IV в. в Малой Азии, в Ликийи, в Мирах Ликийских. По преданию, он был человеком праведным, милостивым, бескорыстным и любящим истину, любящим свою веру. И думаю, для нас с вами большая радость прославлять такого святого — сильного перед Богом в своих молитвах. Наверное, это ощутили многие, обращаясь к святителю Николаю. Здесь у нас сегодня есть именинники, и я всех их поздравляю. И еще я хотел бы вам представить нашего гостя — иеромонаха Игнатия, который является инспектором Московского духовного училища и несет очень большую нагрузку, и не только в этом православном духовном училище, где многое надо начинать буквально с нуля, и начинать сразу хорошо. А препятствия и трудности, вы знаете, всегда были и будут, когда человек хочет что-то сделать ради Господа хорошо, действительно хорошо. Еще о.Игнатий занимается Священным писанием, много пишет и печатает свои работы. Те из вас, кто знаком с «Московскими епархиальными ведомостями», читали его комментарии к Евангелию от Луки. И я знаю, что о.Игнатий занимается многими другими вещами, связанными с возрождением библиистики в нашей церкви. Сейчас будет издаваться особый журнал, посвященный этим проблемам. А их — непочатый край. Пока, к сожалению, мы очень отстали в этом вопросе, отстали и от протестантов, и от католиков. Они в XX в. очень много потрудились в углублении познания подлинного смысла Священного писания, и внешнего, и внутреннего смысла. И конечно, мы здесь в некотором долгу, ибо голос Православия еще не прозвучал так, как должно, и поэтому каждому человеку, который берет на себя такую колоссальную ответственность в нашей церкви, нужно всячески помогать, о нем надо молиться и быть благодарными уже только за то, что такое дерзновение проявлено. Вот, дорогие братья и сестры, поэтому с такой большой любовью, с такой большой радостью мы сегодня принимаем здесь о. Игнатия. И я очень рад, что он нашел возможность сказать вам проповедь, слово на очень трудную, важную тему — о том, что в Церкви, в ее духовной полноте должно быть место и харизме и керигме, и дару и учению. Для вас давно, для большинства из вас, это знакомые вещи, но то, что сказал об этом о. Игнатий, я думаю, вы еще не слышали. Очень надеюсь, что традиция посещения нашего храма, несмотря на всю сейчас его стесненность и даже убогость, будет продолжаться. Я думаю, что выражу и ваше мнение, если приглашу о. Игнатия еще к нам, особенно на литургию, хотя, конечно, и в любое время, на любую службу. Мы всегда рады каждому человеку, приходящему с открытым сердцем, каждому человеку, который может воспринять нашу церковную жизнь творчески, который может воспринять ее воистину духовно, открыть свое сердце, принять в свое сердце всех, даже тех, кого в первый раз видит. Увы, нельзя сказать, что сейчас любой христианин, любой из нас сможет похвастаться таким свойством. Иногда открытости нашего сердца не хватает, иногда оно бывает, увы, пусто, узко, иногда нам не хватает даже понимания друг друга. Слава Богу, Господь наградил наш приход, наше братство миром, и нет у нас разногласий, нет у нас с вами никаких проблем, кроме тех, которые, естественно, были, есть и будут вообще в Церкви, как это и должно быть, как и предупреждал об этом апостол Павел. Я надеюсь, что сила Божия помешает немощи, не отступит от нас, и потому прошу о.Игнатия не забывать всех нас в молитвах, тем более, что он совершает свое служение в монастыре и имеет возможность молиться чаще, чем мы с вами пока, на сегодняшний день. Вот такой подарок сегодня нам приготовил Господь в этот праздник, несмотря ни на какие, повторяю, наши немощи, несмотря ни на какую стесненность наших обстоятельств.

СЛОВО О.ИГНАТИЯ (КРЕКШИНА) Я благодарю о.Георгия за эти теплые слова, преувеличенные, конечно. Когда жизнь совсем замирает и вдруг в ней появляется какое-то движение, кажется, что это движение очень большое. На самом деле то, что делаю я, это очень мало. Можно делать намного больше. К сожалению, мои силы ограничены, как и у всякого человека. Если мы вспомним тех людей, которые делали даже в таких трудных условиях еще больше, то что есть наши усилия, что наши труды и затраты по сравнению с работой наших предшественников? Я не буду называть сейчас их имена, но думаю все-таки, как бы ни

справедливо сказал о.Георгий о том, что мы отстали, и в Библиистике тоже, что в Церкви нет отстающих. Мы все работники 11-го часа, и сегодня здесь я стал свидетелем, не только слушателем, каким я был ранее, в последние годы, а именно свидетелем вот этой живой жизни общины. Мы не знаем, что будет завтра, но как бы трудно ни было завтра, можно сказать, что церковь возрождается, церковь обновляется в полном смысле этого слова. И во всем этом я вижу великий знак Божий и милость Божию к нам. Да все мы работники 11-го часа и все мы получаем столько же, сколько получали прежние делатели, те, кто положил душу свою за Бога и Церковь. Я надеюсь, что встречи наши будут не единичными, я надеюсь, что мы сможем чаще молиться у одного престола Божия, хотя мы и так молимся постоянно вместе, но я имею в виду — здесь, что будем вместе совершать Евхаристию. Еще раз благодарю Вас, о.Георгий и, конечно, благодарю Бога за то, что я сегодня здесь, ведь мне не удастся уделять время посещению храмов в Москве. За два года служения я впервые на службе в Москве, хотя я москвич, но в Москве бываю не так часто. Спасибо за приглашение, спасибо всем! Дорогие братья и сестры! Полнота жизни Церкви состоит в единстве харизмы и керигмы — в единстве действия благодати и проповеди Слова Божьего. В первые века, в первые десятилетия Церкви — Церкви мученической, Церкви, только набиравшей свою силу через кровь, пролитую Самим Христом и многими свидетелями Истины на земле, свидетелями Истины в слове и жизни, — соединение этих двух начал было очевидно, было несомненно. Но проходят столетия, и здесь, у нас, уже на русской земле, происходит как бы разъединение этих двух начал. И мы видим, что в последние десятилетия, и даже больше того, действие благодати, таинства Святой Церкви разделяются с проповедью Слова Божьего. И не случайно можно было слышать такое мнение, что таинства Православной Церкви, богослужение Православной Церкви и есть проповедь Слова Божьего, есть свидетельство об Истине в Церкви. Но было ли это правдой? Соответствовало ли это подлинному положению? Думаю, нет, потому что Слово Божие редко звучало в последние десятилетия. Редко можно было слышать настоящих проповедников и по объективным, и по субъективным причинам. А из того, что мы слышали в храме, когда присутствовали на богослужении, до многих из нас не доходило то Слово Божие, которое давалось и дается в таинстве и литургии и во многих других службах, потому что утрачена была та живая связь языка и самого смысла богослужения, которая является, действительно, такой необходимой для участия в полноценной церковной жизни, для участия в богослужении. Харизматическое действие таинств церковных часто отвечало, скорее, религиозному чувству, чем духу, часто оно отвечало не духовности, а скорее душевности. И вот сегодня Господь сподобил меня, хотя с о.Георгием мы знакомы уже несколько лет, и я слышал о нем, еще когда был мирянином, и читал его работы, сегодня Господь сподобил меня впервые за эти годы нашего знакомства присутствовать на этой службе, на этой вечерне. И что же я услышал? Что действительно богослужение в полном смысле является проповедью Слова Божьего, что каждый из нас, каждый из вас слышит Слово Божие в каждом слове, произносившемся сегодня здесь. И я не думаю, что это какое-то исключение, что это, как можно услышать порой, некий эпатаж всему церковному стилю. Нет, я думаю, что это нормально, это в полном смысле подлинное богослужение, которое включает всех нас, и полнота общения, полнота Церкви действительно приобщается к тому, что происходит в храме. Я надеюсь, что эта добрая традиция, давно забытая в Православной церкви, когда и миряне, и духовенство составляют единое целое, когда есть соучастие в таинстве, вновь возрождается и получит все большее и большее распространение. Дай Бог, чтобы ваше начинание, начинание всех членов вашей общины распространилось все шире и шире в церкви. Я надеюсь, что Господь благословит всех вас, и особенно это знаменательно сегодня. Я немного волнуюсь, потому что для меня это необычно, для меня это очень близко. И тем не менее сердце мое радуется, и я надеюсь, что Господь вновь приведет меня к вам.

25 МАЯ. СЛОВО НА УТРЕНИ Дорогие братья и сестры! Господь говорит: «Кто не собирает со Мною, тот расточает». Расточать — великий грех. Мы должны со Христом собирать все, что на

себе несет печать Божьей благодати. Но самое главное, о чем заботится Господь, это каждый человек. Иногда бывает так, что мы пренебрегаем людьми и памятью о них. Бывает так, что кого-то мы ставим заранее вне Бога, а ведь в каждом из них тоже есть дух. Да не будет этого с нами! Дорогие братья и сестры, будем стараться всегда предавать сами себя и друг друга и всю жизнь нашу Христу Богу! Конечно, нам надо собирать и другой дар — молитвенный опыт. Если бы все христиане знали богослужение, было бы значительно легче петь в храме. Участие всех в богослужении просто необходимо. Каждое богослужение — великая драгоценность. Мы в храме имеем возможность встретиться с Господом через общение друг с другом в полноте Церкви, увидеть особенности богослужения, осуществить свое служение духом в полной мере.

СЛОВО ПОСЛЕ КРЕЩЕНИЯ Дорогие братья и сестры! Крещение — таинство, которое всегда существует на земле. И нам с вами хорошо духовно как бы поучаствовать в этом таинстве, духовно обновить и свою благодать Крещения. Благодать есть врата в Царство Божие. Кто этого дара не несет, тот не в Царствии Божием! Вот сейчас в полной мере присутствует то, что открывает Господь в таинстве Крещения. Вы все креститесь сейчас, даже те, кто присутствует в качестве свидетелей. Креститесь все. Вера и Свет Христов есть, чтобы умереть для греха, умереть раз и навсегда, чтобы жить для Бога во Христе и Духе Господа нашего. Воскресший Господь — вот великая истина, благодаря которой в особенный день своего Крещения мы прощены и уже не умрем, не умрем подобно тому, как не умер Господь. И это великая радость, великая надежда, что мы не умрем, что уже нет в нас того корня зла, который лежит в основе греха. Будем радоваться своему воскресению, будем радоваться действию жизни в нас и будем стараться, чтобы те люди, которые еще не побороли в себе это начало греховное, сделали это и ради нас, и ради Церкви Христовой. В древности христиане, когда хотели убедить в истинности своей веры, говорили: «Приди и посмотри». Только одно — «Приди и посмотри». Вот, я тебе проповедую веру во Христа, веру в Бога, дар Духа Святого, и если в тебе еще есть сомнение, ты сам приди и посмотри. Люди приходили, смотрели и верили подобно тому, как уверовали в Воскресение Господне апостолы, пришедшие ко гробу, — пришли, посмотрели и уверовали. Открылась завеса в сердце! Вот сейчас Господь, Который был мертв и воскрес, здесь как бы стоит. Здесь гробница, и здесь Он стоит. И вы были совсем недавно у этой гробницы, но смерть не удержала вас. И каждый человек, глядя на вас, посмотрев на вас, тоже придет и увидит, ради чего стоит поменять дух свой, оставить дела свои. Ради этих великих дел стоит оставить множество своих дел, ради победы Жизни вечной. Дорогие братья и сестры, будем же всегда жить в благодати Духа Святого! Мы уже слышали о том, что таинство Христианства живет в нас, а мы — в нем. Крещение будет продолжаться вечно, всю жизнь нашу. Мы будем дальше и дальше, полней и полней погружаться, в таинстве Крещения, во имя Христа, во имя Отца и Сына и Святого Духа, познавать изнутри через Духа — Сына, а через Сына — Отца. Мы с вами крестились, крестились в одном духе, духе который живет в нас, а мы — в нем. Воскресение будет продолжаться вечно. Пусть между нами не будет ничего такого, что могло бы погасить тот огонь, ради которого мы собрались. В каждом из нас — живет образ Божий. Слава Богу, что теперь за нас будут молиться дети, те, которые сейчас крестились, а мы будем молиться за наших детей. Будем благодарить Бога за таинство Крещения, за посланную нам силу Его и благодать. Каждый, кто в благодати, кому она дана, — тот Христов. Что бы ни было с нами — мы несовершенны, и с нами все может быть, — главное в том, что Господь освящает человека, когда он стал на путь Христов, на путь Божий. Каждый человек получает духовную благодать, когда он присоединяет к Богу жизнь свою. Храните эту благодать, храните и освящайте эту жизнь, умножайте ее, как дар, старайтесь и дальше освящать ее. В Писании говорится: «Святой да освящается еще!» Ни в коем случае не останавливайтесь на пути, идите дальше, старайтесь достигать Преображения, старайтесь сохранить и умножить дар Духа Святого. Мы с вами говорили раньше, что значит исполнение заповеди Христовой, заповеди Божией, что это относится к Церкви Христовой. Конечно, вам предстоит исполнять заповеди, вам предстоит еще более — идти к Богу в христианской общине, чтобы быть более совершенными духом,

телом и душой. Достичь этого совершенства духа, этой его гармонии очень трудно, и придется еще пройти через множество препятствий в христианской жизни. Вас Господь помиловал, и вы должны всегда этому радоваться. Если вы в Духе — вы всегда в радости. Я поздравляю и всех тех, кто молился за вас сегодня. Храни вас всех Господь! Аминь.

СЛОВО НА БЛАГОДАРСТВЕННОМ МОЛЕБНЕ ПЕРЕД ВЕЧЕРНЕЙ В СВЯЗИ С ЗАВЕРШЕНИЕМ УЧЕБНОГО ГОДА В ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЕ ПРИ ХРАМЕ

Дорогие братья и сестры! Будем молиться Богу и благодарить Бога за то, что мы уже начали работу в воскресной школе, что мы уже чему-то научились, что-то сделали. И хорошо, что у нас уже есть планы на будущее, что у нас есть желание и дальше учиться христианской жизни. Будем помнить, что когда мы благодарим Бога и ближних, мы достойны нашего христианского призвания. Этого никогда не забывайте и вы, дети. Всегда благодарите родителей, друзей своих — и младших, и старших, и тем более учителей своих — всех, кто вам хоть немножко сделал что-то хорошее. Если вы благодарите, если ваше сердце благодарное, значит, оно чудесное. От темного сердца, которое полно зависти, недовольства, ропота, никогда благодарение не произойдет. Так и знайте. Когда вы благодарите от сердца, когда ваше благодарение Бога, Иисуса Христа от сердца, тогда значит у вас на сердце хорошо. Если же вам не хочется никому говорить «спасибо», значит, не очень хорошо, и нужно об этом подумать. Мы должны всегда воспевать в сердцах наших Господа, чтобы всегда сердце наше пело от радости. В одной из притч Евангелия рассказывается о десяти прокаженных, которые не могли исцелиться. Проказа — это страшная болезнь, когда тело человеческое гниет заживо. И больные не могли освободиться от этой страшной болезни. А эта болезнь очень заразная. Прокаженные не могли подойти к другим людям, потому что им запрещалось подходить ближе сорока шагов. Они считались еще и нечистыми, т.е. наказанными за свои грехи. И что же произошло с этими людьми, которым было крайне тяжело, оттого что они были духовно нечисты и физически, телесно больны, что к ним никто не подходит, никто с ними не общается? Вы помните, к ним подошел Иисус, и они сразу закричали: «Иисус Наставник, помилуй нас!» Зачем им нужно было помилование? Они были преступниками? Да, если они считались нечистыми, если они совершали грехи — они были преступниками. Это кроме того, что они были больными и страдали. И вот, они просили Иисуса Христа помиловать их, очистить их от грехов. Что же произошло дальше? Когда Иисус смиростивился над ними, Он сказал: «Пойдите, покажитесь священникам». И когда они шли, они очистились от болезни, от этой страшной проказы. Перестало гноиться их тело, перестало исходить от них зловоние, и они обрадовались. Но почему Иисус послал их к священнику? А потому что был такой закон: если вдруг больные исцелялись, получали особую милость, то только священник им мог сказать, что они очистились от своей нечистоты, от своего греха, от своей болезни, только священник знал, как испытать этого человека — чист он на самом деле или нет. И только после такого свидетельства они могли вернуться в нормальное человеческое общество и жить со всеми на равных. И вот, пока эти десять человек шли, они на самом деле очистились — получили исцеление. И что произошло дальше? Тут давайте будем особо внимательны, потому что это имеет отношение прямо к нам с вами. Только один из них, увидев, что он излечен, возвратился, громким голосом прославляя Бога, и пал ниц к ногам Иисуса, и благодарил Его. Он понял, что это произошло не просто случайно, а силою благодати, исходящей от Иисуса Христа. Он это понял и сердце его исполнилось не только радости от исцеления, а благодарности Богу и Сыну Божьему Иисусу Христу. Все исцеленные были иудеи, и только этот, один из них, был самарянином. И вот, этот иноплеменник, который меньше всего имел надежду на спасение, потому что не знал, как по-настоящему, православно славить Бога, именно он оказался в результате самым достойным. И что же еще случилось? Иисус посмотрел на этого иноплеменника и сказал ему: «Не десять ли очистились?» Ведь десять человек получили прощение, десять человек избавились от страшной смерти и мучений. Но где же были девять? Девяносто процентов исцеленных больных оказались неблагодарными, они порадовались, но

порадовались только о себе, о своем здоровье, о своем благополучии — и все! Они были эгоистами, ужасными эгоистами. Где же эти эгоисты? Они со Христом? Нет, они оказались не со Христом, потому что не были благодарными, они не вернулись назад славить Бога. Только один иноплеменник на деле оказался православным, ибо он вернулся возблагодарить Иисуса. И сказал Иисус Христос ему великие слова: «Встань, иди; вера твоя спасла тебя». Посмотрите, благодарность оказалась явлением веры, явлением того духа, которого ждал и хотел увидеть Господь. Таким и только таким образом нужно благодарить Бога во Христе, и только тогда возможно исцеление, спасение от греха, потому что Бог показал в Иисусе Христе Спасителя. И воистину Иисус Христос есть наш Спаситель, и сердце наше будет открыто к Нему, если мы сможем от чистого сердца благодарить Его, если всегда будем Ему благодарны. Спросите себя и маленькие, и большие, и взрослые, и дети: когда вы молитесь, благодарите ли вы Иисуса за то спасение, которое Он вам посылает? Когда у вас на душе хорошо, когда вы здоровы, когда у вас все есть? Благодарите ли вы Иисуса, когда вы выздоровели? Когда вы учитесь замечательным вещам, благодарите ли вы Бога? Или думаете, что это так, само собой как бы падает с неба? Посмотрите, напоминаете ли вы себе того самарянина, который получил спасение и поблагодарил Бога? Или вы как те девять, которые исцелились, обрели здоровье, но спасения при этом не получили? Дай же Бог нам всегда быть благодарными Богу и ближним нашим. Аминь.

СЛОВО НА ВЕЧЕРНЕ ПОСЛЕ ПАРИМИИ* I. Дорогие братья и сестры! Вы слышали прекрасное место из книги Чисел. Господь повелел Моисею, одному из величайших пророков ветхозаветного мира, собрать 70 мужей из старейшин Израиля, из старейшин народа Божьего, чтобы дать им Дух, тот Дух, который дан был прежде Моисею, чтобы они вместе с Моисеем несли бремя водительства в народе Господнем. И вот, так и произошло. Господь сошел в облаке, взял от Духа, который был на Моисее, и дал всем мужам-старейшинам. На них сошел Дух, и они стали пророчествовать, и даже те, кто был в стане, кто не пришел на это место, тоже стали пророчествовать. И Моисей, возревновав о Господе, сказал: «О, если бы все в народе Господнем были пророками, когда бы Господь послал Духа Своего на них!» Это, дорогие братья и сестры, исполняется во Христе через Христа, подобно тому, что мы сейчас прообразовательно слышали от Моисея. Это произошло во Христе. Уже не только старейшины, но и все уверовавшие получили совсем не случайный дар Духа, этот Дух пророческий, хотя многие ныне и забыли об этом. Древние христиане в Церкви Святого Духа называли иначе — Духом пророческим. Каждый христианин, конечно, был рожден от этого Духа и приобщен к миру пророков. Моисей пожелал: «О, если бы все в народе Господнем имели этот дар!» И воистину, каждый истинный христианин этот дар получает и этим даром служит, если он возрожден от Духа Святого. Если же он не возрожден, то он еще не вполне христианин, хотя он может быть и членом Церкви, но не полным, подобно оглашаемому и кающимся. Дорогие братья и сестры, мы все призваны быть не просто носителями Святого, творческого Духа, но и служить тем даром Духа Святого, который получил каждый из нас. Каждый из нас имеет этот дар, но только немногие служат. И мы иногда зарываем в землю свой талант подобно тому, как это произошло с ленивым и лукавым рабом в притче Господней. Повторяю — с ленивым и лукавым. Конечно, не у всех есть дары, которые бы светили всем в мире и всем в Церкви, но у каждого есть какой-то дар. Никто не может сказать: «Нечем мне послужить». Никто не может сказать: «Не дан мне дух». Каждый христианин имеет этот дар, но только часто мы зарываем его в землю и потом говорим: «Нет у нас ничего». То, что мы слышали из книги Чисел, пусть будет для нас великим пророчеством, которое нельзя забыть. Древние люди хотели пророчествовать, да не могли. Только некоторые, немногие — старейшины, пресвитеры, священники (пресвитер, священник в переводе и означает старейшина), надзиратели (в переводе — епископы), только немногие в народе иудейском имели этот дар, и то не в полноте. Мы же с вами имеем возможность приобщиться к этому дару в полноте, только дары у нас различны: не всем быть епископами, не всем — пресвитерами. Но духовная зрелость требует от

нас, чтобы каждый из малого становился большим ради служения христианского. Вера наша, жизнь наша есть служение. Да будет это обращено в жизнь каждого из нас и от нас — на всю Церковь! Аминь. II. Дорогие братья и сестры! Сегодня мы читали знаменитый отрывок из Книги пророка Иоиля, где он призывает всех чад Божиих радоваться, веселиться и славить имя Господа Бога нашего, потому что Он дивное соделал с нами, и никто из пришедших к Господу не посрамлен. Мы слышали, что наш Господь Бог — единый и истинный Бог. Он посреди нас, а значит, и внутри нас, ибо «посреди нас» означает не только «между нами», но и «внутри каждого из нас», внутри всех нас, в Церкви Своей. Вы, конечно, узнали знаменитые слова пророка Иоиля, которые цитировал апостол Петр в своей проповеди тогда, в день Пятидесятницы в Иерусалиме в 30-м году нашей эры: «Излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и рабынь в те дни изолью от Духа Моего, — говорит Господь, — И покажу знамения на небе и на земле... Солнце превратится во тьму, и луна — в кровь, прежде нежели наступит день Господень. И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется». И будет это спасение и на горе Сионе в Иерусалиме, и у остальных, кого ни призовет Господь. Нет никого на белом свете, дорогие братья и сестры, кого бы не призвал Господь, кого бы не объял Сын Божий на Кресте, раскинув Свои объятия. И послал нам Господь Иисус Христос от Отца исходящего Духа Святого, пророчественного, и каждый из нас может быть причастником Ему. «Будут пророчествовать», — говорит пророк Иоиль. Будут, потому что на всякую плоть изольется Дух Святой. И сегодня мы, особенно те, кто был на крещении новых членов Церкви, чувствуем это приближение Святого пророчественного Духа в сердце нашем, изливание Его. И это для нас тот дар, который будет запечатлен в душах наших и должен дать плод. Только не всегда, к сожалению, мы достойны этого дара. Мы недостаточно ценим его, мы временное в нашей жизни часто ставим выше его. Иногда страсти наши начинают бушевать в нас и побеждают нас, и поэтому не всегда можно сказать о всей Церкви, что соблюдаются заповеди, соблюдаются все уставы Господа. Но, дорогие братья и сестры, получив дар Духа и обновив его, будем стараться сделать все, что повелел Господь, будем стараться все это исполнить, иначе мы окажемся недостойными дара — Дара Святого Духа. Сегодня, когда мы совершали таинство Миропомазания, для всех крещаемых и миропомазанных мы говорили: «Печать Дара Духа Святого». И все вы свидетельствовали, что эта печать не просто поставлена на плоти, на коже тех, которые помазались, — она способна войти в самую душу, в само сердце каждого человека. И вы ощущали благоухание Духа не только физическим обонянием, но и чувством Присутствия Божия. Дорогие братья и сестры, нужно только лишь одно — остаться верным Господу навсегда: приобщившись к вечной Жизни, укрепиться в ней, увидев Дар Духа, не лишиться Его. Пророк Божий открыл нам великую истину, будем же достойными чадами Нового Завета Бога со Своим народом, где нет ни эллина, ни иудея, ни раба, ни свободного, ни мужского пола, ни женского, ни больных, ни здоровых, ни ближних, ни дальних — все объединено единым Духом. Все, что в Боге, — то наше, все дано нам, а мы преданы Богу. Если мы окажемся не верными, не преданными, то лишимся сразу всего. Аминь.

СЛОВО НА ИСПОВЕДИ Братья и сестры! Сегодняшний праздник, и такие дни, как нынешний, учат нас исправлению. Само воспоминание о Сошествии Святого Духа на апостолов требует от нас некоей высоты, глубокого осмысления того, насколько мы еще далеки от подлинной христианской жизни. Мы должны не просто заботиться о тех или иных формальных сторонах нашей жизни или просто традиционных, или, тем более, бытовых, мы должны заботиться о главном — о Даре Духа Святого, который должен постоянно пребывать в нас, с нами и действовать через нас. Братья и сестры, нам с вами необходимо постоянное покаяние для того, чтобы не оказаться грешниками. Грешником называется не тот, кто совершает то или иное согрешение, конечно, нет. Человек может много согрешать в том смысле, в каком говорит апостол Иаков, и быть тем не менее святым. И может быть совсем иначе. Человек может быть

очень порядочным, очень нравиться всем, но быть при этом грешником. Все дело в том, какой путь нам предстоит, какой путь мы избрали, по какому пути идем. «Все мы много согрешаем», но не всех можно назвать грешниками. Увы, не всех можно назвать и праведниками, и безусловно, не всех святыми. И даже такими, какими сегодня мы видели новокрещеных. Их можно было бы назвать святыми в этот день их Крещения, хотя никто еще не совершенен. Вот, братья и сестры, святость Божия — великий дар, великое таинство. Нам в первую очередь нужно думать о том, чтобы путь наш был Божеским, чтобы нашим путем был Сам Христос. Идя по этому пути, невозможно не устать, не споткнуться, но важно, чтобы мы сами не расширяли этот путь, потому что тогда он перестает быть Христовым. Даже если вроде бы направление правильное, должно быть еще некоторое внутреннее свойство этого пути — его узость, необыкновенная узость этого пути. Нам иногда кажется, что узость пути Христова означают неполноту нашей жизни, некую узость духовную или интеллектуальную, или культурную, или еще какую-то. И это глубоко ошибочно. Как раз наоборот: чем уже путь, который ведет к Богу, тем он глубже и полнее, а чем он шире, тем мы дальше от Бога. Мы с вами сделали выбор и желаем жить в соответствии с ним. Только надо прилагать постоянно большое усилие для того, чтобы не сбиться с этого пути, чтобы вера наша была действующей, сильной, энергичной. Нам нельзя расслабляться, поэтому нельзя вдаваться в грехи, в леность, в заботы о завтрашнем дне больше, чем о нынешнем нашем состоянии. Пусть каждый сейчас здесь сам оценит себя в этом свете. Пусть каждый сам услышит голос своей совести перед лицом Христовым. И пусть найдет силы для исповедания, признания своих грехов, для того, чтобы больше не грешить, и для того, чтобы действительно совершилось таинство Покаяния, таинство Исправления духа и жизни. Сейчас я только кратко напомню вам те грехи, которых в первую очередь надо опасаться. Если кто-то из вас будет иметь нужду назвать свои грехи, которые не войдут в этот список, то пожалуйста, вы можете это сделать. Но только помните, это должен быть голос вашей совести, это должно быть ваше некое обещание приложить все силы к тому, чтобы больше этих грехов не совершать. Речь не должна идти просто о немощах ваших. Эти немощи тоже будут сокращаться по мере укрепления в Духе. На исповеди не нужно говорить о ваших немощах и болезнях. Они есть у каждого человека. Хотя немощи и болезни — еще не грех, но иногда они возникают и от грехов или ведут к грехам. Исповедуемся Господу нашему и Спасителю Иисусу Христу, Пречистой Его Матери и всей Церкви святых, живущих и отошедших, в согрешениях наших, которые мы соделали после прошлой исповеди. Мы согрешали против Бога в нашей унынии, в лености, в праздности. Согрешили леностью в молитве, невнимательностью на ней, согрешили тем, что были соблазном для неверующих, которые по нашему недостойному поведению плохо судили о нашей вере. Некоторые из нас, может быть, роптали на Бога за свои скорби, за свою долю в этом брэнном и скоропроходящем мире. Может быть, кто-то сомневается в своей вере по невежеству, потому что не думал достаточно о том, как познать Бога и свою веру. Кто-то забывал благодарить Бога или людей за те милости, которые мы получаем. Прости нас, Господи! Мы согрешили и против наших близких немилосердием, равнодушием к страданиям других. Мы гневались, раздражались, были недостаточно внимательны и в семье, и среди наших друзей и знакомых. Прости нас, Господи! Мы бывали неблагодарны к тем, кто сотворил нам добро, даже к своим родителям. Прости нас, Господи! Неохотно забываем зло, которое причинили нам другие. Не умели прощать, желать исправления тех, кто нас обидел. И сейчас непременно всем нужно дать обет простить всех, кто нас обидел вольно или неволью. И если мы не могли примириться явно или воочию, поговорив как-то, высказать прощение, попросить его, то это непременно надо сделать сейчас в сердце своем, а при первой же возможности — и лично. Согрешаем осуждением других, открытым и тайным. Согрешаем злорадством, вольным или невольным. Удивительным образом радуемся злу, неправде, особенно если это происходит с кем-то, кто нам не слишком приятен. Прости нас, Господи! А иногда печалимся о радости других — человеку хорошо, а мы начинаем завидовать. Прости нас, Господи! Завидуем иногда самым банальным вещам: богатству, одежде, способностям других людей. Прости нас, Господи, когда мы согрешаем во

лжи и всякого рода обмане, в явном или тайном, в прямом или косвенном, не умеем жить честно, хотя бы в ту меру честности, которая нам уже открыта. Прости нас, Господи!Проявляем иногда жестокость к людям, к животным. Согрешаем злословием, сквернословием, азартными играми, другими недостойными вещами. Прости нас, Господи!Прости нас, Господи, за то, что грешим даже против самих себя. Сокращаем нашу здешнюю жизнь своим телесным невоздержанием, телесными грехами, и мыслями, и делами. Прости нас, Господи!Некоторые до сих пор еще способны впадать в пороки пьянства, курения и другие пороки. Прости нас, Господи!Не воздерживаемся в пище. Если мы голодны, иногда готовы все сокрушить на своем пути, добывая себе пищу. Прости нас, Господи!Бываем обжорами, не соблюдаем постов без всяких на то оснований. Прости нас, Господи!Бываем виноваты в дурных мыслях, в нечистом воображении, соблазне по отношению к другим людям. Прости нас, Господи!Мы готовы, играя с каждым, соблазнять других, обманывать других. Мы готовы из всего сделать игру. Прости нас, Господи!Мы готовы постоянно думать только о своих удобствах, о комфорте. Согрешаем в личной гордыне, честолюбии ради того, чтобы кто-то нас похвалил. Мы готовы идти на компромисс снова и снова, а иногда — прямо на неправду. Прости нас, Господи!Выпячиваем себя постоянно и при этом даже готовы другого человека или оклеветать, или принизить. Прости нас, Господи!Многие страдают грехом празднословия. Прости нас, Господи!Согрешили, согрешили мы, каемся и ни в чем не оправдываемся. Сердечно сокрушаемся и милости Божией просим, просим допустить нас к Божественной трапезе, к принятию святых Христовых таинств. Помолимся!

26 МАЯ. ДЕНЬ СВ. ТРОИЦЫ. СЛОВО НА УТрене ПОСЛЕ ЕВАНГЕЛИЯ (ИН 20: 19-23)

Братья и сестры, христиане! Сегодня мы празднуем день Святой Троицы, Святую Пятидесятницу, сошествие Святого Духа на апостолов. На пятидесятый день после Пасхи произошло это событие. Но вот то, что мы сейчас слышали в Евангелии, произошло раньше. Это так называемая малая Пятидесятница. Когда Господь воскрес, в первый же день недели Он пришел к Своим ученикам, дал им нить — преподал в их сердца мир и, дунув, сказал: «Примите Духа Святого». Дальше дал им обетование: «Кому простите грехи, на том простятся, кому оставите, на том останутся». Вот, дорогие братья и сестры, нам с вами на этом необходимо остановиться.Пятидесятница одна, но было очень много того, что готовило эту Пятидесятницу. И вот эта, так называемая малая Пятидесятница, о которой мы сейчас слышали, это тоже подготовка к той великой Пятидесятнице, которую мы еще называем днем рождения Церкви. Поэтому нам с вами важно знать, что власть ключей, о которой здесь сказано, которая дана была апостолам в этом дуновении и в послании Духа Святого, эта власть ключей принадлежит не только апостолам и их преемникам, но и всей Церкви. И очень важно, чтобы мы знали, что всякое духовное дело в Церкви является ответственностью всего народа, всей Церкви. Часто думают, что только священник, действуя от имени епископа, а епископ — от имени апостолов, может пользоваться этой властью. Это так и не совсем так. В нормальном случае, в древней Церкви, люди каялись перед всем духовным собранием. Руководили этим собранием обычно священнослужители — епископы или пресвитеры. Если пресвитеры, то они специально были поставлены на это епископами. И принимались меры в Церкви тоже соборно, и обеспечивалось исполнение этой заповеди всей Церковью.Это очень важно. Если, допустим, кто-то отлучается от Церкви, получая епитимию, то все заботились о том, чтобы человек исправился, чтобы он не был просто отлученным. Все думали о том, как помочь человеку исправиться, старались помочь ему осознать свой грех. Ведь бывает иногда так, что человек не видит своих грехов. Ему сказано, что он отлучен от Церкви, а он не хочет этого признавать. Ему кажется, что это неверно, что это неправильно. И вот Церковь в данном случае очень много значит. Вы знаете, что отлученные от Церкви люди обычно проходили несколько ступеней покаяния. Сначала они стояли не в притворе, а на улице и просили прощения у всех входящих в храм. Потом их переводили в притвор, и они могли стоять в притворе. Если их покаяние принималось, то они могли быть допущены в храм и выходили из

него вместе с оглашаемыми. Была даже такая ступень покаяния, когда им было разрешено стоять в храме всю литургию, но не причащаться. Вот так была разработана дисциплина в Церкви для того, чтобы помочь человеку исправиться. Ведь в древности Церковь всегда смотрела за тем, чтобы в ней не было нечистого, чуждого духа. Вот и мы с вами сейчас слышали: Господь дунул и сказал не просто: «Примите духа какого-то». Он сказал: «Примите Духа Святого». И поэтому важно не только, чтобы человек был воодушевлен, важно, чтобы это воодушевление было от Бога. И мы все являемся как бы хранителями этого единства Духа в Церкви Христовой. Если же в Церкви появляется иной дух, чуждый дух, то Церковь не может не реагировать на это. Есть, конечно, такие моменты, когда в храм может войти любой человек. Но есть моменты, когда никто не может быть в храме, кроме полных членов Церкви. Есть и другие моменты. Этот порядок в Церкви имеет большое значение, и не только потому, что Церковь должна быть образцом правды, праведности. В Новом Завете даже не это самое главное, хотя это и очень важно. Самое главное — это единство Духа. И мы должны хранить именно этот Дух как величайший дар, величайшую благодать. Господь Своим ученикам дал этот дар Святого Духа и повелел пользоваться этим даром. Вот так и мы с вами вместе будем стараться этот дар не терять и будем им пользоваться, вместе, соборно, помня, что мы отдельно никогда сами о себе свидетельствовать не можем. Свидетельство о себе не истинно. Свидетельство же совести нашей должно соединиться, объединиться со свидетельством всей Церкви. Только когда есть такое свидетельство, тогда мы свидетели, свидетели и хранители дара Святого Духа. Братья и сестры, об этом мы часто, к сожалению, забываем. И поэтому иногда можно услышать от кого-то: «А кто знает, это человек вообще верующий или неверующий? А кто может вообще такое сказать? А кто может судить?» Вот в этом глубочайшая неправда. В этом — отказ от свидетельства Духа, поэтому если вы такое услышите, вспомните о том, о чем мы сейчас говорили, вспомните о том даре Духа Святого, который Господь дал Своей Церкви. Будем стремиться иметь этот дар, иметь его и сохранять. Будем также стремиться к полноте этого дара, к тому, чтобы дары Духа Святого проявлялись в служении нашем, во всей жизни нашей. Аминь.

СЛОВО НА ЛИТУРГИИ ПОСЛЕ ЕВАНГЕЛИЯ (ИН 7: 37-52; 8: 1-2) Дорогие братья и сестры! Господь наш Иисус Христос говорил: «Я свет миру». Он предупреждал о том, что этот свет не только будет воспринят нами, но станет струиться из каждого из нас, подобно той воде великой, которая потечет в Жизнь вечную как бы из чрева каждого человека. «Кто верует в Меня, — сказал Господь, — у того из чрева потекут реки воды живой». «Кто жаждет, иди ко Мне и пей», наполняясь этой водой живой, этим духом, этим светом. А этот свет есть тот Дух, который воспринимает Церковь Христова, которым она всегда живет. Церковь живет не внешним богатством, не культурным наследием, не умственными рассуждениями, она живет Духом Святым, этой живою водою. Конечно, все это плодотворно, и все это находит выражение во всей нашей жизни. А если не плодотворно, и не находит такого выражения, то значит или дух слаб, или его вовсе нет. Братья и сестры, Господь провещевал о Духе, который должен быть принят всеми верующими в Него. Господь открывал эту истину для того, чтобы мы ее познали сердцем своим, чтобы жажда духа, нищета духовная не проходила в нас, пока мы живем на земле. Братья и сестры, Господь сказал: «Я свет жизни». А древние христиане говорили: «Мы — духоносцы, христоносцы, богоносцы». Значит, так же по причастности к Христу и во Христе Отцу нашему Небесному, силою Духа Святого мы имеем дерзновение быть чадами Божиими, мы имеем дерзновение сказать, что всякий, находящийся в Духе Божьем, тоже просвещает мир, и он тоже свет миру. Дай Бог не говорить нам всегда об этом лишь в третьем лице. Дай Бог, чтобы Церковь Святая Христова всегда могла сказать о себе в полном ее составе: «Я свет миру!» Аминь.

СЛОВО ПОСЛЕ ЛИТУРГИИ Братья и сестры, христиане! Мы сегодня уже целый день празднуем этот великий праздник — Святую Пятидесятницу, когда произошло великое

излияние Духа Святого, когда родилась Церковь Христова, когда наступила эра не частичного облагодатствования народа Божьего, а спасительной веры христианской. Мы с вами помним, что сошествие Святого Духа на апостолов стало Откровением Святой Троицы, и не случайно этот день носит три названия: Святая Пятидесятница, день Сошествия Святого Духа на апостолов и день Святой Троицы. Это совершенно не случайно. Когда, после сошествия Святого Духа на апостолов, апостол Петр с великим дерзновением стал проповедовать в силе Духа воскресшего Господа, люди уверовавшие, открывшие свои сердца Господу, почувствовали дыхание Святого Духа. Они спрашивали апостола Петра: «Что нам делать?» Апостол Петр сказал им: «Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа». Одной фразой здесь выражено все — и вера от Отца нашего Небесного, и откровение о Нем и о том, что прийти к Нему можно лишь через покаяние, через обращение, и вера в Господа нашего Иисуса Христа, в Которого надо каждому креститься, погрузиться, чтобы воспринять Его великий крестный подвиг, чтобы понести свой крест, чтобы этот крест стал радостнотворным и спасительным. «И получите дар Святого Духа», — говорит апостол Петр. Значит, это покаяние и это крещение нужны нам для того, чтобы получить этот дар. Вот и выходит, что Отец, Сын и Святой Дух являются в единстве Своего действия, в единстве Своего существа. Вот, дорогие братья и сестры, поэтому это единственный в нашей Церкви как бы догматический праздник, но праздник не умственной натуры, а праздник радости откровения Божьего. Братья и сестры, когда вчера завершалось Крещение, а сегодня — таинство Благодарения, мы тоже чувствовали, что в этом Покаянии и в этом Крещении изливается благодать Святого Духа. И дар Святого Духа чувствовался, он был почти зрим, насколько можно говорить так о дарах Божьих в таких сферах. И вот, этот день, и завтрашний день, и последующие дни — дни дара Святого Духа. Завтра память Святого Духа, Святой Дух как бы именинник, как Церковь именинница сегодня, как земля именинница во все эти дни. И мы с вами тоже именинники, если мы имеем этот дар. А я верю, что нет здесь никого, кто не приобщился бы к этому дару. И дай вам Бог быть носителями Света духовного во Христе. Аминь.

СЛОВО НА ВЕЧЕРНЕ Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Мы с вами — люди Нового Завета и надеемся жить достойно этого звания. Единственным критерием этого достоинства с нашей стороны может быть лишь решимость и дерзновение. А со стороны Божьей — ниспослание благодати, дара Любви в сердца наши. Если мы не причастники Божественного естества, то мы еще не живем в Новом Завете. Конечно, братья и сестры, мы знаем, что мы далеки от совершенства. Мы все очень хорошо знаем, что совершенство, к которому призывал нас Господь наш Иисус Христос, дается большим жизненным подвигом. Не будем никогда опускать руки, но всегда будем устремлять свой дух, свое сердце, свою душу, самих себя, всех себя к Богу. Сейчас, когда мы читали коленопреклонные молитвы, нельзя было не вспомнить о том, что вот уже начинает появляться то сияние Фавора, которое дается нам раз в жизни для того, чтобы потом мы не забывали, что гора Преображения существует, чтобы мы шли к ней, вспоминая то, что было у нас прежде, в нашем подвиге. Сейчас уже все, даже новокрещенные, новопросвещенные наши братья и сестры, не должны забывать о духовном трезвении, потому что хотя впереди еще вся Светлая седмица, уже сейчас надо решиться жить не от мира сего, но не забывать, что мы живем в мире сем. Об этом напомнили нам сегодня эти молитвы, которые мы совершали коленопреклоненно. Мы благодарили Бога, но мы знаем, что борьба света и тьмы не завершилась не только вокруг нас, но и внутри, и еще много надо будет ломать копий в этой борьбе. Да даст Господь всем нам и шлем спасения, и всякое духовное оружие, чтобы никто никогда не отошел от этой борьбы, не сдался врагу. Будем надеяться, что с Божией помощью в Церкви Святой никто никогда не будет потерян. А для этого нужна также взаимоподдержка, единство всех нас, единство и внешнее, и внутреннее. Когда человек начинает бороться с какими-то духовными или иными врагами, он часто снижает требования к себе, в смысле средств достижения своих целей,

только оттого, что не чувствует поддержки своих братьев и сестер. Мы должны помнить, что в Церкви Святой мы — единая семья, а Церковь Святая — это не только храм, это — все и везде, где Христос, где благодать, где вера. Поэтому будем делать из этого выводы уже сейчас, в эти праздничные дни. Храни вас всех Господь!

27 МАЯ. ДЕНЬ СВ. ДУХА. СЛОВО НА ЛИТУРГИИ ПОСЛЕ ЕВАНГЕЛИЯ (МФ 18: 10-20)

Братья и сестры, христиане! Вы слышали сейчас знаменитую 18 главу Евангелия от Матфея. Вы, наверное, обращали внимание на то, что в Евангелии почти ничего не говорится о Церкви, о ней говорится чрезвычайно мало, чаще всего о ветхозаветной Церкви или о храме. Впрочем, в Евангелии нет и неясной терминологии. Церковь в первую очередь означает народ, а храм есть храм. И 18 глава Евангелия от Матфея — это, пожалуй, самое серьезное поучение о Церкви. Было бы невозможно думать, что Господь не видел будущего Своей общины. Он прозревал его: Церковь останется Церковью, только обновится и исполнится. И если вам кто-нибудь скажет, что о Церкви в Евангелии ничего не говорится, откройте эту 18 главу. Откройте и прочтите вот эти слова: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». И можно дальше развивать эту мысль, обратившись к предыдущему стиху: «Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного». Что это значит? Конечно, здесь числа имеют некий смысл. Никогда не надо думать, что в словах о Церкви речь идет о двух или трех физических, статистических единицах. Здесь двое или трое — это вся Церковь. Это могут быть миллиарды людей, хотя могут быть и единицы — именно двое, трое. Мы только должны понимать, что чем меньше людей, тем Церкви явить себя труднее. Как трудно Церкви явить себя в своей полноте, если есть только двое или трое! Всю полноту даров, всю полноту присутствия Божьего как нести двоим, троим, когда сто, двести, триста человек бывают не собраны единодушно? Иногда не просто двести-триста — тысячи, миллионы не вмещают Церковь. Господь говорит о двоих-троих, имея в виду их единодушие, качество собрания, а не статистическую оценку. Вот, братья и сестры, каков смысл этих чисел. Весь этот отрывок (всего два абзаца!) имеет огромное значение и целиком. Посмотрите, вначале Господь говорит о том, что не надо презирать никого, в том числе никого из малых сих. Это значит — никого из нас с вами. Ведь мы, как вы знаете, малая сила перед Богом, и Господь говорит, что никого не надо презирать, даже людей самых простых, ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее. Вот и нас Он пришел взыскать и спасти тоже. Он пришел — мы откликнулись, и получаем во Христе спасение. Дальше Господь рассказывает знаменитую притчу о единой заблудившейся овце, которая Отцу Небесному бывает дороже девяноста девяти незаблудившихся. Это тоже нам с вами важно. Нет воли Отца нашего Небесного на то, чтобы погиб хоть кто-нибудь, чтобы остался вне спасения хоть кто-нибудь, хоть самый-самый простой человек. К сожалению, в последние века в церкви часто забывали об этих словах. Многим людям была совершенно безразлична судьба тех, кто рядом, и не только в домах, селах, городах, но даже в храме. Сейчас почти везде люди стоят в храме, не чувствуя никакой ответственности за тех, кто еще пришел к Богу помолиться. Это не означает, что нужно набрасываться на каждого с расспросами, беседами или еще с какими-нибудь предложениями, но это значит, что нужно чувствовать эту ответственность, и сама жизнь подскажет нам, как ее проявить в случае нужды. Эта ответственность должна быть внутри нас. Будем помнить об этом. Мне многожды приходилось видеть в храмах, как люди, которые ходили годами, многими годами в храм, люди, которые стояли рядом, так и не завязывали никаких отношений внутренне. Человек мог ходить-ходить в храм, потом пропасть, даже уйти из Церкви, и никто никогда не интересовался тем, куда ушел человек, который долго вместе с тобой ходил в храм, молился, иногда причащался. И мне кажется, что это великая беда наша, что мы этим не интересуемся, мы часто и не знаем, как это сделать. Некоторые даже считают, что и не нужно обращать внимания на ближнего в храме, что это отвлекает, что это рассеивает. Представьте себе, до чего мы дошли! Любовь, ответственность, исполнение слова Божьего стало восприниматься

чуть ли не как грех. Потому что свою внешнюю собранность, свое душевное состояние мы ценим часто выше ближнего и, таким образом, выше Бога и слова Христова. Дальше Господь учит нас, как быть, если человек совершает зло ближним, согрешает против тебя, против тебя лично. Ясно, что никакой христианин никогда не должен обижаться. Вполне очевидно, что всякая обида есть поражение в духовной жизни христианина. Но как же быть? Господь говорит: «Пойди и обличи его», т.е. пойди, открой ему глаза на его грех, но сделай это тактично, тонко, так, чтобы не обидеть человека. Однако он может и не поверить, считая тебя, так сказать, стороной заинтересованной, не беспристрастной. Тогда нужны свидетели того, что ты беспристрастен, но в то же время такие свидетели, которые бы не оглашали все подряд. Мало ли в чем человек согрешил! Если покается он, то исправится. Совсем не нужно, чтобы об этом говорили по всем закоулкам и углам. Но если человек не послушается свидетелей, тогда скажи всему собранию, всей церкви. И уже голос церкви будет окончательным. И если человек не послушается голоса церкви, то он станет как бы «внешним» (язычником). Это значит, что он не послушался голоса Божьего и недостоин быть в Церкви. Ведь «где двое или трое» собраны во имя Господа нашего, там и Он посреди них. Поэтому не послушать церковь, не послушать духовное собрание, если оно в духе, в святости, в чистоте, значит, не послушаться голоса Божьего. Тогда, естественно, этот человек — язычник, и не потому, что его объявили язычником, а потому, что он явил себя таковым, не желая быть носителем Духа Христова. Вот это очень важно правильно понять. С одной стороны, здесь есть удивительная сокровенность — в этом процессе исправления человека, а с другой стороны, — открытость к Богу, к Церкви, к ближним. И дальше Господь говорит: «Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе». Вот те самые слова, которые связаны с Пятидесятницей. Эта передача «власти ключей» все время как бы повторяется. Эти слова были связаны и с малой Пятидесятницей, как вы помните. Относятся они и ко всей Церкви, и после апостолов — к их преемникам (в наших условиях это — священноначалие, т.е. епископы и пресвитеры). Церковь, с одной стороны, устанавливает соборность, которая не исключает никого из членов Церкви, а с другой стороны, никогда не поддерживает уравниловки. В церковном собрании нет равенства. Точнее есть равенство, но иного рода — через единство в духе. Служения же в церкви различны, и таким образом, духовный опыт, и духовная ответственность в церкви тоже различны. Поэтому как бы вес одного и вес другого христианина в ней совсем не равны. Это тоже нам с вами надо на всю жизнь запомнить. Конечно, это неравенство не всегда связано с видимыми знаками различия. Да, бывает связано, и в нормальном случае это так, ведь ясно, что епископ или пресвитер — старшие в общине. Но бывает и так, особенно в наше время, что избрание священнослужителя может быть своевольно или случайно и что пресвитер или епископ — в действительности не старшие в общине, и тогда среди вышестоящих оказываются духовно не более мудрые, духовно не более просвещенные и сильные духом люди. Поэтому вы не должны смущаться, если встретите какого-то недостойного священнослужителя. Таинства все равно будут, если только священнослужитель совершает их правильно, но уже не в силу его личной молитвы, а по молитве церкви, потому что если он недостоин, то найдется в церковном собрании, даже где двое или трое собраны всего, такой человек, который возведет эту молитву на Небеса. Вот почему церковное служение, особенно таинства, запрещено священнику совершать в одиночку. Если бы мне надо было сегодня совершать литургию, а никто бы из вас не пришел, я бы не имел права ее совершать. У нас многие думают, что священник — сам по себе, что он может все делать независимо от народа. Да, народ ничего не может делать без своего настоятеля, но и настоятель ничего не может делать без своего народа. Имейте это в виду, дорогие братья и сестры. Таким образом, в Церкви устанавливается великое равенство и великое неравенство. И апостол Павел говорит, что всем надо бежать, как бегут бегуны, чтобы получить награду. Один, говорит он, получает ее, т.е. побеждает. Впереди всегда кто-то один. Каждый из нас должен постоянно стремиться к такой награде. Это то единственное соревнование, которое не разрушает единства Церкви, потому что это знак ревности о Боге, о дарах и плодах Духа, о

которых вы сегодня слышали в посланиях (Еф 5: 9-19). Помните, плод духовный состоит во всякой благодати, правде и истине. Вот, дорогие братья и сестры, Господь раскрыл нам величайшую истину. Мы должны уметь разбираться в том, что такое Церковь Христова и как это знание реализовать в нашей жизни. У нас с вами сейчас, к сожалению, пока не может быть таких общих собраний, хотя бы не чаще одного раза в год, когда все собралось бы, подумали, помолились не только евхаристически, не только за теми богослужениями, которые регулярно проходят, но и о каждом члене общины, когда мы могли бы поговорить о каждом из нас. Это происходит от того, что община не знает своих границ. И мы не знаем иногда, к какой общине принадлежим. А это важно. Можно быть как бы в гостях у любой другой общины, можно быть часто в разных храмах — пожалуйста, но членами мы должны быть только одной общины. А в древности было даже так: человек, уходя из одной общины, обязательно получал от настоятеля, епископа или пресвитера, письмо, потому что в любом другом храме человека никогда бы не допустили к причастию без такого письма, где сказано, что он является членом другой общины и что ему не запрещено причащаться. А бывает и так, дорогие братья и сестры, и у нас, к сожалению, за несколько месяцев служения такое было, когда человека отлучили от причастия за смертные грехи со смягчающими обстоятельствами, а он спокойно шел себе из одного храма в другой и причащался. И что тогда получается? Получается, что человек, который не является полным членом Церкви, причащается. А это почти то же самое, что причастится человек некрещеный или даже неверующий в Бога. Как после этого должна чувствовать себя церковь, имея в себе чуждый дух перед лицом Божиим. И самое странное, оказывается, что эти люди чаще всего даже не знают, что им запрещено так причащаться, что если их отлучили от Церкви, то происходит полное отлучение от причастия. Они думают, что в другом храме этот запрет не действует, или будто вот здесь Церковь одна, а там — совсем другая. Люди совершенно не понимают этих вещей. Дорогие братья и сестры, нам с вами нужно это знать, но не для того, чтобы всю жизнь кого-то держать в притворе или дальше — на паперти, а для того, чтобы согрешающего — не против кого-то лично, а против Церкви Христовой — исправлять духом. И это надо делать ответственно, надо уметь это делать, потому что человек, к сожалению, бывает агрессивен и способен на провокации, чему мы были свидетелями совсем недавно в нашем храме. И оказывается, мы с вами бываем вовсе не готовы к тому, чтобы адекватно отреагировать. Мы не знаем, что в таком случае делать. А это надо знать. Господь нас учит, учит тому, чтобы мы не оставляли ни одного из малых сих, в том числе людей больных, людей, еще много не понимающих, согрешающих и каких-либо еще. Но это совсем не значит, что мы должны уравнивать всех и вся, что не должны реагировать на грехи. Иначе происходят страшные вещи. Иногда бывает так, что даже пресвитеры и священнослужители оказываются людьми недостойными, и становится известно, что кто-то из них, например, прелюбодействует, пьянствует или что-то еще, т.е. становятся известны грехи, за которые человек должен быть извержен, отвержен от священнослужения. Но этого не происходит, потому что церковного суда давным-давно в церкви нет, хотя юридически, формально, он есть. Так вот, не то странно, что все-таки совершаются таинства (я уже говорил об этом), а вопрос в том, как действует присутствие непощенного Богом и Церковью грешника на литургию верных. И это вопрос совести каждого из нас и ответственности каждого из нас за ближнего. Будем же учиться, дорогие братья и сестры, церковной жизни, ибо то, о чем я сейчас вам сказал, есть основы ее, которые, к сожалению, фактически нигде не исполняются. Будем истинными учениками Господними. Это значит будем учиться, учиться у Господа. И учиться вместе. Как многие из вас, большинство, учились вместе во время оглашения, точно так же нужно и дальше учиться вместе. Ведь помните, как кончается Евангелие от Матфея? «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам». Сейчас вы крестились, воцерковились, а дальше что нужно делать? Что? Дальше каждый идет кто куда хочет? Да, никто никого не будет держать насильно, но Господь повелел учиться соблюдать все, что Он заповедал нам. И это уже не будет научение, это будет учение, подобное школьному учению. У нас такие возможности есть. У нас есть такая школа, где этому

учат, и вам могут открыться двери ее. Надо знать, что это учение — не просто дело нашего произвола (хочу — буду учиться, не хочу — не буду), а дело исполнения заповеди Христовой, которая всем нам необходима. Вот, братья и сестры, я необыкновенно рад, что на первый день вашей Светлой седмицы приходится чтение этого замечательного текста из Евангелия. Пусть он работает немного на перспективу, но начинать думать обо всем этом нужно уже сейчас. И да поможет нам Господь! Аминь.

: Оливье Клеман

Проповедь

: Игумен Игнатий (Крекшин)

Проповедь

Священник Георгий Кочетков: Афанасьевские чтения. Вера вне Церкви и проблема воцерковления

Богословие и философия

КАК ИЗВЕСТНО, вся вторая часть докторской диссертации о. Николая Афанасьева, недописанная и в большой степени еще неопубликованная, была посвящена проблеме границ Церкви. Некоторые главы были опубликованы, некоторые не опубликованы, но существуют, а некоторые остались, к сожалению, только где-то в сердце и в уме о. Николая. Но проблема, связанная с этой тематикой, остается очень острой и, более того, становится все острее и острее в наше время.

Вопрос о границах Церкви требуется обсуждать, решать, и делать это очень серьезно, всей полнотой соборного церковного разума. Здесь наследие о. Николая, безусловно, имеет преимущество, и им уже пользовались, и, слава Богу, плодотворно, другие богословы. Можно говорить об о. Николае как о родоначальнике новой эклезиологической традиции в Церкви. И не только православной, а общехристианской, потому что ведь наверняка можно говорить о каком-то положительном влиянии эклезиологии о. Николая и на католиков, и на серьезные протестантские церкви. Ныне прямо или косвенно и через митрополита Иоанна (Зизиуласа) происходит развитие той же традиции.

Проблемы, связанные с границами Церкви, встают часто и в России. Самым обычным побуждением для этого у нас является проблема разделения христианских церквей. Как богословски объяснить, что хотя мы не одна церковь и у нас нет евхаристического общения, мы тем не менее — братья и сестры во Христе? Мы же всерьез говорим, что мы — братья и сестры во Христе и с католиками, и протестантами. Мы говорим это не ради культурной привычки или невысокой по качеству лести, нет, мы всерьез говорим об этом. И за этим стоит очень глубокое христианское духовное переживание. Тем не менее мы всегда вынуждены как-то себе объяснять, почему братья и сестры во Христе не имеют единого евхаристического собрания. Как это может быть, если Церковь есть Литургия, Евхаристия? Это один из основных

постулатов евхаристической эkkлезиологии. Здесь есть явное противоречие, и разрешиться оно сможет всерьез только тогда, когда мы задумаемся о границах Церкви.

Церковь одна. Это догматическое положение. Нет двух, трех, десяти церквей. Все люди на земле хорошие, но Церковь одна. И она имеет, к сожалению, свои границы. Хотелось бы, чтобы границ у Церкви не было. Но тогда нужно будет выйти из этого мира. Тогда надо будет жить уже только в Царстве Божием. Ну а пока этого нет, нам приходится говорить о границах Церкви, потому что есть зло, есть грех, и слишком ясно, что никакое зло само по себе, грех сам по себе Царства Божьего не наследуют. Бог зла не творит, и в Царстве Божием зла и греха нет.

Вопрос о границах Церкви – древний вопрос. Им занимались святые отцы. Так или иначе он выражен в канонах, которые так хорошо не только знал, но и умел понимать и толковать о. Николай. Но иногда мы встречаемся с еще более трагическим явлением, когда нам приходится видеть представителей христианской веры вне церкви. Уже не просто вне, скажем, Православной церкви (вот, есть православные, а вот есть неправославные, но все-таки христиане, всерьез христиане). Оказывается, может быть нечто иное. И мы это знаем. Здесь проблем еще больше. Но разрешение их также лежит в сфере выяснения границ Церкви и, значит, прежде всего понимания того, что такое Церковь, от чего она отличается, чему противопоставляется и т.д. Мы произносим слово «церковь» и очень часто имеем в виду разные вещи, и это тоже не случайно.

Итак, я хотел бы посвятить свой доклад именно этой теме – «Вера вне церкви и проблема воцерковления».

Ни для кого не секрет, что как проповедовать христианство в его чистоте и полноте, так и жить по-христиански в наше время труднее, чем прежде. Это «прежде» может относиться и к первым, и к последним векам двухтысячелетней истории христианской Церкви. В течение этой истории есть не только тайна, но и противоречивые тенденции, и некоторые из них ведут церковь к «самоотторжению», к тому, что церковная жизнь рождается и развивается как бы вне самой церкви.

В наше время эти тенденции столь сильны и многим очевидны, что нередко христиане уже не видят проблемы в явлении их веры вне церкви, особенно когда речь идет о людях интеллигентных или «занимающихся делом», занимающих высокие посты в обществе и т. д. И это не только «криптохристианство» но и целая сфера мировой жизни, получившая название «анонимное христианство».

Итак, постараемся остановиться на этом явлении, смотря на него глазами веры и церковной православной традиции.

Здесь нам прежде всего надо вспомнить фундаментальное христианское антропологическое положение, утверждающее, что каждый человек, поскольку он вправе носить это имя, имеет вписанный в него образ Божий, т. е. является живой иконой Бога, и если это так, то он несет в себе и дух веры. Это значит, что все люди? так или иначе верующие, обладающие даром духовной открытости. Без этого человек не существует, он лишен своей экзистенции.

Что такое эта духовная открытость? Это открытость к Богу, к людям, к миру, даже к себе. Она может быть истинной и праведной, но и тогда она часто существует в человеке еще лишь потенциально. Она может быть и не вполне истинной и праведной или даже вполне неистинной и неправедной, и такая открытость в человеке существует актуально, если потенция правой и истинной веры в нем еще не раскрыта.

Итак, все люди – верующие, но говоря о вере в церкви или вне ее, еще необходимо задаться вопросами: а каковы в отношении Истины та вера и та церковь, о которых в каждом данном случае идет речь?

И действительно, если мы имеем дело с неистинной верой вне истинной, мистической Церкви, то здесь все ясно. Здесь нет никаких проблем, ибо в истинной Церкви и не должно, да и не может быть места неистинной вере. Если и нужно в таких случаях о чем-то заботиться, то только о проповеди истинной веры не имеющему ее в своей жизни с целью выявить, актуализировать в человеке его потенцию открытости к истинному Богу и человеку, сделать этого человека восприимчивым к дару Божьей Истины как Божьего Духа и Божьей Силы (благодати).

Далее, также нет проблем тогда, когда мы имеем дело с истинной верой и истинной, мистической Церковью как истинным Телом Христовым, как единым богочеловеческим организмом, включающим в себя всякую на земле истину, как бы и когда она ни открывалась. Ясно, что истинная вера не может быть вне такой Церкви, иначе это противоречие в терминах и абсурд.

Другое дело, когда мы будем думать о соотношении истинной или неистинной веры с церковью канонической и мистериальной, с церковью правильной (право-славной). Всем ведь понятна разница между правильным (в первую очередь обрядовым и каноническим) и истинным, как и между мистическим (тайным, т. е. соотношенным с Тайной Бога и Его Тайнами, такими, как вечные в Полноте Любовь, Свобода, Свет, Мир, Жизнь, Истина, Дух, Слово и Отечество) и мистериальным (таинственным, соотношенным с таинствами через таинстводействия церкви), т. е. между Церковью с большой и церковью с малой буквы, между духовно-экзистенциальным в ней и ее объективированной идеальной, онтологической, исторической и институциональной жизнью.

В случае обретения вне канонических границ церкви неистинной веры мы вряд ли будем этому удивляться. Это нормальное положение, ибо канонические церковные границы, собственно говоря, и существуют, в частности для того, чтобы оградить членов церкви от насилующего влияния духа всякой неистинной веры. Здесь, как и в первом рассмотренном нами случае, не должно бы быть каких-либо проблем, кроме миссионерских. Правда, в жизни нередко эти проблемы все же возникают, но только обратного свойства. Имеется в виду проблема освобождения членов самой канонической церкви от различных элементов неистинной веры, особенно от суеверий, религиозного синкретизма, элементов магии и самой основы духовных заблуждений в вере – духовного невежества, законничества и обскурантизма. Только это освобождение не надо путать с той задачей откровения искусственных (искусных) в вере, которая стоит перед церковью через соревнование разномыслящих в ней. Как сказано в Священном писании св. апостолом Павлом, «Надлежит быть и разномыслиям между вами (дословно – ересям), дабы открылись между вами искусные» (1 Кор 11:19).

И вот теперь перейдем к самому сейчас для нас главному моменту: подумаем о явлении вне канонических границ церкви веры истинной. Это – настоящая и старая проблема общей духовной и церковной жизни. Даже не старая, а буквально древняя, ибо еще почти с апостольских времен заметно разошлись границы Церкви с большой и церкви с малой буквы, так что если вне истинной Церкви нет истинной веры, а вне канонической, «правильной» церкви она появляется, то это – прямое свидетельство такого расхождения границ и наступления опасности утраты в канонической церкви полноты даже потенциальной церковности.

С течением исторического времени несовпадение границ церкви истинной и канонической

прогрессировало, заходя все далее и далее, вплоть до появления феноменов и ноуменов открытого атеизма, неверия в рамках церкви канонической (вспомним, к примеру, последних отпетых генсеков, которых отпевали только на том основании, что они были крещеными) и признаваемой многими христианами настоящей личной святости вне их, но в границах Церкви мистической (от Франциска Ассизского до Д. Бонхеффера и А. Швейцера, может быть, даже Махатмы Ганди). Хотя о первых еще когда-то при апостолах было сказано св. апостолом Иоанном: «Они вышли от нас, но не были наши». А о вторых писал уже апостол Павел в Послании к римлянам, говоря о возможности спасения тех, кто действительно живет по закону совести, хотя и не знает прямо богоявленного закона, или, выражаясь словами одной известной современной формулы, тех, кто жил в «непреодолимом неведении Истины». Вы знаете эту католическую формулу, очень, на мой взгляд, удачную.

Каковы главные причины этого явления? С одной стороны, они в самой канонической церкви, которая, много заботясь о теоретическом определении и признании своих границ, при этом все более допускала в себя де-факто неистинно верующих.

Особенно стало это очевидно при наступлении и торжестве константиновской (точнее, юстиниановской) симфонии церкви и государства, которая привела к упадку церковного катехумената (в VI в. прекратилось церковное научение всех взрослых членов церкви, а в XI в. – и детей) и к оставлению личной ответственности церковной иерархии за всех членов церкви, и на сменивших общину «приходах», и в необозримых диоцезах – «епархиях».

Так постепенно церковь перестала заботиться и ревновать о дарах духовных, в том числе и о различении духов, и все более стала различать только формы и формулы, ревнуя и заботясь о их правильности и законности, зачастую лишь к ним сводя все право-славие и право-верие. Оттого поныне для многих православных христиан оказался безнадежно потерян смысл вопросов:

кто есть полный член церкви, т. е. верный? кто воцерковлен в ней, а кто нет? кто в ней свят? кто спасен по вере, в надежде и любви? Потеряна сама возможность ответов на эти вопросы применительно к церкви воинствующей, кроме одного, бездуховного и трусливого и потому здесь неуместного: «А что ты судишь? Не судите...»

Умножение числа неистинно верующих в видимой церковной ограде, их безбедное существование в ней, привели, конечно, к падению авторитета церкви в глазах людей, которые, хотя и рождались часто в христианском обществе и государстве, как бы перед лицом церкви, но не рождались еще христианами, тех, кому еще нужно было ими стать. И не всегда конечный выбор людей падал на церковь. Так церковь сама стала отталкивать людей, искавших истинную веру и желавших не просто говорить, а жить по ней. Особенно часто такое отталкивание происходило в отношении тех людей, чьи вера и жизнь по каким-то причинам выражались в непохожих на привычные для большинства в церкви формах и формулах и, тем более, строились на них. Тому же взаимоотталкиванию нередко служила и излишняя жесткость канонических, а то и государственных границ церкви при ясной для всех интуиции, что Церковь истинная как живое Тело живого Христа не имеет жестких и, тем более, жестоких границ.

С другой стороны, причины раздвоения церковных границ могут быть найдены и вне единой мистериальной церкви. Так, если только внутри христианства существует множество церквей, каждая из которых сохраняет в себе большее или меньшее число элементов истинного церковного писания и предания, то совершенно ясно, что все они могут притягивать к себе людей, ищущих Истину, и доводить этих людей до спасения во Христе, не доводя их до единственно канонической церкви.

Кроме того, существует мощная и автономная от церкви христианская культура, которая давно стала и остается главной частью общечеловеческой культуры. Она также способна быть свидетелем Истины, причем везде и всем, иногда приводя к Богу, но не всегда еще в церковь.

Наконец, существует само дыхание Духа Божьего, способное привести человека к Истине без чьего-либо посредства. К Истине ? значит всегда в Церковь истинную, но, увы, не всегда каноническую.

Так, благодаря существованию во всех образа Божьего совесть каждого может открыться Богу в христианскую эру по-христиански. Христос и ныне стучится в каждое сердце по-Своему. Он приводит нас к Себе и истинной вере Своими мистическими путями, делая нас членами Своего мистического Тела. Обнаружить же в жизни и принять верою наиболее соответствующую Ему правильную церковь человеку по разным причинам бывает нелегко.

Таким образом, существует очень много оснований для рождения воспринятой отчасти, а иногда и в целом истинной веры вне канонических и мистериальных границ церкви. К тому же, не забудем, что, родившись не как законная дочь Церкви, эта вера, будучи истинной, дает и свои истинные плоды, часто существующие также вне границ законной, правильной церкви и рождающие целую традицию ? внецерковную традицию истинной веры. Эта традиция может находиться в сложных, даже противоречивых отношениях с церковью, актуализирующей свою часть традиции истинной веры. С одной стороны, это могут быть отношения притяжения и искренней симпатии, что связано с тем, что церковь с малой буквы генетически неразрывно связана с Церковью с большой буквы. С другой стороны, это могут быть отношения отталкивания и внешнего или внутреннего напряжения, связанного с взаимным недоверием. Недоверие это действительно, как правило, бывает взаимным. Церковная традиция не доверяет нецерковной как живущей видимым, внешним образом вне ее, а носители традиции истинной веры вне канонических границ церкви не доверяют этой церкви как тем же видимым образом допускающей в себя неистинную веру и жизнь, соответствующую ей.

Недоверие к канонически правильной церкви увеличивается еще и потому, что исходит оно от наследников традиции, давно приспособившихся к жизни вне такой церкви и боящихся ее призывов к полному воцерковлению как опасности духовного насилия, ограничения внешней и внутренней свободы или просто нежелательного, с обычной точки зрения, снижения духовного, в том числе творческого, индивидуального, а часто и душевного или внешнего многообразия.

Впрочем, подчас эти опасения не лишены определенного основания. Ведь часто под процессом воцерковления, т. е. вхождения в Церковь, подразумевается не столько Церковь с большой буквы, сколько церковь с малой, где часто действительно есть место насилию, усреднению, ограничению свободы и зажиму творчества и многообразия форм и формул жизни, где есть давление мертвых и неистинных членов, где есть страдание от лжебратий (как здесь не вспомнить жалобы на это еще со времен апостола Павла, не говоря уже о временах позднейших!) и от созданных в церкви с их главным участием лжетрадиций.

Итак, вера вне церкви существует, и перед нами в связи с этим встает новым образом понятая задача «прийти в единство веры». Это есть самый трудный в наше время и в наших условиях жизни аспект проблемы и процесса воцерковления.

Что же в этом случае нам, уже внешне церковным, оцерковленным и воцерковленным людям следует знать, понимать и делать?

Во-первых, нам надо, призывая всех к Богу, ко Христу и в истинную Церковь, не путать эту Церковь с большой буквы с церковью, канонически и сакраментально правильной, но не

включившей в себя всю явленную Богом правду и Истину и потому пишущуюся всегда с малой буквы. Церковь с большой буквы, подобно земле обетованной, дана нам в вечности, и мы можем видеть ее и говорить о ней лишь *sub specie aeternitatis* и лишь в силе самой вечности, поскольку она уже открывается и уже живет в нас. Здесь известная антиномия христианской духовной жизни «уже, но еще не» (вспомним великих мистиков, например, св. Симеона Нового Богослова, которому принадлежат слова: «Кто даст мне то, чем я всецело пользуюсь?») выявляется особенно выпукло и ярко.

Во-вторых, нам надо молиться, думать и прилагать все усилия к тому, чтобы приближать границы мистической и мистериальной церкви, которые должны стать едины и совершиться воедино. Это значит, что каноническая церковь должна всерьез и надолго, внешне и внутренне поставить перед собою задачу, чтобы в ней всегда было место всем, кто от Бога, и всему, что от Бога, но не было места огню чуждому и его добровольным носителям.

В-третьих, нам надо с уважением и любовью отнестись и всегда относиться ко всем элементам Истины и правды, обретаемым вне границ канонических, православных церквей, радуясь им и поддерживая их как живые клеточки живого Тела истинной и праведной Церкви Христовой.

Это ведет нас к трепетной необходимости всячески облегчать путь в церковь каноническую всем носителям истинной веры, хотя бы и добытой ими или унаследованной частично, прямо или косвенно. Самой канонической и мистериальной церкви нужно живо вспомнить о дарах, подаваемых в истинной Церкви Святым Духом, особенно дарах пророчества и различения духов, поставив эти дары выше своих канонических и мистериальных проблем и противоречий. Это означает необходимость более личностного отношения к человеку в границах жизни самой канонической церковной структуры, умение увидеть, «что в человеке», как тому учит нас Евангелие Христово, умение судить о всяком человеке более по его духу, чем по словам, формулам и формам его жизни (впрочем, «более» еще не означает «только»).

Далее, мы должны ответственно признать церковнозначимую силу при большой автономности существования христианской и общечеловеческой культуры и стремиться также к ее максимальному и постоянному воцерковлению.

Нам надо набраться духу и решительно и смело пересмотреть свое привычное для охранительного православия отношение к инославным церквям и даже к другим религиям, назвав все истинное и доброе в них хорошим и даже, ибо оно от Бога, церковным, пусть еще и не в полноте (актуально достичь которую ? и наша задача).

При этом все неистинное и недоброе у нас, откуда бы оно ни происходило, надо нам открыто назвать нецерковным, ибо оно не от Бога и никакими добрыми намерениями не оправдывается. Если же в церкви появляется что-то нецерковное, чуждое, то оно является и нетерпимым в ней, кроме как, может быть, в компромиссных ситуациях, без которых на земле ничто и никто не обходится, но которые в церкви должны быть названы своими именами, несмотря на известный риск «соблазнить малых сих».

В связи с этим нам надо еще вспомнить и пережить сердцем то, что стоит за понятиями полного и неполного членства в Церкви. Это, с одной стороны, не даст возможности назвать нехристианами или еретиками, не членами истинной Церкви большинство неправославных, а с другой, это же поможет отрезветь нам, православным, и уточнит статус многих православных, потребовав многого, чтобы им стать и оставаться полными членами Церкви.

Таким образом, и явление истинной веры вне Православной церкви, и воцерковление ее носителей – все это наши внутрицерковные проблемы. Они разрешимы, если только мы будем

помнить, что воцерковленность – это, в первую очередь, состояние духа, что это ? стояние во Истине, ведь по словам Священного писания, сама Церковь есть «столп и утверждение Истины». Поэтому нам всегда надо помнить, что воцерковленность в этом мире – не факт, но акт, причем непрерываемый во время всей нашей жизни.

В связи с этим даже самой нашей канонически правильной и православной церкви надо подумать о своем большем воцерковлении. Ей также надо научиться радоваться тому, что истинная вера растет в мире и все чаще паче чаяния обретается, пусть и вне ее канонических границ. Но по пророчеству слова Божьего так и должно быть. Не случайно же сказано Господом: «Должно быть проповедано Евангелию всей твари». Конечно, хорошо было бы церкви как можно быстрее и полнее воцерковлять и признавать своим всякое откровение Божьей Истины, Божьей веры и правды в мире сем, тем самым постоянно корректируя по этому откровению Духа свои границы, чтобы сблизить их с динамичными, как ветер, границами мистической Церкви, но при этом нам надо помнить, что эти границы целиком сольются только в Царстве Небесном.

Воистину, «Дух дышит где хочет». И «где Дух Святой, там и Церковь». И пусть пока еще не всегда где мистическая Церковь, там и мистериальная, и где правильная, там и истинная. Это тоже всем верным надо знать, чтобы не прельститься, но с этим им никогда нельзя примиряться.

Всю обретенную вне канонической церкви истинную веру нам надо стараться воцерковлять. Пусть даже для этого придется в конечном счете выйти за рамки человеческой истории и мира сего. Лишь бы только все Божье пришло к Богу, как и все кесарево было отдано кесарю.

Будем же «собирать со Христом» и во Христе, а не расточать, ибо это и есть истинное воцерковление всего истинного и праведного в мире, в том числе и еще осознающего и ощущающего себя вне канонической церкви. А это значит ? и всего лучшего, относящегося к современной интеллигенции, часто еще живущей не столько церковными и даже христианскими, сколько, как ей представляется, более универсальными и католическими общечеловеческими ценностями.

Сергей Аверинцев: О перспективах христианства в Европе: попытка ориентации.

Богословие и философия

Раб ленивый и лукавый не успел подготовить ничего на собственно афанасьевскую тему. Может быть, под конец удастся сказать совсем несколько слов поближе к теме. С вашего разрешения, я прочту доклад, который делал уже однажды в Клингентале,—о перспективах христианства в Европе.

Я «не пророк и не сын пророка»; говорить о будущем мне очень трудно; это так—попытка слепца на ощупь найти какую-то ориентацию в пространстве. О Европе я говорю, во-первых, потому, что такова была клингентальская тема, и во-вторых, потому, что, кроме Европы, я ничего не знаю, и никогда в жизни океана не пересекал; Азию я тоже не знаю. Мне более всего хотелось бы, рассуждая о перспективах христианства, уберечься от двух симметрически противоположных глупостей—от Сциллы оптимизма и от Харибды пессимизма. Пессимистами

нам, христианам, не позволительно быть постольку, поскольку мы из опыта знаем, что наш Бог, вопреки всем идеологам и даже теологам смерти Бога, есть Бог живой и Бог живых, что против общности тех, кто остается верным до конца, врата ада вправду бессильны, и, наконец, что Провидение и сегодня, как всегда, находит путь наиболее неожиданный, наиболее непредставимый и для человеков, и для бесов. Тактика Бога такова—как история, так и пережитое каждым из нас лично учат нас,—что она всех застает врасплох. Не это ли свойство Провидения, посрамляющее все расчеты прогнозистов, описывают загадочные слова псалмопевца о смехе Бога над замыслами царей земли: «Живущий на Небесах посмеется, Господь поругается им»? Поскольку вышесказанное вне спора, пессимизм есть бессмыслица. Поскольку же все, решительно все остальное в высшей степени проблематично, оптимизм есть ложь. «Человек,—как давно сказал Шиллер,—обречен в веке сем сбиваться с пути, пока он верит в золотое время, когда победит доброе и благородное. Доброе и благородное ведет вековечную тяжбу, и противник никогда ему не уступит». Подлинная христианская надежда, на языке западного христианства—"теологическая добродетель", воспетая Шарлем Пеги «*La deuxième vertue*», «надежда сверх надежды», по слову апостола Павла (Рим 4: 18), невозможная, единственная, которая еще никого не обманула,—она-то по самой своей сути глубоко чужда и оптимизму, и пессимизму. Христианин, достойный этого имени, должен быть способен радостно идти навстречу неизвестности, навстречу крушению любых земных надежд, не ожидая от мира сего никаких гарантий. Будущее надежды иное, чем будущее футурологов. Мысли Божьи, учит нас Писание,—не наши мысли. Было время, чуть меньше двух столетий тому назад, когда такой романтический мыслитель, как Новалис, мог озаглавить свой знаменитый фрагмент «Христианский мир, или Европа» ("Christenheit, oder Europa"). Разумеется, и тогда, как раз на исходе столетия Вольтера и Дидро, после опыта якобинской политики «дехристианизации», опыта, неведомого со времен Диоклетиана, заглавие это уже отдавало стариной, как оно и приличествует романтикам. И все же оно оставалось тогда, двести лет назад, в пределах возможного. Где же мы сегодня? Архивропейское, всеевропейское, к сожалению, не очень переводимое на русский язык понятие «христианского мира», латинское *christianitas*, английское *christendom*, немецкое *christenheit*, французское *chretien*, засвидетельствованное, как известно, уже в «Песне о Роланде», это ключевое понятие, созданное средневековым образом мыслей, все еще значимое для реальности раннего Нового времени, стало для нас очень далеким. Сегодня по всему миру, на всех континентах, в самых разнообразных и экзотических регионах можно разыскать христиан, подчас даже и христиан православных. И иногда вера наших новообращенных братьев кажется более свежей, более живой, чем у их единоверцев в старой Европе. Да, христиане есть повсюду, но по большей части на правах меньшинства, достаточно часто—меньшинства угрожаемого, поставленного под удар. Такое уже пришлось повидать европейским странам, начиная с нашей или начиная с Франции якобинцев. В старых городах Запада, над базиликами, чтимыми из рода в род, горделиво возносятся корпуса деловых строений, а иногда новенькие мечети. Отпрыски многих поколений христианских предков, продолжая оставаться номинальными христианами, принадлежащими к тому или иному вероисповеданию, или, наоборот, именуясь агностиками либо атеистами, на деле с равным рвением служат культу радикально-секуляристского духа времени, чьи главные ценности, как известно,—*efficiency*, такая деловая ловкость, и *permissiveness*, вседозволенность, а в качестве эрзаца «для тайны»—возможно, астрология или еще что-нибудь в этом роде. Или, устав от секуляризма, они обращаются в какую-либо экзотическую религию, порой, и притом все чаще, в ислам, не говоря уже о неведомых демонах молодежной субкультуры, так называемого *New Age*—предмет настолько мрачный, что в стенах храма не рискую о нем и говорить. А там, где мы встречаем подлинное живое и творческое христианство, оно все реже и реже оказывается унаследованным от родителей, обусловленным семейными традициями или хотя бы национальной принадлежностью. Впрочем, не такова ли судьба христианства в перспективе того, что наш историк культуры Бахтин называл «большим временем»—в перспективе двух тысячелетий? Попробуем сравнить судьбу

ислама и судьбу христианства. Ислам начал с того, что обратил тот народ, среди которого возник,—арабов. Арабский язык, язык основателя религии, до сих пор остается вполне закономерно сакральным языком ислама. Только арабский оригинал Корана обладает, с точки зрения ислама, подлинной религиозной легитимностью. Земля, на которой жил Мухаммед, на которой стоят священные города Мекка и Медина, на всем протяжении истории ислама остается в обладании ислама. Даже невозможно себе представить, чтобы она вдруг досталась иноверцам. Что бы тогда случилось с мусульманами? Этнической избирательности у исламской общины ("умма") нет, иначе ислам не был бы мировой религией. Однако, как известно, и кровные родичи пророка, и кровные потоки Али в шиитской ветви ислама имеют особый статус. Исламская экумена была в основе своей создана за небывало краткий исторический срок—немногим более двух столетий—в результате арабских завоеваний, распространивших новую арабскую веру от северо-западного угла Африканского континента до Средней Азии. Впоследствии некоторые земли были добавлены к исламской экумене, некоторые земли, например Испанию, пришлось отдать—но в целом этногеографический состав мира ислама исключительно стабилен. Недаром само понятие «земля Ислама» (дар-аль-ислам) входит в число понятий исламской теологии. С христианством все иначе. В течение двух тысяч лет. Для начала народ, среди которого оно возникло, отторг его из своей среды. Не еврейский язык—сакральный язык Ветхого Завета, язык Синайского откровения, не арамейский язык—язык проповеди Христа, но греческий язык, лингва франка, как у нас говорили, «язык межнационального общения» в восточном Средиземноморье, стал языком Нового Завета. Так что речения Господа нашего были, можно сказать, изначально восприняты Вселенской Церковью в переводе. Уже оригинал Евангелий стоит под знаком перевода с одного языка на другой в лингвистическом смысле этих слов, но также и с одного языка культуры на другой. Он стоит также под знаком миссионерства и того, что в современной терминологии называется «аккультурацией» и «инкультурацией». Изначально язык христианства—это не свой язык для христианства, но язык другого, т. е. язык адресата проповеди, язык того, к кому христианская проповедь обращена, и, что неизбежно, язык более или менее секулярный (в определенных границах: все мы помним, насколько греческий язык Нового Завета ориентирован на семитические языковые модели и на греческий язык Библии Септуагинты). Позднейшие попытки дать статус сакрального одному из таких языков, который был поначалу именно языком другого, но затем выпал из времени и окаменел,—латыни в «преконцилиарном» Католичестве, славянскому в русском Православии,—по существу, вторичны и не находятся в согласии с изначальным выбором Церкви. Попытки насильственно возратить для христианства его географическую родину, его Святую Землю, предпринимались и в эпоху Константина, и католическим Западом в эпоху Крестовых походов, но история и судьбы Божии были против таких попыток. Иерусалим и Галилея по Суду Божьему должны находиться вне христианского мира с такой же необходимостью, с которой Мекка и Медина должны находиться внутри «земли Ислама». Но этим этногеографические парадоксы истории христианства, конечно, только начинались. Какие земли играли наибольшую роль в начальных судьбах нашей веры? Каждый ответит—это Сирия, где впервые прозвучало само слово «христиане», как мы читаем в Деяниях апостолов, в Антиохии, это Малая Азия—земля всех семи Церквей Апокалипсиса (какое бы символическое значение они не имели, буквальный их смысл таков), это Александрия, где родилась христианская религиозная философия, и окружающий ее Египет, где начиналось христианское монашество, это, наконец, Северная Африка, где христианство впервые уверенно заговорило по латыни. Однако по отношению ко всем этим землям сбылась страшная угроза Апокалипсиса: «сдвину светильник Твой с места его». В VII-VIII вв. эти земли отходят под власть ислама; но к этому времени пламя христианства перекидывается на варварские народы Северной Европы—кельтов, германцев, славян, балтийские и финские племена. И тогда начинается многовековая идентификация христианства и Европы, отразившаяся в заглавии фрагмента Новалиса. В 1453 г. окончилась тысячелетняя слава христианской Византии, Святая София стала мечетью. Не успело пройти,

однако, и пол столетия, как открытие Колумба начало историю христианства по ту сторону океана. Если крикливая агрессия атеистических идеологий (как во Франции якобинцев и в России большевиков) и более тихий и, может быть, более опасный натиск безразличия и потребительства, действуя совокупно, век за веком и десятилетие за десятилетием, делают унаследованный традиционно христианский характер европейской цивилизации все более и более проблематичным, то одновременно очаги живой христианской веры с молодой силой разгораются и среди народов и племен услышавших о христианстве недавно, и в сердцах отдельных людей, отнюдь не нашедших христианской традиции под отеческим кровом. Среди выдающихся европейских христиан XX в. заметны люди, родившиеся в семьях агностиков и атеистов, как о. Павел Флоренский или Оливье Клеман, или в еврейских семьях, как Эдит Штайн и кардинал Люстиже, как о. Александр Мень. Наше время с новой очевидностью обнажает старую истину, сформулированную Тертуллианом еще в раннехристианские времена, — "христианами не рождаются, к христианству приходят". И в этой большой перспективе христианство, наследуемое в качестве веры отцов, по праву рождения, впитываемое с молоком матери, слишком часто оказывается, жестко и жестоко говоря, едва ли не миражом, услаждающим благочестивые взоры и сердца, но рано или поздно, увы, обреченным рассеяться. «Не думайте говорить в себе, что отец у нас Авраам». Нам не хочется этого видеть, напротив, противники христианства видят это чрезвычайно отчетливо и поэтому мнят себя реалистами, но их глазам не дано увидеть другого, противоположного факта—христианство как вера миссионеров, как Благая Весть, как добрая новость, всегда более новая, чем все самоновейшее, чем все последние известия, есть, напротив, реальность, времени неподвластная. Хорошо сказал Честертон: «Христианство не выживает, не остается в живых, оно вновь и вновь умирает—то насильственной смертью, то от внутренних недугов в каждую эпоху, может быть, в каждом поколении. Но Господь нашей веры знает возвратный путь из гроба, из преисподней, из смерти в жизнь». Для христианства жить—значит оживать, воскресать, и никакой иной жизни оно не знает. Поэтому у христианства и нет своей земли в том серьезном смысле, в котором теология ислама учит о «земле Ислама». У него есть только огоньки духа, разгорающиеся в воздухе над головами верных, «ибо не имеем здесь постоянного града, но взыскуем грядущего». Христианство не дает мистического обоснования и для концепта христианской нации в том серьезном, очень серьезном смысле, в котором иудаизм учит о священном семени." Дерево, не приносящее доброго плода,—говорит Господь,—срубают", Бог из придорожных камней может создать новых детей Авраама, а Дух веет, где хочет. Конечно, это так лишь в конце концов, лишь на уровне последних истин. Даже хороший христианин не способен жить исключительно последними истинами 24 часа в сутки. Если последняя истина составляет твердое ядро христианского вероучения, его инвариантную характеристику, исторические варианты христианской культуры никогда не обходились без истин, так сказать, предпоследних, а то и вовсе полуистин. Важно, однако, видеть разницу уровней: скажем, великая мечта о Святой Руси была создана русским благочестивым фольклором, а позднее, уже в XIX в., подхвачена и переосмыслена идеологией и литературой славянофильства, и как ее ни оценивать—вероучительного статуса в русском Православии она не имеет. Лишена такого статуса, разумеется, и формула старца Филофея о «третьем Риме». Так и Франция могла во время оно назвать себя «старшей дочерью Церкви», но и это не догмат французского католичества; к тому же христианский контекст в любом случае оспаривает смысл этого самоназвания, поскольку именно переход прав первородства от одного к другому является постоянным библейским мотивом, а роль «старшего брата» в притче о блудном сыне довольно неприглядна. Эмпирические факты христианской культуры, по определению, не могут являть сущности христианства в абсолютно беспримесном виде, иначе это была бы не христианская культура в веке сем, а новый Иерусалим и Церковь торжествующая. Но зато сущность христианства, достаточно четко фиксированная в новозаветных и вероучительных текстах, достаточно ясно выявляемая в большом времени истории, каждодневно утрачиваемая, но и каждодневно обретаемая заново сознанием

христиан, трансцендентна любой культуре. Нам возразят, что это можно сказать не об одном христианстве, но вообще о вере, достойной такого имени. В определенном смысле—да. Однако я пытался показать, почему к нашей вере это относится в принципиально большем, в принципиально более интенсивном смысле, нежели к вере иудаистов или мусульман. Отмечу по ходу рассуждения любопытный парадокс – христианину тем легче быть толерантным, справедливым, уважительным и к иудаизму, и к исламу, чем более полно и последовательно его вера осуществляет свое доктринальное отличие от этих религий, чем более она осуществляет себя в присутствии ей и только ей измерения. Напротив, как раз бессознательное перенятие чужих парадигм неизбежно приводит к конфликту, к недостойной христианства агрессии, например, за псевдохристианским антисемитизмом обычно стоит «мессианское» (могу употребить это слово только в кавычках) самосознание наций, являющее собой плагиат и пародию иудаистического концепта «избранного народа» по плоти. Идеология Крестовых походов была основана на христианской или псевдохристианской адаптации исламских понятий «джихада» и того же «дар-аль-ислам»: «священная война за Святые места»—сакральная география в истинно исламском стиле. Недаром, конечно, и провал Крестовых походов не означал и для западного христианства такой катастрофы, какой была бы для ислама утрата Мекки и Медины. Завоевав Святые Места, христианство духовно ничего не приобрело; утратив их, оно духовно ничего не потеряло. Не лишне вспомнить, что даже мирное паломничество ко Святым Местам, несомненно в высшей степени законное, непрерывно существовавшее в обиходе христианской набожности с позднеантичных времен, институционализировавшееся в Средние Века, эмоционально окрасившееся в Новое Время, все же не имеет и не может иметь в контексте христианской системы понятий столь необходимого значения, которое оно имеет по логике систем иудаизма и ислама. И некоторые Отцы Церкви, как известно, высказывали серьезные возражения против практики паломничеств. Принцип сакральной географии оспорен уже тем, что Сын Человеческий не имел на земле места, где приклонить главу; и хотя христиане обязаны снова и снова строить для христианства земной дом, христианскую культуру, христианство снова и снова убеждается, что у него на земле такая же участь, как у его Основателя; «ученик не выше Учителя своего». В определенном смысле позволительно сказать, что вернулись времена «Послания к Диогнету»—незабываемого литературного памятника раннехристианской поры, в котором мы читаем: «Ни земля, ни язык, ни обычаи не отличают христиан от прочих людей. Они исполняют обязанности наравне с гражданами, однако подвергаются гонениям наравне с чужаками. Каждая чужбина—для них отчизна и каждая отчизна—чужбина». Это написано еще до становления средневековой институциональной системы, которая, единожды возникнув, из рода в род, из века в век воспринималась как сама собой разумеющаяся данность—но затем кончилась. И снова, как тогда, у нас христианство «без христианского мира», вера без внешней защиты, жизнь, в которой ни что не разумеется само собой. Один из самых радикальных вариантов этой ситуации был испытан нашими верующими в предыдущую эпоху нашей истории. Все, решительно все в составе христианской традиции, христианской культуры, что, в принципе, поддается разрушению, разрушалось абсолютно бесцеремонно, планомерно, с величайшим размахом, и выжить могла только нагая вера, предоставленная самой себе. До чего вера становится убедительной, когда она живет вопреки всему своей собственной внутренней силой, когда последняя пядь земли у нее отнята и огненным языком Духа Святого остается место только в воздухе! Нынче время гонений миновало, и нам грозит скорее противоположная опасность некоей неумелой пародии на православный истеблишмент в позднестарорежимном вкусе. Но как раз неловкость, несообразность, стилистическая бессвязность этой пародии напоминают нам об истине, которая слишком дорого оплачена муками верных, чтобы о ней позабыть. Я убежден, что опыт ситуации веры в ленинско-сталинские годы еще пригодится в будущем, и не только нам самим. Князь мира сего, чей лик, лик апокалиптического зверя, нам довелось однажды увидеть без всякой личины и разглядеть с мучающей отчетливостью, остается и сегодня тем же, и его сущность не зависит от географических обстоятельств, от

политического режима, от времени; меняет князь мира сего только свои приемы, но не свои цели. Убедительно прошу не понимать моих слов в духе некоей псевдоэсхатологической паники, каковую столь часто приходится наблюдать в кругах, что называется, фундаменталистских (и попросту сектантских). Было бы, однако, до крайности жаль, если этика сопротивления одновременно мирного и непримиримого, выработанная худо-бедно противостоянием тоталитарному режиму, оказалась бы утраченной христианством завтрашнего дня; ибо при всех условиях сопротивление остается христианским императивом, христианской жизненной нормой—сопротивление князю мира сего, и тогда, когда оно, это сопротивление, лишь очень косвенно относится или вовсе не относится к сфере политики. «Не сообразуйтесь веку сему»,—учил нас апостол Павел; наша душа, наш дух не должны угодливо подлаживаться к духу времени, к наличному и приходящему состоянию мира. Это подлаживание, которое мы именуем «конформизмом», абсолютно воспрещено христианину. Кстати, слова апостола по-латыни звучат—"Nolite conformari". Если другие духовные истины мы часто не в силах увидеть так ясно, с такой непосредственностью, как их видели христиане былых времен, эта истина предстает нам столь неотразимой, какой со времен первых христиан, со времен «первой Любви», по Откровению Иоанна Богослова, она представала лишь избранным. Конформистское христианство—не более чем логическая ошибка. Недаром Господь наш назван Знамением Пререкаемым. Но политический конформизм—лишь одна из возможностей зла. В определенные времена и в определенных условиях куда опаснее конформизм стиля жизни, конформизм моды, конформизм духа времени. Христианин, который не готов к тому, что на него будут косо смотреть, а то и смеяться ему в лицо за то, что он как-никак живет иначе, чем чада мира сего и чем требует современный вкус,—такой христианин не заслуживает того, чтобы именоваться христианином. Я вынужден еще раз предупредить против ложного понимания моих слов. У меня нет ни малейшего сочувствия ни к рвению не по разуму современных зилотов, одновременно столь сентиментальных, сколь бесчеловечных, ни к фарисейству, готовому и сегодня, как во времена Господа нашего, возлагать на верующих «бремена неудобноносимые», ни тем более к мечтам о реставрации ушедших исторических условий. Все ненужные конфликты с реальностью нашего времени, в которое Бог определил нам жить, должны быть избегаемы. Мы должны очень ясно различать две вещи: современность как реальность, подлежащую критике, но имеющую свои права реальности, и современность как идеологию, паразитирующую на этой реальности. Реальность есть реальность, и потому я, вопреки мнению многих моих друзей, вопреки моему собственному неисправимо консервативному вкусу, не могу не видеть неизбежности ряда перемен в практике русского Православия и способен лишь пожелать, чтобы перемены эти были разумно проведены в жизни, так, чтобы вызвать минимум потерь и максимум приобретений. Конечно, обновленцы раннесоветской эпохи надолго скомпрометировали у нас любой разговор об обновлении, однако из того, что лидеры обновленчества—и даже тогда не все шедшие за ними верующие, а именно лидеры—опозорили себя комплотом с безбожной властью и прямым и грубым предательством законной иерархии, даже из того, что затеваемые ими реформы слишком часто противоречили канонам, вкусу и здравому смыслу, отнюдь не следует, будто проблемы, каковые они пытались решать в неподходящее время и недолжным образом, вовсе не существуют. Как все живое, церковная практика в своих внешних формах менялась на всем протяжении истории христианства, с древних времен и донныне, но, если христианство, сохраняя верность трезвому реализму, столь характерному уже для апостола Павла или для Церкви, когда она выбрала греческий язык как язык Нового Завета, может и должно считаться с действительностью времени, оно обязано оказывать сопротивление паразитирующим на этой действительности идеологическим фантомам. Отличить одно от другого не всегда легко, но совершенно необходимо. Граница между действительностью времени и тем, как времени самому хочется истолковывать себя и оправдывать себя, тем, как оно само хотело бы себя видеть,—это предел, далее которого не может идти никакое здоровое «аджорнаменто», никакое позвольтельное обновление. «Иисус Христос вчера и сегодня и во

веки» (Евр 13: 8). Обстоятельства меняются, и это надо видеть, чтобы говорить о вековечном благовестии реальным, а не выдуманным людям. Вы, может быть, видели в одной моей статье, которая была в «Новой Европе», горестное воспоминание о том, как один иерарх, достаточно умный, в церкви, переполненной новообращенными, говорил: «Братья и сестры! Всех нас наши благочестивые родители на сороковой день принесли...» и т. д. Вот это страшно, это совсем страшно! Но дух времени—это дух времени. Он проявляет себя как абсолютный релятивизм, который готов признавать все, что угодно, кроме вопроса об истине, и одно из его выражений, о котором в стенах храма говорить как-то странно,—так называемая «сексуальная революция», которая давно действует отнюдь не только перmissивно, но и агрессивно, развязывая моральный террор, который, похоже, превзойдет все кошмары лицемерия и ханжества былых времен по общему закону, по которому революционный террор эффективнее, нежели старорежимный. Христианская этика, оставаясь верной самой себе, при любой степени такта и миролюбия со стороны своих носителей—а такт и миролюбие от нас требуются—неизбежно становится вызовом умонастроению, празднующему свою победу и стремящемуся принудить всех к безоговорочной капитуляции. Разумеется, огульные суждения всегда опасны. То тут, то там Бог еще оберегает какие-то оазисы, в которых жизненная норма доселе определяется в какой-то мере драгоценным наследием традиционного благочестия. Наша обязанность — ценить и по возможности сберегать эти оазисы. Как знать, быть может, еще наши внуки найдут там утешение и увещание для своих сердец. Но это лишь осколки, лишь фрагменты былого христианского мира. И разве современность и дух времени не находят дороги в эти уголки? Как бы то ни было — оазисы суть всего лишь оазисы посреди широко раскинувшейся пустыни. И пустыня растет, как в свое время напороочил Ницше. Однако именно в пустыне, а не где-нибудь еще, велит пророк Исаия «готовить пути Господу», и благо тем, кто посреди пустыни наших дней сбережет нечто от духа пустынножителей, отцов пустыни. И если будет на то Божья воля, из подвигов новых отцов пустыни, может статься, родится новый христианский мир, но он будет совсем новым, еще невиданным, ибо Господу нашему не свойственно повторяться, Он творит все новое. Но в ближайшем будущем, доколе близорукое мое зрение может различать контуры предметов, я вижу только дальнейшее разворачивание логических следствий ситуации пустыни, иначе говоря, ситуации христианства бездомного. Нам необходимо ясно понять, что именно является сегодня самой злой противоположностью нашей веры. Атеизм старого закала, искавший для себя научных или псевдонаучных обоснований, давно уже не страшен. Он близок к смерти. Будущее готово нанести ему последний удар. Внутренний опыт атеизма, так обстоятельно обсуждавшийся западными теологами и религиозными философами XX в., относится к числу проблем, в общем разрешенных. Если этот пресловутый внутренний опыт когда-нибудь имел самостоятельное содержание, в чем я лично осмеливаюсь сомневаться, содержание это как следует переварено и усвоено христианской мыслью, но упадок атеистической идеи, увы,—отнюдь не причина для благочестивого ликования верных. Более наивными, более простосердечными и чистосердечными, чем наши, были времена, когда идея Бога и для отступника оставалась настолько важной, что отделаться от нее можно было только посредством формального, теоретически декларированного отрицания. Эти времена прошли. Радикальный релятивизм и прагматизм порождают состояние души, при котором вопрос о бытии Божьем, не получая отрицательного ответа, утрачивает заодно со всеми остальными последними вопросами всякую серьезность. И в перспективе антропологической это гораздо страшнее, чем атеизм. Подобному злу христианство будущего должно противопоставить твердую, бескомпромиссную, отрезвляющую серьезность. Чтобы справиться с этой задачей, ему нет надобности являть себя ни специфически консервативным, ни, с другой стороны, специфически либеральным и передовым. От него требуется всего-навсего быть убедительным. Легко сказать! Иное дело, что всегда, по-видимому, будут богословы сравнительно консервативные и сравнительно либеральные. Но в своем статусе идей и богословский консерватизм, и необходимо предполагающий его и соотнесенный с ним богословский либерализм обречены утратить

смысл. Дело в том, что по смыслу обе эти тенденции были слишком сильно обусловлены ситуацией постепенного распада старого «христианского мира», старой *chretienñ*. Консерватизм тщился сохранять распадавшиеся связи, либеральная теология, напротив, желала высвободить из власти именно этих связей индивидуальное религиозное чувство. Слишком очевидно, что в мирском граде, в том, что Харвей Кокс назвал *seculary city*, консерватизму нечего больше охранять, как либеральной теологии некого больше освобождать. Первый рискует опуститься до уровня безнадежной и бессильной ностальгии, вторая—до уровня жеста и пустословия. Будущее—это приходящие в мир поколения; для них должно христианство явить свою убедительность. И в этой связи нелишне помнить об одном замечании Т. С. Элиота: молодым людям, которые хоть чего-нибудь стоят, не только честнее, но и практически благоразумнее предлагать христианство не как удобную, а как возможно более требовательную веру, потому что молодой человек, который чего-нибудь стоит, ищет самого требовательного, самого взыскательного, и все, что не в меру удобно и уютно, вызывает у него законное отвращение. Чтобы оставаться собою, христианство должно возможно строже соблюдать дистанцию по отношению ко всем посторонним для него целям, в частности—националистическим. Это требование духа и одновременно требование реализма, поскольку христианство все более зримо и отчетливо есть вера христиан, а не христианских народов. Правда, именно сегодня мы переживаем в экс-коммунистической Восточной Европе катастрофический взрыв национализма, приносящего с собой в числе иных бедствий новейшую имитацию религиозных войн эпохи конфессионализма, например у сербов и хорватов. Следует надеяться, что этот взрыв, слишком очевидно порожденный скоропреходящей ситуацией так называемого идеологического вакуума и не имеющий более глубоких оснований, окажется недолговечным. Но сколько бы он не продлился, за ним последует неминуемая реакция. Все, что сегодня компрометирует себя связью с националистической истерией, испытает на себе со временем тяжесть того же презрения, которое сегодня падает на то, что опозорило себя угодничеством перед тоталитаризмом вчерашнего дня. Как бы то ни было—очевидно, что подчинение посторонним целям (разумеется, в такой же мере либеральным, всяким иным) искажает суть христианского Благовестия. Мы призваны Нагорной проповедью искать Царствия Божия и Правды Его, все прочее—будь то благополучие нашего земного отечества, всей Европы, всей мировой цивилизации—должно, по обетованию Христову, приложиться, т. е. быть следствием, но не целью стремления к той высшей цели. И надо полагать, надо надеяться, что будущие поколения спросят не о национальном или, напротив, либеральном христианстве, но о христианском христианстве. Именно поэтому, весьма вероятно, что они будут все более настойчиво искать путей воссоединения мирового христианства. Мне приходилось только что говорить, что как христианская вера, так и ее конкретные формы все реже и реже наследуются по праву рождения, всасываются с молоком матери. Во многих отношениях это весьма печально для христианской культуры в самом широком смысле слова «культура». Неофит должен искусственно, впадая в опасности натужного безвкусыя, воспитывать в себе навыки, которые у прежних поколений христиан проявлялись с красивой естественностью как бы прирожденного инстинкта. Но для вселенского сближения такая ситуация создает новый шанс. Вместе с наследуемой верой наследовались вековые конфессиональные обиды, предубеждения; вместе с традиционно религиозной культурой—исключительность этой культуры. Но для того, кто в ширящейся пустыне грядущих дней, в безвоздушном пространстве и состоянии невесомости, порожденном тотальным релятивизмом, свободно выберет Христа, едва ли будут особенно интересны старые, просроченные счета, которые одна конфессия предъявляет другой. Здесь у меня есть что-то вроде практического предложения. Взгляды на степень близости христианских конфессий друг другу весьма различны, многие вопросы весьма спорны. Я думаю, что минимум, который можно было бы предложить православным, ну и соответственно инославным братьям, минимум миролюбия состоял бы вот в чем—не добавлять к наличным спорам никаких своевольных и самочинных пунктов в списке спорных вопросов; и это ведь делается, причем если человека, настроенного более примирительно, воспринимают

как такого новомудрствующего и отступающего от канонов и т. д., то человек, измышляющий произвольно по своему вкусу, по своему мнению дополнительные обвинения, ощущает себя при этом очень жестким и строгим традиционалистом. Между тем, списки обвинений очень варьируются в руках у разных обвинителей, только обвинители чувствуют себя солидарными в этой ситуации вражды. Мне кажется, что, может быть, самый сложный вопрос—это вопрос об отношении разных конфессионально-обусловленных типов культур; хотя вопрос вероучительных разногласий очень серьезен. Но, разумеется, сколько-нибудь подлинный, сколько-нибудь убедительный синтез конфессионально-обусловленных типов христианской религиозной культуры—крайне трудная задача для будущего, которая потребует медлительной, кропотливой работы со стороны тех, кто верит в возможность цели. Да простит и вразумит меня Бог, если я решительно неправ, но я всерьез вижу проблемы, духовно (помимо отнюдь не духовных старых счетов и новейших политиканств) разделяющие сегодняшних православных и сегодняшних католиков, пожалуй, и сегодняшних лютеран (с более новыми типами протестантизма—с кальвинизмом и всякого рода неопротестантизмом дело обстоит сложнее) не в филиокве, не в догмате о непорочном зачатии и не в вопросе о точном моменте пресуществления Святых Даров, а уж скорее в области того, что о. Павел Флоренский назвал «православным вкусом». Из всех особо непримиримых православных обличителей католицизма, которых я повидал на своем веку, самым искренним и глубоким был художник по своему дарованию, призванию и душевному складу, замечательный иконописец и богослов иконы покойный Леонид Александрович Успенский—Царство ему Небесное! Дружба с ним была большой радостью моей жизни. Вот он-то понимал, что говорил. Но что он говорил? За каждым его словом живо ощущалась ревность художника, ратующего за чистоту стиля, для которого эклектизм есть скверна. Это правильно для художника, ибо творчество как таковое толерантным быть не может. Дивергенция культуры сказывается, конечно, и за пределами сферы собственно художественной, но дело все равно во вкусе, в навыках поведения, духовного такта, жеста, ритма и темпа, прежде всего, разумеется, богослужебного, но и общего жизненного. Вспоминаю, как моя добрая русская приятельница, старше меня возрастом, неуклонно хранившая внутреннюю и внешнюю верность Православию всю свою жизнь, несмотря на свою светскую интеллектуальную профессию, и насмотревшаяся на русских иноков и инокинь прежнего склада, при первом моем возвращении из поездки в Рим все расспрашивала меня о католических монахинях—соблюдают ли они должную неспешность в движениях и тишость при выговаривании каждого слова, а я мямлил что-то про различия между орденами созерцательной и деятельной жизни, представляя про себя, что бы вышло, если бы одна монахиня, которая окружена шумливыми детьми и как-то их унимает, попробовала бы говорить уж очень тихо, а другая, опекающая больных, несущаяся к ним на велосипеде, попробовала бы двигаться исключительно медленно. Конечно, и в Православии была мать Мария, но недаром она при жизни так шокировала своих собратьев по вере, даже в среде парижской диаспоры, где православие было менее всего бытовым. С другой стороны, в католичестве есть бенедиктинцы, которые, надеюсь, понравились бы вышеназванной моей собеседнице. Помню, как у меня был живой разговор с одним уединенно живущим бенедиктинцем, в котором он, между прочим, проявил такую любовь к Русской Церкви, какую трудно подделать, но и очень здравое понимание наших проблем. Но я не об этом. В течение всего нашего трехчасового разговора он очень естественно сидел неподвижно, без каких-либо жестов. Вот он бы понравился моей собеседнице, но не бенедиктинцы определяют имидж католичества в целом. На православный вкус Ватикан—чересчур государство; в католической перспективе наше духовенство слишком легко соглашается быть украшающим придатком к государству. Вот, что сегодня смущает, задевает, разделяет, а едва ли пункты, каталогизированные византийскими полемистами. Задача синтеза остается весьма и весьма трудной. Благоразумный христианин не может не страшиться всеобщей эклектико-синкретической неразберихи, грозящей доконать и без того расшатанное чувство духовного стиля и вкуса. Но зато решение этой задачи обещает неизмеримо облегчить борьбу с

другими жизненными проблемами вселенского христианства. Христианский Запад остро нуждается сегодня в православном чувстве тайны, чувстве страха Божьего, онтологической дистанции между Творцом и тварью, в православной помощи против эрозии чувства греха, иначе те из сынов и дочерей Запада, которые не устанут искать религии, достойной этого имени, будут все чаще уходить в сторону Востока нехристианского, например в сторону ислама. Но и христианскому Востоку не обойтись без западного опыта более чем двухвековой жизни веры перед лицом вызова, брошенного просвещением, без всего, что оказалось, как говорят наши современники, «наработано» западной рефлексией над проблемами нравственного богословия и сопряженного с ним богословия права, без западного вкуса к терпеливому различению нюансов, без императива интеллектуальной честности. Иначе жизненное право демократической цивилизации, какова она ни есть реально, будет вновь и вновь разыгрываться у нас как козырная карта против христианства, которую на уровне веры «малых сих» крыть окажется еще раз нечем. Западное христианство так часто вправе напомнить нам слова Первого послания к Коринфянам: «Братья, не будьте дети умом». Мы же иногда имеем основание напомнить нашим западным братьям слова Книги Притчей: «Начало мудрости—страх Господень». Спасибо за терпение, с которым я был выслушен. Я говорил так долго, что если еще попробую сказать буквально две-три самые общие фразы по проблеме конференции, это будет уже почти неприлично. Я думаю, что экклезиология о. Николая Афанасьева—это очень хороший пример того, что Православие тем больше сможет действительно дать инославным христианам, тем больше будет способно к содержательному разговору с ними, мало того, будет тем ближе к тому, чтобы сказать миру то, что мир действительно услышит,—чем более православным оно будет: православным не в смысле ложного консерватизма по отношению к достаточно поздно исторически установившимся нормам, но по отношению к своей сердцевине. С другой стороны, я думаю, что экклезиология о. Николая Афанасьева, будучи в высшей степени ценной, нуждается как тезис в каком-то антитезисе, ибо она абсолютна верна именно на уровне того, что я позволил себе назвать «последними истинами», но есть еще истины предпоследние. Несомненно, критерий церковности—это общение в Духе Святом, но у Церкви как явления богочеловеческого есть по необходимости и какие-то другие измерения, которые должны быть осмысленны в свете тезиса, высказанного о. Николаем Афанасьевым. Тезис нуждается в антитезисе—не как в возражении, а как в дополнении. Существует неизбежность какого-то, как ни страшно, как ни скучно, как ни противно это сказать, социального и административного аспекта Церкви, поскольку момент Пятидесятницы не может длиться 24 часа в сутки для нас просто по грехам нашим. Но в остальном я не могу не рассматривать афанасьевское учение о Царстве, как, еще раз повторяю, то слово Православия, которое действительно может быть услышано миром и в определенной мере уже услышано за пределами Православия. Содержательный разговор между христианами различных конфессиональных традиций будет успешным не в меру приспособления этих традиций друг к другу, а по мере сосредоточенности на смысле наследия древнего Православия. Такой крайний кальвинист, как Карл Бар, оказался нужен католикам и еще, пожалуй, окажется нужен нам именно потому, что он, идя в глубину кальвинистской традиции, в конце концов вышел к какой-то христианской субстанции, общей для христиан. Это кажется парадоксом, но это так. Путь к сближению и к соединению—это не путь дипломатического взаимного приспособления, но, разумеется, тем более и не путь накопления и расширения списка обид и списка обвинений. Это путь к Центру. Вы знаете этот старый образ из Добротолюбия—как радиусы, приближаясь к центру, приближаются друг к другу. Иного способа сближения, я думаю, не может быть. Спасибо еще раз за терпение, и простите, что я его так долго искал.

Павел Мейендорф: Литургический путь Православной Церкви в Америке XX в.

Богослужение и таинства

Павел Иванович Мейендорф—профессор кафедры литургического богословия имени Александра Шмемана Свято-Владимирской православной академии (Крествуд, Нью-Йорк). Предлагаемый вниманию читателей доклад в несколько сокращенном варианте прочитан 31 мая 1993 г. в Санкт-Петербурге на конференции, посвященной памяти о. Александра Шмемана в связи с 10-летием со дня его смерти.

ЛИТУРГИЧЕСКИЙ ПУТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В АМЕРИКЕ В XX В.

ЛЮДИ, приехавшие из России в Америку, часто бывают удивлены при посещении богослужений в приходах православной церкви—наследнице русской миссии, основанной в 1794 г. на Аляске и распространившейся далее вдоль побережья Тихого океана к югу до Сан-Франциско и в восточном направлении через весь континент до Нью-Йорка. Посетители удивляются внутреннему убранству наших церквей: церковным скамьям со спинками, цветным витражам, иконостасам, выполненным в различных стилях—от массивного русского барокко до почти символической перегородки, которая ничего не скрывает от глаз посетителей. К их изумлению они обычно слышат евхаристический канон, произносимый вслух, видят почти всю паству, причащающуюся каждую неделю. Их ошеломляет относительная краткость Божественной литургии, которая, как правило, длится от одного до полутора часов. Они слышат псалмы антифонов в целом и не понимают, почему некоторые ектений опускаются, чаще всего ектения об оглашаемых. Эти отличия могут быть частично объяснены различиями в культуре. Православная литургия всегда зависит от местных условий, от исторических обстоятельств. Человек славянского происхождения, посещающий службу в греческой или арабской общине, может задаться вопросом, принадлежит ли он к той же самой вере. В этом и заключается сущность нашей литургической традиции, где опыт веры так глубоко усвоен и так полно воплощен в культуре. Каждая культура имеет собственную историю, собственный опыт. Культуры, относящиеся к одной и той же вере, несмотря на их внешние отличия, предполагают совершение по существу одной и той же литургии. Что касается православия в Америке, то различия в богослужении не могут быть объяснены только различием в культуре. Посещающий американский приход становится свидетелем не просто американизированной службы, хотя она и проводится на американском английском языке в здании, скамьи в котором иногда действительно взяты из протестантских церквей. Фактически большинство изменений в церковной службе имеют русское происхождение. Изменения эти—выражение связей и преемственности, которая существует между нашими церквами. И это совсем не означает разрыва с нашим прошлым или капитуляции перед «иностранным» влиянием. Мы должны искать корни этих изменений в России конца XIX—начала XX вв. В XIX в. в России были проведены исторические исследования. Этот период отмечен открытием святоотеческих истоков православной веры. Открывая академическому и духовному миру писания греческих отцов, изучая историю восточной церкви, ученые подготовили, по словам о. Георгия Флоровского, освобождение Русской Православной Церкви от веками длившегося западного пленения. В области литургической истории этот период дал много значительных работ. А.Дмитриевский, М. Скабалланович, И. Мансветов, И. Карабинов, Н. Красносельцев, А. Петровский, М. Орлов и многие другие исследовали сложную эволюцию христианского богослужения. Как и на Западе, эти ученые заложили основу для дальнейшего расцвета литургического богословия и таким образом подготовили дальнейший путь литургических

реформ. В XIX в. в России сфера духовных изысканий была в основном исторической и ограничивалась учеными кругами. Некоторые усилия были предприняты в области литургической реформы. Однако замечательным исключением в этот период стали нововведения недавно канонизированного Иоанна Кронштадтского и русский перевод Библии митрополита Московского Филарета. Обе эти попытки вызвали тогда негативную реакцию. Русские церковные обычаи оставались, по существу, неизменными с XVII в. После реформ Никона и последовавшего за ним раскола, мало кто отважился поддерживать реформы в дальнейшем. Церковный Собор 1667 г., завершая обсуждение Служебника, провозгласил: «Такоже и въ предъ да печатають, и никтоже да дерзнетъ отъ ныне во священнодействие прибавити что или отъята, или изменить. Аще и ангель будетъ глаголати что ино, да не имате веры ему» (Н. Субботин. Деяния Московского Собора 1666–1667 гг., М., 1893. Часть 2. С. 15,16). До середины XVII в., однако, были проведены две литургические реформы. Обе—гораздо более обширные, чем никоновская. Первая из них, осуществленная во времена митрополита Киевского Киприана в конце XIV—начале XV вв.,—это постепенное принятие во всей России Типикона «Св. Саввы» (монашеское правило, которое достигло своего завершения на Афоне в XIV в.). В русских соборах и приходских церквях это означало конец для так называемого Кафедрального Типикона, который был заимствован из Константинополя в X–XI вв. В монастырях Типикон «Св. Саввы» заменил более ранний Студийский Типикон (городской монашеский также константинопольского происхождения). Вторая реформа была проведена в первой половине XVII в. в Киевской митрополии, во главе которой стоял Петр Могила. Эта реформа, так же как и реформа Никона в Москве, ввела современную греческую практику в Русскую Церковь, но со значительными латинскими влияниями, многие из которых вошли в московскую практику через Московский Требник 1672 г. Этот вопрос изучался Н.Успенским, который преподавал в Петербурге несколько лет тому назад (см. Н.Успенский. Коллизия двух богословии в исправлении русских богослужбных книг в ХУПв., Богословские Труды, 1975, N 13. С. 148–171). Знаменательно, что ни реформа Киприана, ни реформа Петра Могилы не вызвали большой оппозиции. Только в бурное первое десятилетие XX в. вопрос о литургической реформе вновь был поставлен. Требование реформы возникло совсем с неожиданной стороны. В 1905 г. Святейший Синод Русской Православной Церкви разослал анкету всем епископам, спрашивая их мнение о реорганизации и возрождении церкви. К.П. Победоносцев, обер-прокурор Святейшего Синода, очевидно, ожидал, что епископы, большинство из которых он отбирал, точно следуя своим консервативным взглядам, окажут поддержку его реакционной позиции против либеральных реформаторов. Результаты потрясли его. Ответы епископов, опубликованные позже в трехтомном издании (Отзывы епархиальных архиереев по вопросам о церковной реформе, СПб., 1906.), оказались мощным призывом к широкомасштабным реформам во всех областях церковной жизни (см. James Cunningham. A Vanquished Hope. Crestwood, NY: St.Vladimir's Press, 1981). Анализ ответов в деталях не входит в рамки этого доклада. Но мы остановимся на одной мало известной области—на литургической практике. Ответы епископов противоречат широко распространенному взгляду, что Русская Церковь и ее руководство были в то время очень консервативными, противостоявшими любым изменениям. Тридцать два из шестидесяти четырех епископов, заполнивших анкету, оказались сторонниками литургических изменений. Их ответы показали замечательную открытость литургическому возрождению и даже требование его. Почти все епископы были недовольны существующим положением в литургической жизни церкви. Осознавая первостепенное значение богослужения в христианской жизни, они жаловались на сложившуюся ситуацию: «Вера православная познается, укрепляется и поддерживается главным образом церковным богослужением. Церковное богослужение по справедливости считается лучшею веро- и нравоучительною и воспитательною школою, благодатно и спасительно действующею на все силы и способности души. Но для того, чтобы богослужение было действительно таковым, нужно непосредственное, сознательное и живое участие в нем всех предстоящих... К глубокому сожалению, этого нельзя сказать о богослужении

Православной Русской Церкви» (Епископ Нижегородский Назарий, Отзывы II. С. 454). Вопрос о литургическом языке был одним из наиболее важных. Ответы на него были различны—от сдержанных суждений тогдашнего архиепископа Северо-Американского Тихона, который требовал нового современного славянского перевода церковных текстов с дальнейшей перспективой перехода на русский язык (Отзывы I. С. 537), до более радикального мнения епископа Псковского Арсения, который писал, что церковное богослужение должно совершаться на «общепонятном русском языке» (Отзывы IV. С. 6). Епископ Архангельский Иоанникий выражал недовольство тем, что переводы церковных книг существуют на таких языках, как латышский, мордовский, а по-русски служить нельзя (Отзывы I. С. 335, 336). Из 28 епископов, высказавшихся по вопросу о церковном языке, 8 были за использование русского, 18—за серьезное исправление славянского текста с целью сделать его более понятным, 2—за тщательное обсуждение этого вопроса. Вторым серьезным вопросом для многих епископов был вопрос о Типиконе. Типикон—книга, которая регулирует литургическую жизнь церкви, в основном—монастырского происхождения. Службы чрезвычайно длинные и для мирян монотонные. Только несколько монастырей могли следовать этому буквально. В приходских церквях и соборах службы всегда сокращались. И отсюда возникают проблемы. В отсутствие руководства священники сокращали службы, как хотели. Не было единообразия, но гораздо хуже то, что сущность церковной службы искажалась произвольным и нелогичным изменением богослужения. Епископы проявляли большой интерес к самому порядку проведения служб. В частности, они выступали за более широкое участие мирян. Одиннадцать епископов предлагали ввести общее для всех молящихся пение во время службы. Существовало глубокое убеждение, что пение и чтение непонятны для прихожан из-за манеры их исполнения. Пять епископов, включая архиепископа Северо-Американского Тихона (Отзывы I. С. 537), высказались за чтение вслух так называемых тайных молитв. Многие епископы выступали за отмену повторяющихся ектений и молитв, с одной стороны, и за расширение библейских чтений и возобновление проповедей, с другой. Архиепископ Тихон поднял вопрос о «новом» календаре, особенно, в связи с Американской епархией, где все общество жило по григорианскому, а не по юлианскому календарю. Этот краткий анализ указывает только на открытость литургической реформе и возрождению, которая существовала в русской церкви накануне революции. Трагические события, которые затем последовали, разрушили все возможности к осуществлению этих реформ в жизни. Намеченный Церковный Собор не был проведен, а Собор 1917–1918 гг. смог только восстановить патриаршество и выбрать Тихона в качестве главы церкви. Политика уничтожения церкви началась сразу после революции, и дальнейшее обсуждение вопросов внутренней жизни церкви, особенно связанных с литургией, стало невозможным. Последующее принятие многих из упомянутых выше реформ обновленческой церковью после 1922 г. создало только больше трудностей. С одной стороны, русская церковь боролась за выживание под гнетом сугубо атеистического коммунистического режима, и поэтому не могла вернуться к этим вопросам. С другой стороны, любые предложения, касающиеся литургических изменений, немедленно вели к обвинениям в обновленчестве. Глубокие литургические исследования практически прекратились, за исключением работ Н.Успенского (ученика А.Дмитриевского), профессора Ленинградской духовной академии. В бурные послереволюционные годы центром русской интеллектуальной и религиозной мысли становится Париж. Здесь в Свято-Сергиевском богословском институте собрались многие из величайших православных мыслителей XX в., включая о. Сергия Булгакова, Антона Карташева, Владимира Зеньковского, о. Киприана (Керна), о. Николая Афанасьева, о. Георгия Флоровского и других. Это были люди, сформировавшие в дальнейшем новое поколение богословов, включая о. Иоанна Мейендорфа и о. Александра Шмемана, чьей памяти эта конференция и посвящена. А.Шмеман завершил свое образование в Свято-Сергиевском богословском институте, специализируясь в области церковной истории под руководством А. Карташева. Он защитил кандидатскую диссертацию по теме Византийской теократии. Затем начал преподавать церковную историю в институте сначала как мирянин, а

затем как рядовой священник. Вскоре, однако, он заинтересовался литургией под влиянием о. Киприана (Керна), его духовного отца, который был профессором патристики. Еще более значительным для молодого А. Шмемана оказалось влияние о. Николая Афанасьева, профессора канонического права, чьей главной сферой интересов была экклезиология. Больше всего о. Николай Афанасьев известен своим учением о евхаристической экклезиологии и понимании церкви, которое подчеркивает важность литургии и, главное, Евхаристии. С этой точки зрения, основанной на некоторых ранних писаниях святых отцов, таких как Игнатий Антиохийский, Иринеи Лионский, Церковь полностью реализуется как воплощенное Тело Христова именно тогда, когда она собирается вокруг алтаря для совершения Евхаристии. Следовательно, это и завершение, и источник церковной жизни. Таким было видение Церкви, которое о. Александр Шмеман отстаивал до конца своей жизни, стараясь постоянно переводить этот принцип из теории в практику. Круг общения о. Александра Шмемана, однако, едва ли был ограничен учителями и коллегами в богословском институте. Париж в 1940–1950 гг. был также центром католического возрождения, движения, которое включало в себя как «возвращение к истокам» (в первую очередь к писаниям греческих отцов), так и «литургическое движение» (вдохновляющим фактором которого было изучение восточной литургии). Благодаря личным контактам и изучению работ таких ученых, как Жан Даниелу и Луи Буйе, о. Александр Шмеман разработал свою «литургическую теологию» и «философию времени». Труды этих западных ученых занимали видное место в его библиотеке, наряду с работами русских исследователей литургии конца XIX—начала XX вв. и книгами его учителей в богословском институте в Париже. Однако именно в Америке о. Александр оставил наиболее заметный след. Он прибыл в Свято-Владимирскую православную академию в Нью-Йорке в 1951 г., где в 1962 г. стал деканом и оставался им до своей смерти в 1983 г. Человек идеи и действия, Александр Шмеман никогда не был удовлетворен чисто интеллектуальными интересами. Через многочисленные публикации, частые выступления и особенно в процессе преподавательской деятельности он постоянно старался претворить в жизнь свое понимание Церкви в первую очередь как евхаристического собрания. Не будет преувеличением сказать, что он был движущей силой возрождения евхаристической и литургической жизни в Америке, которое продолжается и по сей день. Когда А. Шмеман в начале 50-х годов прибыл в Америку, ситуация была не блестящей. Русская революция привела к хаосу в жизни церкви не только в России, но и в Америке. Церковь, которая раньше возглавлялась русским архиепископом, была раздроблена по политическим и этническим причинам на многочисленные конкурирующие группы. Среди юрисдикции славянского происхождения язык литургии был славянским, хотя большинство верующих из семей, проживших в Америке уже несколько поколений, не говорили на языках своих предков—русском, украинском, карпаторосском, галицком и других и тем более не понимали церковнославянского. Многие из бывших униатских приходов следовали определенным латинским традициям, таким, как отказ от причастия маленьких детей или проведение заказных поминальных литургий во время поста. Хотя ситуация и стала меняться, духовенство, не имея достаточного богословского образования, было слабо подготовлено, чтобы представлять Православие в плюралистическом обществе. Многие из приходов функционировали главным образом как этнические клубы, и руководство в них принадлежало мирянам. Священнику отводилась лишь роль церковнослужителя. Устав прихода обязывал прихожан принимать таинство исповеди и причастия раз в год. Три десятилетия, которые о. Александр Шмеман посвятил работе в Америке, отмечены удивительными преобразованиями в церковной жизни, особенно литургической. Английский становится общепринятым языком богослужения в большинстве приходов. Первоначально используемые английские тексты были переводами со славянского языка, сделанными церковью по поручению архиепископа Тихона в начале века. Но в 1960–1970 гг., стали появляться новые переводы, сделанные прямо с греческого, более научно обоснованные и на лучшем английском языке. Эта работа продолжается и до сих пор. Александр Шмеман положил основание евхаристическому возрождению. Там, где причастие раз в год было нормой

церковной жизни, теперь значительная часть мирян участвует в таинстве каждую неделю. Общая исповедь проводится во многих приходах как дополнение к личной исповеди. Прежнее требование, чтобы исповедь предшествовала каждому причащению, теперь не обязательно для тех, кто причащается регулярно и часто. Так называемые тайные молитвы, главным образом евхаристический канон, теперь читаются вслух в большинстве церквей. Для того чтобы изъяснить экклезиологическую сущность крещения, оно часто совершается вместе с Евхаристией, обычно в воскресное утро в присутствии всех прихожан. Для того чтобы дать возможность семье работающих прихожан посетить праздничные литургии, попадающие на будние дни, они часто совершаются вместе с всенощной—вечером накануне церковного праздника. Два года назад Литургическая комиссия православной церкви в Америке провела опрос духовенства с целью определить: 1) что фактически делается в приходах и 2) что духовенство хотело бы видеть сделанным в области литургии. Результат был поразительным, особенно если его сравнить с ситуацией прежних лет. 80% священнослужителей читают вслух весь или часть евхаристического канона; 95% священнослужителей одобряют частое причащение; 52% проводят общую исповедь, как правило, ежемесячно; 39% проводят крещение вместе с евхаристической литургией (69% хотели бы делать то же самое, если бы епископы благословили их и дали указания); 21% совершают вечернюю литургию накануне некоторых праздников (55% делали бы это, если бы получили благословение епископов). Что касается надежды духовенства на будущее, то имеются многочисленные пожелания прийти к большему единообразию и четкому руководству. Часто слышится: «Каждый священник—это свой собственный Типикон»,—точно так же, как это было среди русских епископов в 1905 г. И так же, как в 1905 г., многие священнослужители высказываются за развитие приходского Типикона взамен монастырского Типикона «Св.Саввы», который не может быть выполнен в жизни прихода. Большинство изменений в американской литургической практике напрямую соотносится с работами о. Александра Шмемана. Многие священники, служащие сейчас в Америке, учились с ним, и было бы трудно найти священника, который не слышал бы его или по крайней мере не читал бы его работ. Как в своих речах, так и в книгах о. Александр всегда подчеркивал экклезиологический смысл богослужения. Литургия, как он утверждал, должна быть действием всей церкви—духовенства и мирян вместе. Литургия и особенно Евхаристия—наиболее совершенное выражение и осуществление Церкви. Таким образом, литургия не может быть отделена от богословия, так как она сама совершенный акт богословия, знание и ощущение Бога, и поэтому литургия—первоисточник богословия. Это было великое открытие о. Александра Шмемана, и оно оказало влияние не только на православие, но и вышло далеко за пределы церкви. Книги о. Александра широко используются в американских университетах и семинариях. Только в прошлом году американское правительство заказало несколько тысяч экземпляров его книги «Великий пост» для того, чтобы разослать армейским священникам. В недавно изданной католиками книге «Как заложить основание. Лидеры литургического движения» содержится биография о. Александра Шмемана, и он упоминается среди «отцов» нашего века. В краткой хронологии в начале книги при перечислении важных моментов в литургическом движении 1966 г. отмечен публикацией его «Введения в литургическое богословие». Широкий интерес к православию в американском обществе стал возможен благодаря работам таких выдающихся богословов, как о. Александр. Благодаря его личному авторитету многие американцы приняли православие. Много приходов в Америке состоят целиком или большей частью из новообращенных. В Свято-Владимирской православной академии, где он преподавал много лет, большая часть студентов приняла православие будучи взрослыми. Много священников и четыре епископа были обращены в православие. Таким образом, надежда св. Тихона создать местную православную церковь в Америке осуществляется. Было бы неправильно нарисовать эту идеальную картину православия в Америке. Не все наши литургические преобразования позитивны. Например, введение скамей в церкви (американцы не любят долго стоять, исключения составляют только футбольные матчи) приводит к превращению мирян в

пассивных наблюдателей. Использование органов в некоторых церквях (греческого и арабского происхождения) также уменьшает роль мирян. Еще более показательным фактическим сведением литургической жизни к воскресной литургии. Субботние всенощные службы часто плохо посещаются, и поэтому мало где эти службы проводятся. Обыкновенно служит только вечерня. В результате мало людей слышат воскресное Евангелие, кроме как на Пасху, а оно должно читаться каждое воскресенье на заутрени. Богатая гимнография недельного воскресного цикла, которую полагается петь на вечерне и утрени и которая содержит так много ценного, фактически опускается. Только теперь делаются некоторые попытки к развитию более полной субботней вечерней службы. И это тяжелая борьба. Наши церкви расположены не только в городах, но и в пригородах, и люди должны часто проделывать долгий путь до церкви. Церковь должна конкурировать со всевозможными развлечениями, которые привлекают людей в американском обществе. И, что еще более серьезно, церковь должна действовать в обществе, которое является западным и полностью секуляризированным. Русская церковь боролась с открытым атеизмом, православие же в Америке столкнулось с более изощренным врагом. Хотя Америка претендует быть нацией «под Богом» (это представлено даже на наших деньгах!), Бог далек от сознания и повседневной жизни американцев. Бог Тот, с Кем они общаются один на один в их собственной совести—в церкви в воскресное утро, если они того хотят. Но, по их мнению, нельзя позволить Богу вмешиваться в их повседневную жизнь. Религию, например, нельзя преподавать в общественных школах. В результате жизнь разбивается на куски. Бог может существовать в воскресное утро, но остальное время люди живут, как будто Его нет. Это суть секулярной политики, и она также оставила свой след в жизни православной церкви. Секуляризм ведет к разрыву между церковным богослужением и жизнью верующих. И о. Александр Шмеман был озабочен решением этой проблемы. В дополнении ко второму американскому изданию книги «За жизнь мира» (Crestwood, NY: St.Vladimir's Seminary Press, 1973), которую часто считают его лучшей работой, содержится глава «Богословие в секулярный век», где О.Александр говорит (с. 134): «Мы не нуждаемся в каком-то новом богослужении, которое было бы как-либо приспособлено к нашему новому секулярному миру. Что нам нужно—это открытие заново истинного смысла и силы богослужения, и это значит—его космической, экклесиологической и эсхатологической сущности. Это, конечно, подразумевает большую работу, большую «чистку». Это подразумевает учение и труд. Это подразумевает избавление от мертвого груза, который мы несем с собой, слишком часто принимая его за самую суть наших «традиций» и «обычаев». Но когда мы откроем истинный закон молитвы, настоящее значение и силу нашей литургии, когда это снова станет источником всеохватывающего мировоззрения, тогда и только тогда единственное противодействие «секуляризму» будет найдено. И нет ничего важнее сегодня этого открытия заново и этого возвращения—не к прошлому, но к Свету и Жизни, к Истине и Благодати, которые всегда наполняют церковь, когда та становится в своей литургии тем, что она есть».

Алексей Костромин: О переводе богослужебных текстов: pro и contra двух языков

Церковная жизнь

ПРЕДАНИЕ ЦЕРКВИ безусловно утверждает возможность и даже необходимость перевода Священного Писания и богослужебных текстов на любой язык. Церковь имеет прямую заповедь Господа: «Итак, идите и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого

Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28: 19-20). Ради ее исполнения в день Пятидесятницы апостолы получили дар языков — духовную силу на любом языке без искажений донести народам Благую Весть. Этот дар в Церкви никогда не иссякал, хотя и не всегда обнаруживался чудесно, так, как его явили апостолы в день сошествия Святого Духа. Церковь никогда не утрачивала сознания этого дара и не сомневалась, что читать Писание и проповедовать, молиться Богу лично и на общественном богослужении нужно на языке народа Божьего, потому что в служении Богу — вся жизнь христианина, хотя Литургия и составляет ее центр. В истории первоначальной Церкви, как мы ее знаем по Деяниям Апостолов, нет и намека, чтобы вопрос о языке стал причиной каких-либо разногласий. Без всяких колебаний Церковь полностью перешла на древнегреческий язык, оставив древнееврейский. И всякий раз, когда возникала миссионерская ситуация, она говорила и служила на языке того народа, к которому была обращена проповедь: Кирилл и Мефодий переводят Писание и богослужение на язык славян, Стефан Пермский — на язык зырян, Николай Японский — на японский язык, Макарий (Глухарев) — на языки народов Сибири, Иннокентий Московский — на язык алеутов. Но из истории мы знаем и другое. В IX в. была сделана попытка утвердить только три священных языка богослужения: древнегреческий, латынь и древнееврейский при возможности проповеди веры на любом языке. Это учение отстаивала часть латинского духовенства в условиях начавшегося разделения Церкви на Западную и Восточную. А боролись против него свв. Кирилл и Мефодий, которые посвятили свою жизнь миссионерским трудам и переводу Священного Писания и богослужебных текстов на тот язык, который мы ныне знаем как церковнославянский. Попытка догматически обосновать идею сакрального языка и навязать церкви три таких богослужебных языка не удалась и была отвергнута ею как «трехязычная ересь». Ни в изначальном Предании Церкви, ни в учении Вселенских Соборов и святых отцов нет догмата или канона о сакральном языке вообще, как нет признания подобного статуса ни за одним из конкретных языков. Идея сакрального языка чужда Православию по двум основным причинам. Во-первых, язык сам по себе, как любой другой объект тварного мира, не является источником святости. Свят в полном смысле один только Бог. Свят человек в силу своей богосοοобразности и в меру богоподобия. Объекты тварного мира только освящаются, иногда в высочайшей степени, и потому им воздается соответствующая честь. Они могут быть преображены, но не являются и не могут быть личностями, как Личный Живой Бог и сотворенный по Его образу и подобию человек. Они остаются объектами, а значит, не могут сами по себе быть источниками благодати. Сколь бы ни была священна и почитаема икона, молитва адресована не ей, а Богу, ибо только Бог может слышать призыв человека и отвечать ему. Попытки почитания материала иконы как священного отдельно от образа и Первообраза были отвергнуты Церковью. Как бы ни был отработан богослужебный язык, Бог слышит не сам язык, а человека, обращающегося к Нему. Поэтому и язык ценен настолько, насколько он помогает человеку в этом, даже если речь идет только о внутрицерковном употреблении языка. Если Бог слышит сам язык, то, значит, Его можно заставить дать благодать — достаточно произнести текст, понимая его или не понимая. Святые отцы осуждали бессмыслицу на молитве: «Многие входят в церковь, прочитывают тысячи стихов и выходят, но не помнят, что читали. Уста двигались, а слух не слышал. Сам ты не слышишь своей молитвы, а хочешь, чтобы Бог слышал твою молитву?» (Св. Иоанн Златоуст). Если бы церковнославянский язык автоматически порождал святость, то русская земля давно благоухала бы. Сколько людей, из них множество крещеных, заходят в храм, ставят свечи, смотрят на несомненно прекрасное, но малопонятное богослужение, и уходят жить, поддаваясь стихиям мира сего, ничего в храме не услышав. Неприкосновенность церковнославянского языка принято обосновывать тем, что он как связующее звено между нами и русскими святыми приобщает нас к сокровищу их сердец. Святые земли Российской, действительно, совершали богослужения на церковнославянском языке, но то сокровище сердечное, которое стяжали именно они и к которому мы будто бы присоединяемся через богослужебные тексты на церковнославянском языке, никак в этих текстах не выражено.

Основные богослужебные тексты были такими до них и такими же остались после них. Сокровище их сердец выявилось иначе — в их жизни и в их писаниях. Однако и как средство выражения духовной жизни церковнославянский язык жил лишь до известного времени. С некоторых пор русские святые перестали толковать на нем о духовном, если вообще толковали в живой речи, а не в своих писаниях. Пример тому такой авторитетный текст как «Беседа прп.Серафима с Мотовиловым». Это говорит о том, что церковнославянский язык потерял тесную близость с сокровенной жизнью человеческого духа, и на его место заступил русский язык. Если церковнославянский язык сам по себе в силу его принадлежности нашим верующим предкам связывает нас с русскими святыми, то он тем самым отделяет и русских святых и нас — от святых отцов, которые молились на древнегреческом. Но мы несомненно знаем, что русские святые жили тем же Духом, что и греческие отцы. Церковнославянский язык связывает нас с греческими отцами, но связывает не буквой, а духом и смыслом, т. е. тем, что доносит до нас Предание. В нем, в Предании, наше единство и с русскими святыми и со святыми отцами. Литургия есть собрание верных «на одно и то же», где бы, когда бы, на каком бы языке она не совершалась, ибо един Бог и едина Святая Соборная и Апостольская Церковь. Единство Церкви в ее поколениях не в языке, а в Духе. Если мы не живем тем же Духом, духом единого Предания, то мы и не с нашими отцами. Понимаем ли мы Предание и живем ли им? Если понимаем, то можем выразить и на русском языке и выражаем, когда учим, ибо иначе его не передашь другому. А если не понимаем, если не можем ни выразить, ни передать, то втуне звучит на богослужении церковнославянский язык. Если понимаем и выражаем на русском языке, значит, уже переводим, хотя бы на уровне подстрочника или описательных толкований. Да, нам близок церковнославянский язык и тем, что он тесно связан с культурой и историей всего народа и, конечно, главное — с историей Русской Православной Церкви. Но эта связь в миссионерской ситуации не может дать ему приоритета над русским. Во-первых, потому, что миссия совершается для того же народа, и если мы любим народ не только в его истории и великих достижениях культуры, а и в настоящем, то надо говорить с ним по-русски. Живой человек сейчас — дороже самого прекрасного языка, если этот язык ему чужд и непонятен. Тем более, что оценить по достоинству древний язык молитв он сможет только тогда, когда просветится евангельским светом. А тогда ничто ценное в этом языке не пропадет. Во-вторых, этнический состав современной России, а тем более СНГ, очень смешан и далеко не для всех мотив исторической преемственности, а отчасти, может быть и культурной, достаточно убедителен, чтобы побудить к изучению церковнославянского языка. Еще одно единство, ради которого звучит требование непременно сохранить церковнославянский язык на богослужении — единство богослужебного языка с рядом Церквей. Это само по себе не плохо, но и не обязательно. Если потребности поместной церкви требуют перехода на иной язык, что сделали уже Сербская и Болгарская православные церкви, никакая другая церковь не имеет никакого права ей в этом воспрепятствовать. Чего ради сохранять то единство, которого уже со многими нет? А если, к примеру, церковь одного с нами языка впадет в ересь, то что стоит это единство языка? И разве при единстве Духа разные языки разделяют? Напротив, языковое многообразие лучше, чем навязанное господство одного, даже очень хорошего в известных условиях языка. Зачем делать себя рабом там, где нам дарована свобода? Верность традиции, Преданию Церкви, в миссионерской ситуации означает приоритет миссионерских задач над языковой формой хранения Предания, существующей в данной Церкви. Весьма расхожий аргумент о том, что понимать ничего и не надо, что богослужение на церковнославянском таково, что всем своим строем вводит человека в нужный дух, и этого достаточно. Подобного рода рассуждения нельзя считать уж совсем лишены оснований, если говорить о строе богослужения. Но едва ли церковнославянский язык помогает выявить этот строй. Непонятность языка выносит за скобки смысл богослужения, исключает его как ненужную деятельность ума. А ум, по мысли таких свв. отцов, как Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов, есть средоточие образа Божия в человеке. В человеке ум — наиболее сродное Богу Творцу. «В обоих царствует естество ума». Но скажут, что Богу, может быть, не так важно, на каком языке

звучат молитвы — английском, греческом, церковнославянском или русском. Это важно нам. Какой язык богаче, какой язык лучше, какой язык эффективнее? Разве не очевидно, что церковнославянский язык — «намоленный» язык? Изначально он служит только высшей религиозной сфере и никогда — профанной повседневности. Овладевая им, человек входит в Предание, в божественную сферу. Во-первых, надо внимательно рассмотреть, насколько хорош сам факт двуязычия церковного человека, насколько ценна сакральность церковнославянского и насколько велика профанность русского языка. Новый Завет непререкаемо утверждает, что Бог ничего не сотворил нечистым, что ничто, входящее извне из сотворенного Богом не оскверняет человека, и вся скверна исходит изнутри, из сердца человека, что «для чистого все чисто». Если русский язык — это мирская скверна, а церковнославянский священен и чист, то для верующего человека опять встает дилемма: либо везде и всюду говорить и мыслить на церковнославянском языке, либо пребывать в чистоте только в одном месте — на богослужении, а все остальное время погрязать в скверне. Тогда надо всю жизнь расчленить на сакральное и профанное. Тогда Бог уходит из жизни. Тогда в жизни нет места богообщению. Тогда нет возможности накапливать духовный опыт в словах родного языка. Сакральный язык или в лучшем случае ведет к стилизации жизни, (а фальшивые ноты стилизации обязательно дадут о себе знать в миссионерской ситуации), или требует заковать жизнь в свои рамки, навязать действительности те реалии, которые есть в нем или ассоциируются с ним, но которых уже нет в жизни, независимо от того, благословлены они Богом или нет. Вот благоприятные почва и форма для жизни фантомов идеализированного прошлого. Впрочем, тут есть и обратный ход: болезненная химера ищет воплощения и находит его хотя бы в языке — этом безусловном факте настоящего, пришедшем из идеального прошлого. Так формируется сакральный мир, и каждый, кто не принадлежит ему, кто не несет на себе его меток, — чужой, профанный, нечистый. Тогда — «кто не с нами, тот против нас». Сакрализация своим итогом всегда имеет секуляризацию, а секулярное мышление всегда приветствует сакрализацию, ибо изгоняет Бога из жизни людей. А если сакральный мир пытается насильно навязать себя, всегда есть основания обвинить веру в тоталитаризме и этим обвинением отвергнуть и саму веру. Но верующему сердцу не пристало бояться оскверниться языком, на котором оно привыкло мыслить и говорить, ибо сила Духа Божия может все очистить, освятить и преобразить. Русский язык не осквернит богослужения. Мир сей — это не язык, а дух. Этот дух с одинаковой легкостью может жить и под священной одеждой сакрального языка. И самый простой повседневный язык будет чист от этого духа, если от него чисто сердце человека. Это не значит, что Церкви не нужен свой, особый язык для того, чтобы рассуждать о тайнах Божиих в своей внутренней жизни. Но никогда не надо забывать, что и этот язык всегда остается человеческим языком со всеми его ограничениями — церковнославянский он или русский. Богословский язык не является абсолютно незыблемым во всех своих частях. Незыблемо только Откровение, а не язык, на котором оно впервые прозвучало вообще или для какого-либо народа. Человек усваивает Откровение, а значит, ищет новых слов, чтобы выразить новые грани все того же Откровения. Свидетельство тому вся история богословия, в котором есть место и чеканным формулам, которые пребудут, куда длится история, и словам, продолжающим их и углубляющим. Во-вторых, жизнь Церкви не исчерпывается внутренней жизнью. Она поставлена в мире, чтобы свидетельствовать о Боге. Значит, до конца времен она — Церковь миссионерствующая. Насколько церковнославянский язык соответствует этим задачам? Очевидно, что проповедь на нем исключена. Здесь снова выявляется (если, конечно, не отвергать вопреки всему Преданию имманентность миссии Церкви), что двуязычие не полезно церкви в духовном просвещении. В процессе оглашения взрослых, приходящих в Церковь из неверия или полуживого, катехизические беседы и богослужение составляют единое целое, а разница языков разрывает эту связь. Церковь назвала первую часть Литургии Литургией оглашаемых, потому что предназначала ее именно для них, и где, как не здесь, пойти навстречу человеку только вступающему на путь веры, т. е. как минимум по-русски читать Писание, (в уже признанном Русской Православной Церковью синодальном переводе),

включая псалмы, и проповедовать на конкретное место из него. Известно, что на богослужении чтение Писания и проповедь имеют совершенно особое действие, нежели во всяком другом случае. Именно поэтому оно стоит в центре всех синаксарных богослужений. Это ясно при теоретическом подходе. Но это же показывает и конкретный опыт катехизации взрослых. Кроме оглашаемых, Церкви следует помнить еще и о престарелых своих членах, больных, скованных тяжелыми жизненными обстоятельствами, которым не поднять бремени церковнославянского языка. Правда, часто встречается утверждение, что церковнославянский язык — это почти что русский, и выучить его чрезвычайно легко и просто, что он труден только ленивому. Это, конечно, неправда. Общность значительной части лексического фонда создает такую иллюзию. Но кроме того, что и здесь не все так просто, главное различие и проблема понимания связана с различием в грамматическом строе, а здесь разница между русским и церковнославянским близка к разнице между русским и древнегреческим или между русским и современным немецким. Это другой строй языкового сознания. Улавливая отдельные слова и как-то их понимая, человек слишком часто не ухватывает их связи, не видит смысла целого. Мнение о легкости церковнославянского языка почему-то сочетается с прямо противоположным: церковнославянский язык — это «узкие врата», он предоставляет возможность совершить усилие, отучает от мысли, что спасение близко. Если принять этот аргумент, то не очень понятно, зачем создавать искусственные врата перед входом в Предание. Кажется, согласно Евангелию, Господь наш такой заповеди ученикам не давал, напротив, Он предостерегал от того, чтобы накладывать бремена неудобноносимые. Церкви надо думать о «малых сих». Есть еще ряд «принципиальных» возражений против перевода с церковнославянского на русский. Возражение первое: перевод невозможен, так как литературный язык быстро устаревает. Придется делать перевод каждые два-три поколения. Это не совсем правда. Очень текуч разговорный язык; литературный же язык, книжный, меняется намного медленнее и меняется он по преимуществу в части лексики. В целостном организме языка в разговорном и книжном его варианте коренные грамматические перестройки происходят очень редко. Например, в русском языке они произошли в XIV в., и с тех пор принцип функционирования языка практически не менялся, а только шлифовался и выявлялся в различных формах. В лице Пушкина мы имеем гения, который этот принцип угадал и снял все чуждые напластования, дал блестящие, чистые образцы русского, а не церковнославянского языка, сумев дать и органичный сплав различных языковых пластов, где свое место нашел и церковнославянский язык. Поэтому современный язык и язык Пушкина — тот же язык, несмотря на катастрофическое падение уровня культуры речи у современных его носителей. С него не надо переводить, а достаточно откомментировать произведения Пушкина в связи со сменой реалий жизни. И если в речи современного человека нет высоких мыслей, которые есть у Пушкина, то в этом виноват не язык, а носители. К тому же у многих людей, говорящих по-русски, высокие мысли еще есть. Но если даже предположить, что язык, действительно, будет стремительно меняться, то почему же не переводить в связи с этими изменениями? Для этого нет ровно никаких препятствий. По крайней мере, так думали вице-президенты Российского Библейского Общества митрополит Филарет (Дроздов), митрополит Санкт-Петербургский Амвросий и митрополит Московский Серафим: «Язык в книгах неизменно храниться может многие веки, язык в устах народа в одном веке изменяется много; и написанное за несколько столетий на нашем отечественном языке ныне нам уже мало понятно без особого изучения сего языка в древнем его состоянии. Из сего открывается, для беспрепятственного употребления и распространения слова Божия, необходимость не только переводить Священное Писание на отечественный язык, но и на сем самом языке от времени до времени возобновлять перевод, сообразно с состоянием сего языка в его народном употреблении». Возражение второе: перевод невозможен, так как это то же самое, что перевод Шекспира или Пушкина. О Пушкине уже было сказано выше. Что касается Шекспира, то его творения — не то же самое, что Евангелие. Плохо не знать Шекспира, но и не зная его, возможно жить по вере. Но как жить по вере без Евангелия, например, которое нужно хорошо

понимать и постоянно в него вникать? Или без полноценного участия в богослужении, чему преградой служит церковнославянский? Надо также помнить, что поэтическая красота священных текстов - вещь очень ценная, но сама по себе не спасительная. Новый Завет написан не на самом лучшем греческом языке. Это не оправдывает небрежного перевода, но и церковнославянский не всегда и во всем — поэтическая вершина, превзойти которую уже невозможно. К тому же, англичане не переводят Шекспира потому, что он им достаточно понятен, а вот Чосера переводят, потому что он в оригинале практически недоступен. Возражение третье: перевод невозможен, так как нет людей, способных его осуществить. Когда исключена задача, то, конечно, трудно надеяться и на появление таких людей. Но когда церковь отказывается ее решать, то это означает печальную вещь: церковь не имеет в себе внутренних творческих сил осуществить адекватную передачу своего Предания на другом языке. Это означает, что она не может духовно самоидентифицироваться, вернее, она идентифицирует себя с буквой; она не знает самое себя, т. е. ее вообще нет. Вернее, она есть, но она — буква, а не дух, обряд, а не таинство, языковая форма, а не смысл, мантра, а не молитва, только храм, а не Тело Христово. Но в это невозможно поверить. Этого нет и да не будет!

: Из материалов православной пресс-службы SOP

Церковная жизнь

О. БОРИС БОБРИНСКИЙ — ДЕКАН СВЯТО-СЕРГИЕВСКОГО БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА Отец Борис Бобринский, приходской священник из Парижа, профессор догматического богословия, единогласно избран 23 июня 1993 г. деканом Свято-Сергиевского богословского института, вместо оставившего этот пост по состоянию здоровья Константина Андроникова, возглавлявшего институт в течение двух лет. Специалист по тринитарному и таинственному богословию, о. Борис Бобринский — один из крупнейших знатоков Православия, хорошо известный и ценимый далеко за пределами своей конфессии. Женат, имеет троих детей и трех внуков. Отец Борис родился в 1925 г. в Париже, где получил образование и был удостоен диплома Свято-Сергиевского института. Два года специализации на факультете православного богословия в Афинах утвердили его в богословском призвании. С 1953 г. преподает догматическое богословие в Свято-Сергиевском институте и входит в профессорский штат Высшего института экуменических исследований со дня его основания в 1968 г. В 1987 г. защитил в Свято-Сергиевском институте докторскую диссертацию на тему «Пребывание Св. Духа во Христе». Рукоположен во священство в 1959 г. С 1968 г. — настоятель франкоязычного православного прихода крипты Св. Троицы на улице Дарю в Париже. Свободно владеющий французским, английским, греческим и русским языками, о. Борис взял на себя ответственность координатора в области как межправославных, так и межконфессиональных контактов. Будучи консультантом Православного межепiscopalного комитета во Франции, принимал участие в качестве эксперта в двух православных согласовательных конференциях в 1976 и 1982 гг. Член Комиссии «Вера и Конституция» во Всемирном Совете Церквей. Активный сотрудник французских комиссий по православно-католическому и православно-протестантскому диалогу. Стремясь оказать помощь процессу духовного обновления в Советском Союзе, о. Борис Бобринский в 1981 г. организовал радиопрограмму на русском языке «Голос Православия», ответственным за которую он является и по сей день. Он стоял также у истоков программы гуманитарной помощи России, проводимой под эгидой Архиепископата русских приходов в Западной Европе (Вселенский Патриархат) и РСХД, штаб-квартира которой находится в Париже. Многочисленные труды, о. Бориса Бобринского,

опубликованные на французском и других языках, посвящены вопросам богословия Св. Троицы и Св. Духа, экклезиологии и литургики, таинствам Крещения и Евхаристии. Среди этих работ — фундаментальный труд «Тайна Троицы» (Серф, 1986), а также сборник статей по догматическому и таинственному богословию «Причастие Св. Духа» (Белльфонтэн, 1992). О. Борис Бобринский совместно с Жаком Турелем — координаторы полного перевода с греческого на французский язык Добротолюбия, антологии аскетических текстов IV-XV вв., входящих в сокровищницу православной монашеской духовности.

МИТРОПОЛИТ ИОАНН ПЕРГАМСКИЙ ИЗБРАН В АКАДЕМИЮ Митрополит Пергамский Иоанн (Зизиулас) 8 апреля 1993 г. избран членом Афинской академии. Этим избранием отмечены его заслуги и труды в области богословия, а также служба во Вселенском Патриархате. Автор многочисленных работ по евхаристическому богословию Церкви, основанных на концепции «бытия как причастия», митрополит Иоанн, по словам о. Ива Конгара, — «один из самых глубоких и оригинальных богословов нашей эпохи». Иоанн Зизиулас родился в 1931 г. в Козани. Изучал богословие в Афинах и Салониках. Учился в экуменическом институте в Босси (Швейцария) и в Гарварде (США), где был учеником Г.Флоровского, П.Тиллиха и В.Ягера. В 1965 г. защитил в Афинах докторскую диссертацию на тему «Единство Церкви в Евхаристии и епископ в первые три века христианства». Преподавал догматическое богословие в университетах Эдинбурга (1970–1973 гг.), Глазго (1973–1987 гг.), на богословском факультете в Салониках (с 1984 г.), в Королевском колледже в Лондоне (с 1989 г.). В 1986 г. Вселенский Патриархат присвоил богослову-мирянину Иоанну Зизиуласу титул митрополита Пергамского, доверив ему ведение текущих дел в межконфессиональном богословском диалоге и в области контактов между православными Церквями. Митрополит Иоанн — член Международной комиссии по православно-католическому диалогу, президент Межправославного комитета по охране окружающей среды, член Международной Академии религиозных наук в Брюсселе, почетный доктор Парижского Католического института и богословского факультета в Белграде. Митрополит Иоанн — автор многочисленных статей и книг: «Церковное Бытие» (Женева, 1981), «Единство Церкви в Евхаристии и епископстве» (Афины, 1990), «Курс экклезиологии» (Афины, 1991), «Творение, как Евхаристия. Богословский подход к проблеме экологии» (Афины, 1992).

Ольга Черенкова: Крещение

Дневники, письма, воспоминания

УСПЕНИЕ, 27 АВГУСТА 1993 Г.

МОЕ ОЖИДАНИЕ КРЕЩЕНИЯ было похоже на ожидание бракосочетания. Я не чувствовала страха, не любопытствовала, какие чувства буду испытывать. Было спокойное сознание, что совершится то, без чего уже не может быть нормального течения жизни. Накануне вечером долго собирала все, что нужно взять с собой и надеть на себя. Казалось, что каждая мелочь в одежде, которая будет на мне, должна быть белого цвета. Легла поздно, но проснулась рано. Погуляла в парке с собакой, искупалась в озере, спокойно поела, оделась и вышла из дома с запасом времени. Молитвы мои были легки и радостны. Когда переодевались в трапезной, в руках у сестер появилось большое зеркало. Не хотелось смотреть в него, но не удержалась. Взглянула и поразились: на меня из зеркала смотрел ребенок — белокурый, синеглазый и румяный мальчуган лет восьми. Мы встретились глазами. Его взгляд говорил: «Все хорошо». Я отдала зеркало. Мы стоим в храме. Все очень красивы в своих белых тогах. Начинается таинство Крещения, и во мне словно начинает жить и развиваться некий тепло- и светоносный организм. Тело мое изнутри, из середины, постепенно, слой за слоем, заполняется теплом и

светом. Я подхожу к купели. В голове звучит совершенно ясный рациональный голос: «Это похоже на ныряние. Так просто меня не утопишь и не испугаешь. Под водой могу долго продержаться. К тому же, можно дважды набрать воздух», — и через минуту: «Маловаты паузы, чтобы успеть и выдохнуть, и вдохнуть». Дальше ни мыслей, ни чувств — ничего. Словно издали вижу или знаю, что меня закутывают, вытирают голову, ведут. В какую-то минуту реальность возвращается ярко, радостно. Думаю: «Словно из небытия вернулась». Уже дома эти мои ощущения и слова апостола Павла «Если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения» встают рядом и глубоко поражают меня. Свет и тепло разливаются во мне все дальше и дальше. Я чувствую, что стою в сырой простыне, руки ледяные, а мне — тепло. «Одейся светом яко ризою...» — пою (неужели пою?!) — пою! На мне уже сухая рубаха и крестик. Такой дивный запах — откуда он? Пытаюсь угадать, какие ароматические вещества могут придать ему такую сладость и радость. Наконец, понимаю, что это миро. Голос, который произносит: «Печать дара Духа Святого», звучит такой любовью, какую человек выражает вслух или в семье малым детям, или на пороге смерти, когда он по своим силам сам, как дитя. Слова эти произносятся с равным теплом и десять, и двадцать, и тридцать раз. Я знаю, что это — не театр, что это — подлинная правда, я знаю как это бывает. И все равно, это чудо — тридцать раз чудо, особенно когда говорят их тебе. Слова эти сказаны. Светоносное существо переполнило меня. Свет льется сквозь меня, пронизывает кожу, сильные упругие потоки вырываются из глаз. Радость, дивная радость! Она несколько не похожа на пьянящую радость, когда тело легко и не чувствуешь под собою ног. Напротив, радостно ощущается тело, освободившееся от груза и обретшее опору. Это тело хочет не парить, но ступать. Иду домой. В такт шагам, как живое существо, по груди скользит холодненький крестик. Много раз еще его движения будут напоминать о нем и возвращать к крещению, к молитве, к тому, что, кроме суеты, есть иное... Всю светлую седмицу любовь переполняет меня. Я словно соткана из любви к Творцу и всем Его творениям. Мучительно хочется это выразить словом, жестом, молитвой, подарком, угощением. Когда, немного позднее, в «Откровении Иоанна» прочла: «Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою», не было сомнений, о какой «первой любви» идет речь. Комментарий о. Александра Меня говорит, что так бывает почти у всех. Как это хорошо, что у всех — и у меня, у меня — и у всех.

Константинос Кавафис: Стихи

Поэзия

(1863-1933)

Творчество замечательного греческого поэта конца XIX — начала XX вв. Константиноса Кавафиса выходит далеко за рамки национальной и временной тем. Помещенные ниже два стихотворения Кавафиса из сборника «Лирика» (М., Художественная литература, 1984) раскрывают главное в его поэтике: обобщенность образа вплоть до превращения в символ вселенской значимости и, — ощущение невозможной утраты, той самой «трещины» в мире, которая, как писал Гете, «проходит через сердце поэта». Ни античность (большинство стихотворений Кавафиса — осмысление древней истории Греции), ни христианские формы духовной культуры сами по себе не снимают трагедии жизни, если они позволяют приобщиться к бессмертию лишь «на время» (Б. Пастернак), только «в этот час»...

А. Копировский

В ЦЕРКВИ

Я церкви Греции люблю — их шестикрылья, звоны, обрядовое серебро, светильники, иконы, лампы, чаши, алтари, огни, амвоны.

И каждый раз, когда вхожу я в греческую церковь благоуханьями ее, сияньем, пенопением, с многоголосьем литургий, священников явленьем — само величье строгий ритм диктует их движениям, их жесты свыше им даны, их облаченье свято, лампад сияньем, жаром свеч убранство их объято, — и в этот час объят мой дух величьем нашей Византии, культурой моего народа, великого когда-то.

Перевод Ю. Мориц

ГОРОД

Сказал ты: «Еду в край чужой, найду другое море и город новый отыщу, прекраснее, чем мой, где в замыслах конец сквозит, как приговор немой, а сердце остывает, как в могиле. Доколе разум мой дремать останется в бессилье? Куда ни брошу взгляд — руины без числа: то жизнь моя лежит, разрушена дотла, ее сгубил, потратил я с судьбой в напрасном споре».

Нет, не ищи других земель, неведомого моря: твой Город за тобой пойдет. И будешь ты смотреть на те же самые дома, и медленно стареть на тех же самых улицах, что прежде, и тот же Город находить. В другой — оставь надежду — нет ни дорог тебе, ни корабля. Не уголок один потерян — вся земля, коль жизнь свою потратил ты, с судьбой напрасно споря.

Перевод Е. Смагиной